

ШУТКА СУДЬБЫ

ПРОЛОГ

Этого переулка она боялась с детства. В нем всегда таилось что-то зловещее. Он был безлюдным, темным, жутким, с мрачными глухими зданиями и редкими деревьями по сторонам. Всякий раз, когда Нонна возвращалась по нему домой, ее охватывала тоска.

Вот и сейчас, торопливо цокая по выщербленному асфальту, она поминутно оглядывалась назад. Кавказцы не отставали. Теперь девушка не сомневалась, что они целенаправленно преследует ее. Но какого рожна им нужно?

Она стояла у казино «Золотой телец» на своем постоянном месте, никого не трогала, на чужую территорию не заходила, и вот неподалеку остановился темно-синий БМВ с черными стеклами. Но остановился как-то странно: не рядом, а метрах в пяти. Девушка давно заметила иномарку. Она медленно ползла по тротуару мимо ночных бабочек. Каких-то проезжала, около некоторых притормаживала, но стекол не опускала. И вот, наконец, миновав последнюю, машина остановилась. Из нее вышел хорошо одетый кавказец с золотыми зубами и рубиновыми перстнями на пальцах.

— Как тэбя завут, красавыца? — спросил он, подойдя к девушке.

— Нонна, — кокетливо ответила бабочка, удивляясь, что мужчина интересуется именем.

Обычно, клиенты в первую очередь спрашивают: «Сколько берешь за час?» Но это не все. Еще одна странность не ушла от внимания красотки: мужчина смотрел ей прямо в глаза и при этом даже мельком не скользнул по ногам. А но-

ги — это первое, во что впиваются клиенты. Потом их глаза деловито шарят по бедрам, с интересом задерживаются на груди и только после этого доходят до лица.

— Садыс к нам! — произнес кавказец, кивнув на БМВ.

Девушка понятливо улыбнулась и произнесла:

— Это будет стоить триста долларов.

— Садыс, садыс, — шевельнул бровями кавказец, пропуская мимо ушей условия. — Нэ бойса! Нэ абыдим.

Такой оборот дела не мог не насторожить. Серьезные клиенты принимались торговаться, или уточнять часы, за которые бабочка намеревалась получить такую сумму. Девушка кинула взгляд на черные окна автомобиля и подумала, что их минимум пятеро.

— Нет! — покачала она головой. — Я раздумала. Извините!

Кавказец резко схватил за руку, но девушка вырвалась и проворно отскочила в сторону.

— В чем дело, гражданин? Я пошутила! Я совсем не та, за кого вы меня принимаете.

Машина внезапно сделала задний ход и поравнялась с ними. Красавица не стала дожидаться, когда из нее выскочат остальные. Она развернулась и побежала к дверям казино, где толпились мужчины в элегантных костюмах. Потолкавшись среди них, она заметила, что иномарка исчезла. Девушка хотела вернуться на свой угол, но внезапно раздумала. Теперь настроение было испорчено на всю ночь. Как с такой кислой физиономией продолжать работать? Ничего не оставалось, как сделать подружкам ручкой и отчалить домой.

Завернув в свой ненавистный переулочек, девушка не заметила, что за ней нырнули трое кавказцев. Поначалу она не обращала внимания на идущих сзади мужчин, но в какую-то минуту прохожую охватило беспокойство. Она прибавила шаг и с ужасом заметила, что кавказцы тоже ускорили ход. Когда Нонна остановилась у освещенного ресторана, преследователи тоже остановились и, не глядя в ее сторону, закурили.

В этом переулочке главное проскочить середину, где дорога из-за строительства сужается до трех метров. В том месте наиболее жутко: фонарей нет, плюс ужасная теснота от бетонных стен по сторонам. Чувствуешь себя, как в каменном склепе.

Миновав ресторан, Нонна перешла на бег. Тройка сзади тоже тронулась с места. Ничего не оставалось, как юркнуть в первую попавшуюся дыру в бетонном заборе. Это было большой глупостью. Преследователи нырнули за девушкой и, рассыпавшись по строительной площадке, вскоре прижала ее к стене.

— Что вам от меня надо? — закричала она.

— Тыше! Нэ нада арать.

Несмотря на темноту за забором, она узнала того типа с золотыми зубами и перстнями на пальцах. Кавказец улыбался. Ни он, ни его товарищи не стали ничего объяснять. Они молча обступили беглянку, зажали ей рот, и один из них вытащил из-за пояса кусок железной трубы...

1

Когда он узнал, что жена изменяет, то едва устоял на ногах. В глазах потемнело, и душа провалилась на дно какого-то замка с коптящими светильниками на стенах.

Это случилось после обеда на лестнице перед входом в курилку. Валерий на ходу разминал сигарету и ощупывал карманы в поисках зажигалки. Он уже почти тронул дверь заводской душегубки, предвкушая аромат дукатовской «Примы», но неожиданно замер. Мужики за дверью сплетничали о его жене. Вернее сказать, как всегда трепался один Жарильников, остальные нечисто подсмеивались.

— Жариный, ну тебя в задницу. Любишь ты смаковать всякое дерьмо, — произнес кто-то из бригады.

— Не веришь? — воскликнул Жарильников. — Клянусь мамой, я лично видел, как Люська Назарева выходила из «Нивы» Колбасевича. Она выскочила из машины такая мятая, всклокоченная, красная... Ну, только идиот может не догадаться, чем они занимались! Вот крест тебе: бежит и юбку на ходу застегивает. А как меня увидела, сразу одернулась и в сторону.

Здоровый мужицкий хохот сотряс кафельные стены курилки, а Назарев отшатнулся и выронил сигарету. Вот в эту секунду полы качнулись, и душа рванулась в высь, чтобы следом провалиться под землю. Через мгновение бедняга почувствовал, что стоит на каменных ступенях какого-то средневекового замка. Впрочем, в это же мгновенье мельк-

нула и другая мысль, что нужно исчезнуть отсюда поскорее, пока никто не увидел его растерянной физиономии.

Валерий не помнил, как вернулся в цех и встал за фрезерный станок. Слава богу, что его рабочее место находилось в углу. Словно в тумане доработал он смену, не смея ни только сходить на перекур, но и поднять глаз. Ему без конца казалось, что сзади пересмеиваются и показывают пальцами рога.

«Ну, и сука, Люська? Вот отмочила! Не ожидал!» Кому как не Валере было известно, что если к этому кабелю из отдела сбыта попадает кто-то в «Ниву», то девочками уже не возвращаются. Его победы над женщинами были любимой темой разговора в курилке. Валера, покуривая, и сам не редко усмеялся в усы, когда обсуждалось легкомысленное поведение той, или иной красотки. В частности, курильщики задавались одним и тем же вопросом, что толкает молодых, красивых женщин в объятия этого невзрачного, потасканного субъекта. Но Валера и помыслить не мог, что его родная жена, работающая в химлаборатории, тоже станет предметом грязных сплетен в курилке.

Когда после смены Назарев, точно сомнамбула, проходил через проходную, то от стыда готов был провалиться гораздо ниже тех ступеней, которые он почувствовал под ногами у двери душегубки. Ему мерещилось, что все на него глазуют, кто с сочувствием, а кто со злорадством, как эта гнида Жариный, обожавший смаковать подробности подобных делишек. После вертушка самым невыносимым было прощание с мужиками. Когда они по очереди трясли его руку, пытаясь заглянуть в глаза, Валере казалось, что бригада над ним издевается.

Выйдя за заводские ворота, тридцатипятилетний фрезеровщик потерянно остановился, соображая, что теперь ему идти некуда, а идти куда-то было нужно, чтобы не привлекать за спиной любопытных взоров. Обычно он ждал жену, которая заканчивала в половине седьмого, но на этот раз Валера пребывал в растерянности, поскольку не знал, куда направить свои стопы. Бедняге ничего не оставалось, как принципиально отправиться в противоположную сторону.

Была середина октября. Но деревья уже стояли полуобнаженными, и небо смотрело на редкость хмуро. Прохожие тоже смотрели хмуро и все больше под ноги, а кроссовки периодически черпали воду. Он тащился куда глаза глядят и, наступая на грязные листья, все размышлял над тем, почему

подобное произошло именно с ним? Глупо задаваться подобными вопросами, потому что жизнь — она и в Африке жизнь.

Такое случается везде и со всеми, потому что люди — они и в Африке люди. Но такова их судьба: они сами во всем виноваты, они алчные, жадные, тупые; они сплошь алкаши, плуты и просто несимпатичные люди. Они все персонажи отрицательного толка, но ведь он не такой, он — полная противоположность. Тогда почему и его положительную семью не миновала чаша сия? Ведь он был примерным мужем: налево не ходил, детей на стороне не имел, не пил, не курил, не кололся, не куролесил, не приходил за полночь. За всю жизни не было случая, чтобы он не явился ночевать домой. Да если бы хоть раз не явился — Люська бы сошла с ума и подняла на ноги всю милицию...

Само собой разумеется, что жена у такого мужчины тоже должна быть вершиной целомудренности. Оказывается, нет! Оказывается, для нее это шуточки...

А ведь это не шутка — прожить двенадцать лет в полном согласии, душа в душу. Это не шутка, когда двое детей, трехкомнатная квартира и приличная сумма на сберкнижке. Какого черта ей нужно еще? Ради чего она поставила под удар собственных детей, супружеское согласие и тихое семейное счастье. Разве жена не знала, что такие мужчины, как он, не прощают измены? Все она прекрасно знала! Тогда кого рожна?

«Нет-нет, — соображал Валера, покачиваясь, словно пьяный. — То, что произошло сегодня, не влезает ни в какие логические рамки. Подобное можно назвать только дурацкой шуткой судьбы».

После трехчасовых размышлений и блужданий по знакомым улицам, ноги его непроизвольно притащили к одному питейному заведению под названием «Встреча». К этому времени несчастному невыносимо захотелось выговориться. Не важно, перед кем. А в этом пивном ресторанчике, в отличие от других, было довольно оживленно, поэтому Назарев и не смог пройти мимо, хотя не был любителем подобных мест. Кинув взгляд на светящиеся окна, бедняга почему-то подумал, что только здесь его могут понять. Без лишнего раздумий он поднялся по ступеням, сунул открывшему дверь швейцару десятку и шагнул внутрь.

Как уже упоминалось, наш герой был выбит из равновесия сразу после обеденного перерыва, то есть около половины второго дня, а за час до этого в центральной части Москвы в холле одного элитного ресторанчика между двумя приличными мужчинами произошел непростой разговор. Они стояли друг перед другом с сигаретами в руках и держали боксерскую паузу. У одного в глазах сияла насмешка, у другого читалось беспокойство. Тот, что с насмешкой, пульнул сигарету в угол с твердым намерением поставить точку.

— Ну, так как? — спросил он.

— Никак, — отозвался собеседник. — Я вам уже сказал, эта женщина не та, с кем вы привыкли иметь дело. Она жена моего друга. Я за нее отвечаю.

— Брось, — подмигнул первый мужчина. — Никто ни за кого не отвечает. А вдруг она сама захочет?

— Она не захочет. Я ее знаю давно.

— А вот это не твое дело. Твое дело — культурно отвалить.

— Не отвалю. Она со мной пришла и со мной и уйдет, — сверкнул глазами оппонент.

— В таком случае, зачем ты ее привел? — раздраженно повел плечами мужчина и скрестил на груди руки.

— Как зачем? Мы же договорились, что ее муж будет участвовать в проекте.

— ВАх, вот законо что?! — скривился Казанова. — Значит, я должен выложить деньги и даже не попользоваться?

— О том, чтобы попользоваться, разговора не было.

— Правильно! Не было, — согласился мужчина со скрещенными руками. — А сейчас разговор возник. Я же не знал, что у твоей протеежки такие ножки. Почему не предупредил? Ты меня знаешь, я своего упускать не привык! — мужчину вальяжно запустил руки в карманы и произнес уже более миролюбивым тоном. — Словом, прошу как друга: вспомни, что у тебя неотложные дела. Дальше не твоя забота.

— Не вспомню.

— Даже если я прикажу?

— А прикажете, тем более.

Мужчина рассмеялся.

— Ладно. Как говорится, ближе к телу. Я согласен. Телка высшего класса. Сколько ты за нее просишь?

Мужчина с сигаретой вспыхнул и пошел красными пятнами. Было заметно, что он прилагает кучу усилий, чтобы не сорваться на грубость. Прежде чем ответить, он стрельнул окурком в стену и шумно вздохнул.

— А сколько дадите?

— Кусок!

Настало время рассмеяться собеседнику.

— Минимум десять.

— Это за то, чтобы ты сейчас сделал ручкой? Вот тебе и юноша бледный со взором квадратным. Да, молодой человек, принципы принципами, а своего ты не упустишь.

— Если вам не по карману, к чему этот треп? — подмигнул юноша бледный и направился к выходу...

3

Итак, когда Назарев десять минут седьмого вышел из проходной завода, в это же время из подъезда дома № 8 по улице Руставели выскочила женщина. С полувзгляда можно было определить, что появившаяся на улице дамочка несколько не в себе. Лицо пунцовое, взгляд шальной, подбородок дрожит. Несмотря на глубокие сумерки под правым глазом у нее можно было заметить скромный, но выразительный фингалчик, хотя женщина не походила на бомжиху. Напротив, это была приличная, ухоженная и даже в некоторой степени холеная особа, с признаками аристократических манер. В ее ушах были изумрудные сережки, гармонично сочетающиеся с зелеными глазами, на лице европейский макияж, волосы со вкусом прибраны под дорогую заколку. На тонких пальцах перстни. На плечи женщины была небрежно наброшена норковая шуба, из-под которой выглядывал дорогой халат. На ногах этой особы были домашние тапочки в виде двух зайцев.

Дамочка трусцой пробежала через двор, выскочила на тротуар и нервным шагом подалась в сторону завода, из которого только что вышел наш герой. Точно безумная неслась она по тротуару, не обращая ни малейшего внимания на прохожих, и бормотала себе под нос:

— За что мне это? Что я ему сделала?

В мыслях вопросы формулировались более конкретно: «Почему он со мной обращается, как с шалавой? Это в благодарность за мою верность? За всю жизнь у меня не было

даже поползновения завести шашни на стороне. За что он меня так? Подонок!»

Прохожие с изумлением взирали на столь странное явление в домашних тапочках, а некоторые даже в замешательстве уступали дорогу. Сама же она не замечала никого и не ведала, что сочетание норковой шубы с домашними тапочками-зайцами несколько странновато для улиц Москвы.

«За всю жизнь, я ни разу, даже в мыслях, — продолжило отчаянно вопить изнутри. — Только муж и дети. Всю жизнь, только муж, дети, да еще кухня. А он, кабель ненасытный, не пропускал ни одной юбки...»

Женщина утерлась кулачком и с отчаянием воскликнула (тоже, разумеется, в мыслях): «Вот сейчас возьму и отдамся первому встречному!»

От такой неожиданной мысли проходящая остановилась. «А что? Она не женщина что ли? Ведь стоит ей свистнуть, и сразу прискачет табун». Дамочка посмотрела по сторонам и поняла, что с табунном немного погорячилась. Даже с первым встречным наблюдалась некоторая напряженка. Рядом с киоском торчала бабка с семечками, у машины трепались две женщины, да какой-то подросток катился на велосипеде. Еще на дороге маячил постовой. Вот собственно и вся публика на текущий момент. Можно сказать, классический облом.

Женщина шмыгнула носом и тронулась с места, но уже не так энергично. Она порылась в карманах и не нашла носового платка. Пришлось высморкаться в край халата. В ту же минуту дамочка почувствовала, что ее тапочки сильно намокли. Осталось простудиться и сыграть в ящик. Это было весьма уместно, но не очень блестяще. Табун мужчин ее бы устроил больше. Тем более что умирать как будто рановато. Ведь ей еще нет и тридцати. К тому же, у нее двое детей.

При мыслях о детях под ложечкой тоскливо засосало. Как они сейчас у бабушки с дедушкой? Хорошо, что родители вчера их забрала к себе. А то бы дети были свидетелями этой чудовищной сцены... «Поеду-ка я к ним», — подумала женщина и вдруг вдалеке увидела идущего навстречу мужчину.

Шальная мысль, отдаться первому встречному, еще не полностью выветрилась из головы. Незнакомка в норковой шубе утерла слезы, поправила прическу и взглянула на собственные ноги. Вот тут до нее дошло, что она выглядит не вполне товарно. Нелепо, можно сказать, выглядит. Ей бы

сейчас больше подошло собак пугать. Тем не менее, женщина быстро расстегнула три верхние пуговицы на халате и широко распахнула шубу. Если он не полный идиот, то первым делом обратит внимание на распахнутую душу, а уж потом на тапочки на босу ногу.

Мужчина приближался. Это был высокий, кучерявый блондин, ухоженный, без вредных привычек. Явно домашний. «И красив, как Виторган в лучшие годы», — отметила женщина, сделав романтическое лицо. Но внезапно вспомнила о фингале под правым глазом и панически завертела головой. Лучше всего сделать вид, что она высматривает кого-то в парке. Мужчине будет достаточно одной половины лица. Ведь главное в женщине — душа.

По мере приближения прохожего, незнакомка с удивлением отмечала, что он еще более не в себе, чем она. Чаровница хотя бы видела его и свои влажные тапочки, а он и того не видел. «Нет, не заметит», — подумала дамочка и расстегнула еще одну пуговицу. Их встреча произошла на пересечении улиц Добролюбова и Руставели. Женщина глазела на мужчину во все глаза и даже задела его рукавом шубы, но он не повел и ухом.

Когда прохожий прошел мимо, обдав струей воздуха, дамочке ничего не осталось, как тяжело вздохнуть и сбавить шаг. «Посмотрите на него: даже не взглянул на ее сияющий бюст. Стойкий молодой человек».

Женщина оглянулась и задумчиво закусил губу. Вот такого бы в мужья. Сразу чувствуется, что порядочный мужчина и хороший семьянин. Таких отцов дети любят больше, чем матерей. Его баба, наверное, на него молится.

Однако его баба не только на него не молилась, но даже в обеденный перерыв куда-то отъезжала на «Ниве» с одним потасканным хлюстом из отдела сбыта. Потому что прохожий был никто иной, как Валерий Назарев.

Словом, красивую женщину, мечтающую только о сохранении домашнего очага и собачей преданности мужу, Назарев не увидел в упор, чем вверг ее в окончательное уныние. Дамочка подняла руку, поймала такси, но тут вспомнила, что у нее нет ни копейки.

— Извините, я раздумала ехать, — улыбнулась она таксисту и пошла прочь. Ступни уже начинали зябнуть, поэтому женщина завернула в парк, села на первую попавшуюся скамейку и поджала ноги. «Отдаться первому встречному не

получилось. Остается одно: вернуться домой и застрелить мужа из его же пистолета...» — усмехнулась она.

Мечтательница еще плотнее запахнулась в шубу и повертела головой. «Покурить бы», — подумала она. Но вокруг ни души. Только по шоссе проносятся машины. И вдруг дамочка заметила какого-то мужчинку со светящейся сигаркой во рту.

— Молодой человек, не угостите сигареткой? — произнесла она из темноты не без некоторого кокетства, «хотя какой он молодой: старый перечник», — добавила про себя.

— У меня только рабоче-крестьянские, без фильтра, — отозвался старый перечник.

— Мне безразлично. Я все равно не курю, — вздохнула женщина. — Но когда-то надо начинать.

4

Но когда-то надо начинать. Самое трудное — сделать первый шаг. Казалось, чего проще, шагнуть с мраморного бордюра на эту водную гладь и пойти по ней как по зеркалу. Девушка не боялась провалиться. Она боялась рассмеяться, если зеркальная поверхность удержит ее. Ведь это так неестественно, хотя все очень серьезно. Ученица смело оторвала босую ступню от холодной плиты, но учитель остановил:

— Подожди, моя девочка! Сознаешь ли ты, что, ступив на этот путь, ты уже никогда не сможешь вернуться назад?

— Да! — весело ответила она.

— Сознаешь ли ты, что этот путь опасен и чреват, и, ступив на него однажды, ты всегда будешь навлекать на себя великие беды?

— Я не боюсь! Ты же сам говорил, что рано или поздно все люди ступят на эту дорогу.

На душе было легко и весело. А у старца — наоборот. Он закрыл глаза, и девушка увидела, как на его морщинистую щеку выкатилась слеза. В тот же миг он поднял голову и торжественно произнес:

— Ступай и помни, что отныне и во веки веков над твоей плотью будет главенствовать душа. Смелее! Твоя душа легче гусяного пуха.

Ученица ступила на воду, и она под ней не шелохнулась. Девушка сделала второй шаг, и по воде прокатилась легкая рябь. На третьем шаге она не выдержала и рассмеялась.

Тогда вода под ней расступилась, и она провалилась в холодную пучину.

Лилия взвизгнула и открыла глаза. Ей уже второй раз снился этот сон. Первый раз он приснился в подвале, куда ее заперли нижегородские бандиты. Тогда она чудом осталась живой. Но что все это значит?

Молодая женщина обвела глазами помещение. Оно было совершенно незнакомым. Какая-то темная комната подвального типа с грязным столом и двумя засиженными табуретками. Бетонный, не беленый потолок, по углам паутины, жуткие стены, наполовину покрашенные зеленой краской. Сама же она лежала на сальной кушетке без простыней.

Лилия встала и подошла к окну. Как в воду глядела. Опять она в каком-то подвале. Точнее — в полуподвале. За грязными шторами решетка, и сквозь нее унылая панорама незнакомого двора с бетонным забором.

Как она здесь оказалась? Женщина подошла к железной двери и подергала ручку двери. Глухо, как в танке. Что бы это значило?

Пленница опустила на корточки и начала вспоминать. Она посадила мужа в самолет и поехала на встречу с однокурсником. С однокурсником была договоренность, что он сведет ее со спонсором.

Они встретились у Никитских ворот и пошли в какую-то кафешку на Бронной. Туда вскоре подъехал и спонсор. Вот там она, кажется, и напилась, хотя выпила всего полбокала сухого. Странно! Впрочем, нет! Перед глазами еще маячил какой-то гостиничный номер.

Девушка поднесла ко лбу ладонь и вдруг четко вспомнила, что после рестораника она села в машину спонсора, и они вдвоем поехали в какую-то полиграфическую фирму смотреть образцы. Но почему они поехали без однокурсника? Ах да! Однокурсник сказал, что он свое дело сделал и теперь, как Мавр, может уходить, тем более что его ждали дела.

Тут нужно сразу сказать, что спонсор Лилии не понравился. Господин, конечно, был изысканно одет и элегантен в общении, но в его глазах сквозило что-то нечистое. Он то и дело скользил по ее фигуре, и это было неприятно. Кроме того, денежный мешок настолько нехотя ковырялся в своей тарелке, что было противно смотреть. Лилия всегда с подозрением относилась к людям, которые плохо едят. Зато курил сигарету за сигаретой, прямо за столом, не спрашивая раз-

решения дамы. Только когда Лилия закашлялась, он соизволил выйти в коридор, прихватив с собой однокурсника. В результате, дама осталась одна. Но все это мелочи. Когда дело дошло до главного, спонсор выслушал ее очень внимательно. Затем весьма придирчиво посмотрел репродукции.

— Не дешевый проект, — произнес он, после некоторых раздумий. — И окупаемость будет не скорой, поскольку имя не раскрыто. Но, — неожиданно улыбнулся он, — на какие жертвы только не пойдешь, лишь бы поддержать отечественное искусство. У меня есть кое-какие соображения по удешевлению проекта. — Мужчина деловито посмотрел на часы и пробормотал: — Пожалуй, часом времени я еще располагаю. Можно съездить в одну издательскую фирму и посмотреть образцу полиграфической продукции. Они работают с провинциальными типографиями, но по качеству их продукция не уступает финской.

Разумеется, Лилия сразу согласилась поехать. Она торопливо запихнула репродукции в папку и встала из-за стола. Голова слегка кружилась. Женщина качнулась, но мужчины с готовностью поддержали за локотки.

— Ничего. Все нормально. Это у меня сейчас пройдет.

Они вышли на воздух, и ей действительно стало лучше. Головокружение прекратилось. Спонсор элегантно открыл переднюю дверцу машины, и девушка удивленно посмотрела на однокурсника, полагая, что они сядут вместе сзади. Однако однокурсник озабоченно посмотрел на часы и отрицательно покачал головой.

— Увы, не располагаю ни минутой. Но я, наверное, больше и не нужен. Главное, что я вас свел. Как говориться, мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Не прощаюсь! Позвони мне вечером, — улыбнулся он и снова посмотрел на часы.

Машина тронулась. Через двадцать минут она въехали во двор какого-то шикарного трехэтажного заведения под зеленой черепицей, которое мало напоминало фирму, а больше походило на отель для иностранцев. У входа стояли два охранника в строгих костюмах, которые очень почтительно поздоровались с прибывшим гостем. Однако на его спутницу взглянули весьма подозрительно.

Они поднялись на лифте на третий этаж и взору девушки открылся устеленный коврами холл со множеством дверей. Прибывшие проследовали в одну из комнат. Это были люксовские апартаменты, с глубокими креслами и широкими ди-

ванами. Комната никак не походила на деловой офис, но поначалу девушка не предала этому значения.

Мужчина кивнул на кресло, а сам подошел к бару.

— Что будем пить? — спросил он шаловливо.

— Я ничего не хочу. Может быть, стакан сока.

Он рассмеялся и извлек из бара синюю бутылку вина. Через минуту перед ней стоял фужер с чем-то жутко элитным из французских погребов и серебряная вазочка с конфетами. Себе же он налил коньяку.

— Ну, что? — произнес он с масляными глазами. — За вашу красоту!

Гостья смутилась, но не подала вида. Она пригубила из фужера и вопросительно посмотрела на него. Мужчина одним глотком опустошил бокал, затем резко поднялся и скинул с себя пиджак. Только после этого гостья насторожилась. Он подсел к ней очень близко и интимно прошептал:

— Ты мне сразу понравилась.

Женщина демонстративно отодвинулась и произнесла строгим голосом:

— Нельзя ли по существу? Вы мне хотели показать образцы.

— К черту образцы! — воскликнул он. — Я профинансирую твой альбом по любым расценкам.

Мужчина снова прильнул к ней и нагло положил руку на талию. Лилия вскочила на ноги.

— Извините! Но, кажется, вы меня не за ту принимаете. Если вы за финансирование проекта требуете это, то я не согласна. Я найду другого спонсора.

— Почему не согласна? — удивился он с той же нахальной ухмылкой.

— Ну... то есть... как почему? Во-первых, я замужем. Во-вторых, я люблю мужа и не собираюсь ему изменять с первым встречным.

«Первый встречный» задел господина. Глаза его сузились и сделались злыми, хотя на лице по-прежнему сияланисходительная ухмылка.

— Обрато, детка, дороги нет, — произнес он с фальшивым вздохом и, не сводя с нее глаз, принялся развязывать галстук.

Женщина попятилась. Она уткнулась лопатками в дверь и, не поворачиваясь, судорожно потянула за ручку. Дверь была заперта. Мужчина рассмеялся мерзким смехом. Он был уже без рубашки и теперь расстегивал ремень. Пленни-

цу спас телефонный звонок. Спонсор достал из пиджака телефон, и улыбка моментально слетела с его лица.

— А без меня никак нельзя? — спросил он. — Хорошо, сейчас подъеду.

Казанова с досадой посмотрел на гостью и виновато развел руками. Неторопливо одевшись, он спросил, как ни в чем не бывало:

— Как вам это вино? Анжуйское, между прочим.

— Вино как вино, — ответила женщина с дрожащим подбородком. — Быстрее открывайте дверь! Мне некогда.

Мужчина, не спеша, проследовал к бару достал еще какую-то бутылку и налил в бокал.

— Прошу простить за причиненное волнение! Я сам не ведал, что творил. Во искуплении вины, хочу угостить вас редким итальянским вином: Тосканское розовое, трехлетней выдержки.

— Нет! Я ничего больше пить не намерена, — закричала женщина. — Быстрее отпирайте дверь! Я тороплюсь!

Он приблизился к ней и с хитрой улыбкой протянул бокал с розовым пойлом:

— Прошу вас! На посошок. И мы немедленно уходим.

— Нет! Я вам не верю. Немедленно откройте дверь!

Он достал из кармана ключи и потряс перед ее носом:

— Хотя бы глоток. А то не выпущу.

Пришлось взять бокал и слегка приложиться губами.

— Ну, как? — спросил он.

— Полное дерьмо!

Мужчина рассмеялся и крутанул дверную ручку, которая отщелкнулась без всякого ключа. Женщина выскочила в коридор и побежала к лифту. Однако, услышав сзади его торопливые шаги, бросилась на лестничную площадку. Она бежала вниз по ступеням и все никак не могла поверить, что ей удалось вырваться из рук этого мерзавца.

Внизу слышались мужские голоса и стук бильярдных шаров. Кажется, лестница вела не к выходу, а в какой-то игровой зал, где почему-то пахло жареным луком. Спустившись до первого этажа, беглянка толкнула какую-то дверь и очутилась в баре, в котором были одни мужики — человек пятнадцать мордастых архаровцев. И все, как один, уставились на нее. В эту минуту голова внезапно закружилась, и она почувствовала, что теряет сознание.

В баре стоял пьяный гогот, пахло пивными парами и висел табачный дым. Дубовые столы были густо облеплены мордастыми мужиками, перед которыми лежали тарелки с красной шелухой от раков. Подобная краснорылость и про-скальзывающая матерщина никогда прежде не убивали Назарева, но сегодня это сочетание подействовало на него удручающе. Совершенно не в духе Назарев подошел к стойке и заказал пива.

— Сегодня у нас голубые раки с озера Севан, — с улыбкой подсказал бармен. — Не дорого. Поэтому так много народу?

— Давайте пяток, — нехотя пробормотал Валерий.

Через минуту ему в тарелку плюхнули пять дымящихся раков, усыпанных черным горошком. Посетитель угрюмо расплатился и направился с пивом и дымящейся тарелкой искать свободное место. Данное заведение было на редкость многолюдным.

Валерий пристроился к небольшому столику с тремя молодыми мужчинами. Двое из них, судя по облику, тоже были работягами, третий же, лет тридцати, в потертой джинсовой куртке, впалыми щеками и интеллигентной бледностью был совершенно безучастен. Он механически потрошил раков и безжизненно смотрел в пространство. У этих двоих кроме пива имелась еще бутылка водки, и Валерию, которого сразу приняли за своего, налили без лишних слов. Соседу даже не предложили. Но, судя по всему, он бы и сам отказался.

Выпив и с наслаждением крикнув, мужики продолжили прерванный разговор. Вцепившись в рачью клешню, один из них с жаром воскликнул:

— Мочить, мочить и мочить!

— И не только в сортирах, — потряс кулаком второй. — Когда я увидел в ящике, как самолет врезался в небоскреб, меня чуть инсульф не долбанул с меакардой. Ей, богу! Ну, думаю, все! Если так дело пойдет дальше, то до пенсии не доживу.

— Я одного не понимаю, — брызнул слюной второй, — как такую хренотень допустили ихние спецслужбы? Это что же получается, они всему миру показали полную профнепригодность своих секретных служб? Вот тебе и хваленая Америка!

Слушая болтовню этих двоих, Назарев с горечью думал, что никто его здесь не выслушает, потому что у всех на устах более важная тема: теракт в Нью-Йорке. По сравнению с этим событием его личная драма кажется настолько жалкой, что заводить о ней речь просто неловко. Глядя на собутыльников, Назарев завидовал их беспечной непринужденности и мрачно думал, что он не из тех мужчин, которые запросто прощают неверность. Разумеется, завтра он подаст на развод, уволится с завода и навсегда уедет к родителям в Ярославль. Но дети! Вот в чем загвоздка. Как он будет жить без детей, которые уже стали частью его самого?

Работяги пили, грызли, жевали и продолжали свой энергичный базар по поводу потрясшего мир событий. Они даже подмигивали Валерию, приглашая к участию в болтовне, но террор абсолютно не интересовала беднягу. Ему хотелось высказаться. Однако братья по молоту не понимали вопиющих потребностей соседа и вскоре, пожелав оставшимся здоровья и счастья в семейной жизни, победно удалились. Сделалось совсем грустно. Казалось, что орлы унесли с собой само веселье, оставив только пустые кружки и гору красной шелухи. Интеллигентная безжизненность сидящего напротив молодого человека никак не сочеталась с сегодняшним настроением души.

— А ничего здесь пиво, — пробормотал Валерий, вяло вгрызаясь в хвост.

Сосед меланхолично кивнул, не отрывая взора от пустоты. По всей видимости, его не тянуло к общению. Назарев покрутил головой в поисках более разговорчивого собеседника, но взгляд не остановился ни на ком.

— Хотя, честно говоря, я не любитель пива, — добавил он. — Что это за занятие для мужика — ежедневное полоскание кишков.

Тип, не спеша, отпил из кружки и ничего не ответил. Назарев шумно вздохнул и утробно выдохнул: «Эх!» Водка внутри уже вступила в реакцию с пивом. В голове зашумело, и все куда-то поплыло. «Эх, никому я не нужен со своим несчастьем», — мелькнуло в разбухшей голове. Внезапно глаза его налились кровью и он, шарахнув кулаком по столу, крикнул на весь ресторан:

— Эх! Весь мир — бардак, все бабы... с-суки.

Посетители на миг притихли и с удивлением повернули голову на явно перепившего собрата, так и не поняв, причем здесь бабы, когда суки — арабские экстремисты. Вскоре они

снова возобновили свои разговоры, а Назарев, допив остатки, уронил больную голову прямо на горку с шелухой. «Эх, никому я не нужен со своими проблемами», — последнее, что с отчаяньем мелькнуло в голове.

Хмель уже давал о себе знать, хотя он и выпил всего да ничего. Валера серьезно подумывал, а не отправиться ли сейчас домой для учинения разборки. Но трезвая назаревская половина сознавала, что теперь это уже из области фантастики, потому что поднять руку на женщину он не в силах, а простить подобное без мордобоя невозможно.

Прошло минуты три или четыре, прежде чем сидящий напротив незнакомец разделался с содержимым своей тарелки. Вытянув двумя пальцами платок, он неожиданно громко произнес, хотя никто не просил:

— Не весь мир — бардак, и не все бабы — суки.

— Что? — встрепенулся Назарев, отрываясь от столика с прилипшей ко лбу шелухой. — Ты что-то сказал, или мне показалось?

— Не все бабы — суки, говорю, — спокойно повторил молодой человек, не замечая, что сосед явно не в себе.

Назарев медленно поводил ословевшими глазами и вдруг коршуном бросился на незнакомца. Смахнув на пол тарелки, безумец вцепился в джинсовый ворот парня и угрожающе прохрипел:

— Все! Все без исключения. Понял?

Прежде, чем оттолкнуть парнишку, Назарев несколько раз потрянул его за ворот, затем, внезапно потеряв к нему интерес, угрюмо отвел глаза. Все снова притихли и повернули головы. Со стороны стойки к ним направились двое крепких парней. Они подошли к Назареву и похлопали по плечу.

— Почему, гражданин, буяните?

— Извините, — пробормотал Назарев, поднимая глаза на вышибал. — Я заплачу за разбитые тарелки.

Он вытащил из кармана пятьсотрублевую банкноту и сунул в руку одному из них. Банкнота была принята. После чего Назарева за шкуру выдернули из-за стола и хотели препроводить на выход, но внезапно подал голос сосед.

— Да оставьте его, ребята! Человека просто обидели.

Орлы переглянулись и, немного подумав, водворили Назарева на прежнее место.

— Больше не хулиганьте!

Они удалились, и жизнь в ресторане снова вошла в прежнее русло. Назарев внимательней поглядел на своего сосе-

да. Он как-то неспешно и очень безучастно к окружающему вытирал платком руки, видимо, собравшись отчаливать домой.

— Извини, брат, — пробормотал Назарев, и вдруг неожиданно шмыгнул носом. — Извини! Я такое, брат, сегодня улышал про свою жену...

И он рассказал этому полудохлому незнакомцу все как на духу: про то, как они замечательно жили с женой двенадцать лет, как у них все очень очень прекрасно складывалось в смысле благополучия, и какие у них милые воспитанные дети... И вот те на!

Случайный сотрапезник, как показалось Назареву, слушал весьма рассеяно и абсолютно равнодушно. Казалось, еще последнее слово и он поднимется и уйдет, так и не посочувствовав бедняге. Незнакомец вежливо мял в пальцах платок и по-прежнему смотрел в пространство.

— Чем я заслужил такое отношение к себе? Чем? — плаксиво воскликнул Назарев и, наконец, умолк.

Молодой человек немного помолчал, затем безучастно произнес:

— Если ты хочешь понять, чем ты это заслужил, вспомни главное: для чего ты родился?

— Что? — удивленно поднял глаза сотрапезник, не веря собственным ушам. — Для чего я родился? Да кто ж его может знать?

— Сущность твоя знает, — произнес незнакомец. — Соберись и вспомни, для чего ты пришел в этот мир?

Назарев растерялся. «Вот те ни хрена, — подумал он. — А на вид нормальный». До Валерия, наконец, дошло, что его приятель либо больной, либо живой свидетель Иеговы, и что зря он сейчас перед ним так живописно распинался. «Пора уматывать?» — мелькнула в голове первая здравая мысль.

— Ну, так как? — издевательски ухмыльнулся парень. — Вспомнил?

Можно было, конечно, послать его по пролетарски, но как пошлешь больного? А вдруг он правда живой свидетель Иегово? Свидетелей посылать нельзя. Их нужно переубеждать, и желательно до того, как они начнут вербовать в свою секту.

— Я не собираюсь ничего вспоминать, — произнес Назарев обиженно. — Человек живет, чтобы сдохнуть. А вообще, сразу предупреждаю, что я во все это потустороннее: в экстрасенсов всяких, или живых свидетелей Иеговы, не верю!

— Не то говоришь! — покачал головой собеседник, по-прежнему пребывая в своих мыслях.

— Нет, если говорить серьезно, то я живу для того, чтобы детей вырастить... честными, а не мафиозинами какими-нибудь продажными, так сказать... верными защитниками Родины...

— Не то!

Назарев и сам почувствовал, что не то. Какими к чертовой бабушке защитниками? Какой родины? И кто сейчас вспоминает про честность? «Надо послать его подальше и самому отправляться куда глаза глядят, — мелькнула вторая здравая мысль. Однако вместо этого Назарев сморщил лоб и сильно зажмурился. Не успел он что-либо сообразить, как в темноте сверкнула молния, и страдалец произнес совершенно незнакомым голосом:

— Отец Мой преобразил его за гордыню его, и отнят был у него свет...

Валера испуганно распахнул глаза и первое, что увидел, — изумленно отвисшую челюсть своего собеседника.

— Ну, ты даешь, — прошептал незнакомец. — Ты сам-то, мужик, понял, че сказал?

6

В ту минуту, когда у нашего героя сверкнула в мозгах молния, в дежурной части Бутырского ОВД раздался звонок. Офицер поднял трубку и услышал испуганный голос женщины.

— У нас в доме убили человека. Скорее приезжайте!

— Кто звонит? — строго спросил дежурный.

— Это соседка звонит. Я не скажу своей фамилии. Я боюсь. В общем, записывайте адрес: улица Шота Руставели, дом номер восемь, квартира шестнадцать...

Записав адрес, дежурный тут же передал сообщение патрульно-постовой службе. После чего добавил, что не вполне уверен в подлинности этой информации.

— Возможно, что вызов ложный, потому что звонившая наотрез отказалась назвать свою фамилию. Доложите, что там стряслось!

Через десять минут патрульная служба передала:

— В квартире номер шестнадцать обнаружен труп мужчины лет тридцати пяти. Он убит пулей в лоб. Личность убитого устанавливаем...

Когда на место происшествия подъехали эксперты и дежурный следователь Бутырской прокуратуры Станислав Волошин, милиционерами уже было установлено, что убит хозяин квартиры Владимир Вениаминович Саликов.

— Саликов? — удивился следователь. — Это тот самый, который вчера выступал по четвертому каналу?

— Абсолютно верно, — подтвердил старший патрульно-постовой службы. — Он самый, депутат Мосгордумы.

— Это ЧП. Нужно ставить в известность городскую прокуратуру. Кстати, вы выяснили, кто позвонил в милицию?

— Нет, — отрицательно покачал головой лейтенант. — Подозреваю, что соседка из двадцатой квартиры. По словам жильцов, она единственная из дома, кто входит в квартиру депутата.

— Ладно. Это потом. А где жена?

— Этого пока выяснить не удалось.

Следователь прошел в квартиру, где уже копошились эксперты. Труп сидел в кресле перед телевизором, откинув голову назад и неестественно раскинув руки. Его глаза были открыты. В них выражалось удивление. На лбу зияла черная дыра, от которой тянулась на переносицу густая струйка запекшейся крови. Перед ним на журнальном столике стояла бутылка коньяка, бокал и вазочка с нарезанным лимоном.

— Застрелен из «Вальтера», — сообщил эксперт, показав пистолет в целлофановом мешочке. — Он лежал сразу при входе у двери, хотя стреляли, как мне кажется, с более близкого расстояния. Пистолет принадлежит хозяину. Он зарегистрирован по все правилам.

— Отпечатки есть?

— А как же! Пальчики очень четкие. Женская ладонь. Так что политику можете отметить, — засмеялся эксперт.

— Женская, говорите, — пробормотал следователь и покосился на бокал на столе.

Эксперт перехватил его взгляд.

— На бокале и на бутылке только одни отпечатки: хозяина квартиры. Убийца с ним не пила. Она вошла в комнату, обогнула кресло с правой стороны, произвела выстрел и тотчас ушла, бросив пистолет у порога.

— Сомневаюсь, что это женщина, — произнес следователь. — Видно, что стрелял дилетант, но не женщина. Хотя, черт его знает?

— Кстати, — подмигнул эксперт, — на входной ручке двери тоже найдены женские отпечатки пальцев, но не те, которые на пистолете. Можете посмотреть сами! — криминалист протянул следователю увеличительное стекло.

— То отпечатки соседки, — поморщился Волошин, не проявив интереса к увеличительному стеклу, и отправился осматривать помещение. Обойдя все пять комнат квартиры депутата, глаз не выхватил ничего подозрительного, кроме домашних тапочек в прихожей в виде двух зайцев. Они были влажными.

Следователь покрутил их в руках и задумчиво цокнул языком. меховые подошвы тапочек были основательно затоптаны, а к одной из них прилипла тополиная почка. Волошин внимательно осмотрел висящую в шкафу одежду, принюхался к норковой шубе и понял, что в ней недавно выходили на улицу. Она пахла уличной сыростью и хранила запах каких-то дешевых сигарет.

— Когда наступила смерть? — спросил следователь.

— Где-то между шестью и половиной седьмого.

Следователь недоверчиво покачал головой и вышел в подъезд. Теперь самое время опросить соседей и, кстати, выяснить, кто же позвонил в милицию?

Волошин направился напрямик в двадцатую квартиру, которая располагалась этажом выше. Ему открыла молодая фигуристая женщина с рыжей копной на голове. При виде следователя ее глаза выразили неподдельный испуг. «Так-так, — отметил про себя сыщик. — Наверняка, что-то знает».

— Следователь прокуратуры Станислав Волошин, — произнес он официально, достав из кармана удостоверение. — Вы в курсе, что произошло у вас в подъезде?

Глаза рыжеволосой красотки растерянно забегали. Прежде, чем ответить, она закусил губу и хорошо подумала. «Так-так, — второй раз отметил сыщик. — Точно знает».

— Да. Мне сказали, — ответила она, не уточняя, кто?

— Вы что-нибудь слышали подозрительное? Выстрел, например, — спросил следователь.

— Нет, я ничего не слышала, — потупила глаза красotka.

— Посторонние звуки в подъезде, возню, хрипы...

— Нет-нет! Абсолютно ничего.

В глазах женщины проблескивал ужас и читалось желание поскорее захлопнуть дверь. Теперь следователь не сомневался, что ей известно что-то очень важное. Он помолчал, затем неожиданно улыбнулся.

— Неужели ничего? Ваша квартира находится как раз над квартирой Саликовых. Вы должны были слышать выстрел.

— Нет, — затрясла головой женщина. — Я собирала мужа на дежурство, и ничего не слышала. Потому что у нас громко работал телевизор. Мой муж немного глуховат, поэтому включает звук на всю мощность.

— Где он работает? — спросил следователь.

— В частной фирме, охранником.

— Во сколько он вышел из дома?

— Он застывает в десять. Из дома обычно выходит за час.

— Значит, с шести до половины седьмого вы были дома?

— Да, — неуверенно кивнула женщина и захлопала ресницами. — Но мы ничего не слышали.

Следователь немного раскинул мозгами, не отрывая взгляда от синих глаз женщины, и вдруг спросил:

— Мне сказали, что вы дружны с семьей Саликовых?

— Ну... в общем-то, в основном с Надей, — ответила женщина.

— Где она может быть в данный момент?

— Ну... я не знаю. Наверное, у родителей. Она вчера отвезла к ним своих детей, а сегодня, возможно, поехала сама...

Следователь тяжело вздохнул и в последний раз окинул красавицу с ног до головы. Дальнейший разговор через порог не имел смысла.

— Что ж, извините, что потревожил. И последний вопрос: с точки зрения соседей, что это был за человек, Владимир Вениаминович Саликов?

Женщина пожала плечами и нехотя ответила.

— Ну... вообще-то, он был человек не простой...

7

Что касается Валерия Назарева, то он напротив — был человеком простым и вышел из простой рабочей семьи. У него на ладони всего три линии, но очень глубокие и четкие, что говорит о его абсолютной бесхитрости. Это подтвердит любая цыганка. Что касается извилин в голове, то

вполне возможно, что их не намного больше, чем линий на ладони, зато все они прямые, потому что Валерий — человек прямой и считает, что в жизни тоже должно быть все прямо и ясно. А в Бога, загробную жизнь и чертовщину всякую он не верит с рождения.

— Вот что, — скороговоркой пробормотал незнакомец, как-то сразу оживившись. — Ты посиди, а я сейчас сношусь за пивком и за раками. По-моему, ничего раки. Есть можно. Как?

Назарев утвердительно кивнул, и парень помчался к стойке. Валеру почему-то охватило беспокойство по поводу этого типа: то из него не вытянешь ни слова, то теперь он готов прислуживать и угощать голубыми раками из озера Севан. Определенно у него не все дома. Что касается того, чего Валера минуту назад выдал вслух, то его самого это несколько не удивило. Когда смешаешь водку с пивом и не такое загнешь. А если быть справедливым до конца, то это выдал на Валера, а та самая молния, которая сверкнула у него перед глазами.

Парень вернулся с четырьмя кружками пива и целым подносом дымящихся раков.

— Можно нескромный вопрос? — сходу спросил он.

— Валяй! — кивнул Валера.

— Как ты попал в это заведение?

— Ножками притопал, — насупился Назарев, досадуя на его дурацкий вопрос. «Ведь думал, правда, спросит что-нибудь дельное».

— То есть, попал случайно! И до этого никогда здесь не был?

Назарев поднял сердитый взгляд на этого странного субъекта и пробормотал:

— Я даже не знаю, в каком районе нахожусь.

Ответ почему-то взволновал незнакомца, хоть он и не показал вида. Назарев почувствовал это каким-то седьмым нюхом. Валера приложился к пиву, после чего произнес, смахнув с губы пену:

— Какое это имеет значение, случайно я сюда забрел, или не случайно? Ты сам-то пришел целенаправленно что ли?

— Я пришел целенаправленно, — кивнул молодой человек, внимательно изучая собеседника. — Я не был здесь восемь лет, с девяносто третьего года. Собственно, я шел не конкретно в эту забегаловку, а в «Пентагон». Заметил через

дорогу заправку под металлическим каркасом? Раньше под ним была громадная пивная, которую мы называли «Пентагоном». Вот в ней-то и прошли самые лучшие дни моей молодости. Так что, можно сказать, я здесь из-за ностальгии. А твое появление здесь, как я понял, воля случая.

— Ну и что? — без всякого интереса спросил Назарев, разламывая пополам рака.

— А то, что случайных встреч не бывает. Есть даже стихотворение такое: «Случайных встреч и не было, и нет...» Валентин Сидоров написал.

Назарев поморщился, как будто вместо раковой клешни раздавил червяка. «У человека несчастье, а он какую-то туфту втирает про стихи», — подумал он. Собеседник чутко уловил, что его болтовня далека от истинных чаяний народа и впал в задумчивость. Если бы Назарев мог подслушать его мысли, то услышал бы следующее: «Как пить дать, его мне послало провидение. Весь вопрос, зачем?»

Молодой человек весьма бы удивился, если бы узнал, что провидение послало в это питейное заведение еще одного типа, который, заказав очередную кружку пива, прямехонько направился к их столу, хотя до этого, кажется, ошивался в другой компании.

Это был невысокий, щупленький мужиченка, лет пятидесяти пяти с плешивой головой и блудливыми глазками. Он приехал на автозаправку, чтобы купить автол для своей «шестерки», поскольку на этой заправке автол самый дешевый в Москве, но, увы, — автол закончился, и тогда взгляд мужичка упал на питейное заведение через дорогу. Не раздумывая, он направился в него, потому что уже был не в силах держать в себе то, что рвалось наружу. Он тоже, как и Назарев, хотел выговориться. И тоже не важно, перед кем.

Подсев к столу, мужик улыбнулся своей лисьей улыбкой и, хихикнув, принялся рассказывать без всякого предисловия:

— Мужики! Иду я, значит, парком. Домой возвращаюсь с работы. Покуриваю. Вдруг меня окликает какая-то женщина на скамейке. Закурить просит. Ну, я в темноте не вижу, что за баба. Может, божиха какая. Подхожу — мама родная! — бабешка по высшему разряду: молодая, красивая, одета в норковую шубку. Я ей говорю: «У меня только «Прима». Она говорит: «Ничего, давай «Приму». Я все равно не курю». Ну, я думаю, если не курит, значит, не случайно меня позвала. Даю я, значит, ей закурить, сам сажусь рядом. Ногу ставлю к

ее ноге. Не убирает. Тогда я запускаю руку под шубку — она не возражает. Молчит и глаза закатывает. Короче, я измял ее всю. Возбудил до стога. А куда вести? Не к себе же домой. Тут она мне говорит: «Проводи меня до дома». Ну, я, конечно, полный вперед. Довел ее до дома, а она говорит: «Сегодня муж дома! Завтра приходи». И нырк в подъезд. Ну, я постоял немного. Думаю, облом! Хотел уже развернуться и уйти. И вдруг она выбегает опять, но уже без шубки, а в куртке и говорит: «Молодой человек, поймайте мне машину!» А сама аж задыхается! Я поймал, значит, машину. Она в нее юрк. И мне говорит: «Мы еще увидимся!» И уехала. Вот я и не пойму, что ей от меня было надо. А баба такая красивая, породистая, наверняка из новых русских. И чего мне делать? Не знаю, идти мне к ней завтра, или нет?

На свой вопрос рассказчик не получил желаемого ответа. Это, можно сказать, единственный стол, за которым его откровение не произвело ни малейшего впечатления. Мужики за другими столами хохотали и убеждали, что «если женщина просит, то бабье лето ее нужно продлить». Эти же — безмолвно усталились на него и не произнесли ни звука.

Мужичек еще немного похихикал, допил свое пиво и удалился непонятым. Молодой человек от его появления ощутил досаду, а Назарев — новый прилив тоски. «Принесла же его нелегкая», — подумал молодой человек. А Назарев подумал: «Все они, суки, одинаковы». Словом, ни тому, ни другому, рассказ залетного кадра не принес никакой радости.

После того, как незванный гость удалился, парень взглянул на своего мрачного собеседника и вдруг спросил:

— Ты читал Евангелие?

— Чего? — сдвинул брови Назарев. — Я разве похож на идиота?

Незнакомец едва заметно усмехнулся и сказал:

— Ты только что дословно произнес Евангелистскую строку. Причем не из канонического текста. Понимаешь?

— По-пьяни можно и не такое ляпнуть, — ответил Назарев и обиженно шмыгнул носом.

После этих слов некоторое время сидели молча, деловито разделявая раков. Затем новый знакомый прервал молчание:

— Ты сказал, что весь мир — бардак. Но так видится непосвященному оку. Все в этом мире все имеет свои причины и следствия. Так что если жизнь резанула тебя серпом по

яйцам, ищи причину в себе. Могу помочь тебе разобраться, если ты мне доверяешь.

— Я тебя уважаю, — пробасил Назарев, протягивая незнакомцу руку и не совсем понимая, о чем идет речь.

Молодой человек почтительно пожал мозолистую лапу работы и с улыбкой представился:

— Константин.

— Валера.

Они чокнулись кружками, и Костя спросил:

— Ты имеешь представление о Карме?

Назарев уже ни о чем не имел представления. Он сильно захмелел и вспоминал детей. Ему хотелось то горько плакать, то все вокруг крушить. Он успокаивал себя тем, что отсудит у жены хотя бы пацана. Но в это время объявили, что ресторан закрывается, и друзьям ничего не оставалось, как отправиться на выход.

— Куда теперь? — участливо поинтересовался новый знакомый.

Назарев уныло пожал плечами и, слегка покачиваясь, поплелся к троллейбусной остановке.

— Если тебе негде ночевать, пойдём ко мне. Я тут недалеко обитаю, в литературном общежитии, — предложил незнакомец.

— Так ты студент? — спросил Назарев.

— Вроде того, — ответил Костя, не уточняя, что значит, быть вроде студента. — Так пойдешь? У меня в комнате есть свободная койка.

Назарев вяло кивнул, и друзья запрыгнули в отъезжающий троллейбус.

8

В ту минуту, когда дверцы троллейбуса захлопнули двух подвыпивших молодых мужчин, следователь Волошин снова позвонил в двадцатую квартиру. На этот раз звонок был более протяжным и менее деликатным, чем полтора часа назад, потому что теперь сыщик на сто процентов был уверен, что ему морочили голову.

Почти все соседи в подъезде слышали выстрел, и не слышала только двадцатая квартира. Это первое. Где-то за полчаса до выстрела весь дом слышал скандал в шестнадцатой квартире, и не слышала только двадцатая квартира,

которая должна была слышать в первую очередь, поскольку расположена прямо над ней. Это второе. И, наконец, третье: окна двадцатой квартиры, в отличие от других, тоже выходят во двор, поэтому рыжая хозяйка могла видеть того, кто выскочил из подъезда. Соседи справа этого видеть не могли. Их окна выходят на торец дома. Из обеих квартир напротив — тем более. Их окна смотрят в противоположную сторону. На первом этаже под квартирой убитого никто не живет, так что все дороги вели только в двадцатую квартиру.

Глазок в ней потемнел, но хозяйка открывать не спешила.

— Сомневаюсь, что откроет, — прошептал сзади эксперт.
— Время уже пять минут первого.

Следователь не ответил и снова с раздражением нажал на кнопку. Наконец за дверью послышался вялый шорох, и хозяйка спросила сонным голосом:

— Кто?

— Следователь прокуратуры, — громко произнес Волошин. — Извините, что разбудил, нам необходимо снять ваши отпечатки пальцев.

За дверью, кажется, перестали дышать. Эксперт сзади хихикнул и ткнул следователя в бок.

— Зачем? — испуганно донеслось из-за двери.

— Я не могу разговаривать через дверь. Откройте!

После некоторых колебаний щелкнул замок, и в проеме появилась голова испуганная женщина. «Макияж не снят, прическа не смята, — отметил Волошин. — Значит, спать не ложилась».

— Можно пройти? — попросил эксперт.

Женщина кивнула. Мужчины прошли в комнату, и эксперт деловито разложился на журнальном столике. Он раскрыл чемоданчик и ласково взглянул на хозяйку:

— Будьте добры ваши пальчики.

— Но зачем? — с ужасом выдохнула хозяйка, пряча руки за спину. — Меня в чем-то подозревают?

— Подозревают, — коротко ответил следователь. — Если ваших отпечатков в нижней квартире нет, вам нечего бояться.

— А если есть? — прошептала женщина.

Эксперт со следователем переглянулись. Не произнеся больше ни слова, эксперт взял женщину за руку, подвел к столику и вдавил ее пальцы в черную краску. Также, без лишних слов, он сделал необходимую процедуру, чтобы сохранить пальчики на пленке, собрал чемодан и направился к

выходу. За ним последовал Волошин. Женщина засеменила следом.

— Пойдите! — пролепетала она, хватая сыщика за рукав. — Я должна вам кое-что сказать.

Волошин остановился, взглянул хозяйке в глаза и сделал эксперту знак, чтобы удалился. После того, как дверь за криминалистом захлопнулась, женщина произнесла:

— Возможно, в квартире найдут мои отпечатки пальцев, но я не убивала.

— Так, значит, это вы позвонили в милицию?

— Я! Но умоляю, не говорите мужу. Он меня убьет.

Следователь окинул женщину с головы до пят и понял все.

— И давно это у вас с депутатом?

Женщина вытаращила глаза и отступила назад.

— Я не понимаю, о чем вы?

Следователь понимающе покачал головой и с легкой укоризной произнес:

— Но мы же взрослые люди, Лидия... извините, не знаю вашего отчества...

— Семеновна, — подсказала хозяйка.

— Так, что Лидия Семеновна, давайте без театра. Убийство депутата — дело серьезное. Возможно, к расследованию подключиться Генеральная прокуратура.

Глаза женщины выразили ужас.

— Муж точно убьет.

— Успокойтесь. И давайте по порядку. Вы слышали, как внизу скандалили?

— Слышали, все мы слышали. Они часто скандалят. Нам это не в диковинку. Мы включаем громче телевизор и не обращаем внимания. Не пойдешь же с ними разбираться? Все-таки депутат.

— В котором часу они начали скандалить?

— А сразу, как Владимир Вениаминович приехал, Надька начала на него орать. Приблизительно в шесть часов.

— И долго это продолжалось?

— Сегодня не очень долго! Минут десять.

— А когда прозвучал выстрел?

— Где-то в половине седьмого. Я говорю мужу: «Пашк, по-моему, внизу стрельнули». А он злой такой сидит перед телевизором. Он всегда, как собирается на дежурство, злится. Говорит: «Пусть их там хоть всех перестреляют, я только возрадуюсь».

— Вы в это время, где были?

— В зале.

Следователь осмотрел зал и подошел к окну. Из него великолепно просматривался двор.

— Заметили, вышел кто-нибудь из подъезда?

— Я не подходила к окну. Вернее, я хотела подойти и посмотреть, но муж на меня рявкнул, чтобы я не дергалась и не совалась ни в свои дела.

— Понятно, — пробормотал следователь. — Значит, вы из окна никого не видели?

— К сожалению, нет! — развела руками хозяйка.

— Ну-ну, — недоверчиво произнес следователь. — Что ж, рассказывайте дальше. Проводили вы мужа на работу, и сразу побежали к Саликовым?

— Ну, ни сразу, — смутилась женщина. — Я просто хотела узнать, что у них произошло. Только за этим я и спустилась, — скороговоркой пробормотала женщина, отведя глаза. — Подхожу я к их двери, а она открыта. Ну, я захожу, зову хозяев — никто не отвечает. Прохожу в зал, смотрю, Владимир Вениаминович сидит лицом к телевизору, ко мне спиной. Подхожу, заглядываю — а у него лицо в крови, глаза стеклянные и на лбу дырка!

Женщина зябко поежилась и всхлипнула.

— И вы сразу побежали звонить?

— Сразу.

— А почему не захотели назваться?

— Ну, понимаете, муж у меня больной. Если узнает, что я ходила к Саликовым — пристукнет и в церковь не сходит.

— Ревнует что ли?

— Как Отелло! Дело в том, что Вениаминыч посодействовал ему в устройстве на работу, вот Пашке и мерещится, что он помог за какие-то мои особые заслуги, сами понимаете, какие. А на самом деле, мы просто подруги с Надькой...

Что-то в рассказе красавицы было натянуто, несмотря на то, что, на первый взгляд, все выглядело правдиво и логично. Следователь почувствовал, что лиса чего-то не договаривает. Он ушел с этим чувством, так и не узнав, что на самом деле Лидия Семеновна подходила к окну и видела во дворе панически улепетывающую жену Вениаминовича. Это произошло минут через двадцать после выстрела, где-то около семи. Она выбежала из дома как ошпаренная и устремилась на проезжую часть, словно бросаться под машину.

Но сначала нужно пояснить, что депутат устроил мужа Лидии Семеновны на хорошую работу именно за те самые услуги, в которых подозревал ее муж. Вот почему он всегда нервничал, собираясь на ночную службу. А как не нервничать, когда всякий раз перед этим наблюдалась одна и та же картина: за день до ночного дежурства, которое по скользящему графику выпадало раз в неделю, соседских детей снизу отвозили к бабушке. А за час до его ухода на работу депутат начинал скандалить с женой, и заканчивалось всегда одинаково: Надежда тоже уезжала к родителям. В результате депутат оставался один, как впрочем, и его Лидочка. Где гарантия, что все это не подстраивалось намеренно?

Такой гарантии никто дать не мог, да и не было в этом необходимости. Все и без того было шито белыми нитками. Весь дом знал, что Лидия Семеновна любовница Владимира Вениаминовича.

Что касается конкретно сегодняшнего вечера, то перед сборами мужа на дежурство Лидия уже была, как на иголках. Едва дождалась она, когда любовник без пяти шесть въедет во двор на своем черном джипе и дважды мигнет фарами. Следом, начался долгожданный скандал с женой, но не всегда он давал желаемых результатов. В трех случаях из пяти Надежда оставалась дома.

Когда внизу перестали ссориться, Лидию как магнитом потянула к окну, но, чувствующий неладное, муж не выпускал ее из поля зрения ни на секунду. Даже после выстрела пришлось остаться в кресле с журналом на коленях, хотя душа рвалась к окошку. Где-то ближе к семи она отправилась на кухню готовить ужин, откуда уже можно было безбоязненно поглядывать на двор. «Уехала, или не уехала?» — с тоской свербело внутри.

И вот в тот момент, когда хозяйка подумала, что не суждено ей узнать правды до тех пор, пока супруг не уйдет на службу, она, наконец, узрела выбежавшую из подъезда Надьку. Соседка была явно не в себе и сильно торопилась. «Видать, хорошо поцапались», — улыбнулась чаровница и вдруг с удивлением увидела, что Надьку во дворе дожидается какой-то мужик. Это обстоятельство так удивило Лидию Семеновну, что у нее впервые в жизни подгорел на сковороде лук.

Запах жареного лука — было последнее, что помнила Лилия. Что произошло после того, как она упала в обморок, пленница уже не знала. Как ни напрягала девушка память, как ни трясла в отчаянье головой — абсолютная пустота. Причем здесь этот подвал с решетками на окнах и жесткая кушетка без простыней?

Лилия ощупала себя со всех сторон и, убедившись, что ее не раздевали, снова присела на корточки. Она запустила пальцы в свои пшеничные кудри и в тысячный раз спросила: «Как я здесь оказалась?»

Внезапно снаружи зазвенела связка ключей. Узница вскочила и испуганно вжалась в стену. Дверь со скрежетом отворилась, и в помещение вошел плотный, приземистый кавказец. В руках он держал поднос с дымящимся мясом и бутылку вина.

Тюремщик с усмешкой взглянул на девушку и, ничего не объяснив, поставил поднос на стол.

— Кушай! — произнес он ласково и направился к выходу.

— Где я? Как я сюда попала? Что вообще происходит? — возмущенно посыпала пленница.

Тюремщик остановился, осмотрел девушку с ног до головы и негромко произнес:

— Кушай! Завтра все узнаешь.

— Как завтра? Я что, буду здесь до завтра? Кто вы такие? Какое вы имеете право держать меня под замком? — с возмущением закричала пленница.

Но охранник не повел и ухом. Он молча вышел в темный коридор и скрежетнул ключом.

— Захочешь в уборную — пастучи, — сказал он через дверь, и его тяжелые шаги стихли.

Пленница снова опустилась на корточки и обхватила руками колени. Сидеть на этих сальных табуретках желания не было, как впрочем, и лопать эту подозрительную баранину. «Кажется, история повторяется», — подумала она и припала к окну. На улице вечерело. Двор казался мертвым от пустоты.

Но тогда ей было двадцать один, а сейчас все тридцать. А ума по-прежнему нет. Зачем она глотнула розового Тосканского? В нем явно было что-то подмешано. А ведь думала, что больше никогда не влипнет в историю по своей глупости, как в первый раз... Но разве она виновата, что влюбилась в него, как кошка? Разве любовь — глупость?

Лилия заметила его еще на абитуре, когда поступала в Литературный институт. Он отличался от остальных какой-то удивительной уверенностью. Все говорили, что он гений.

У Лилии уже было за плечами три курса Химико-технологического. Но, как позже выяснилось, техника — не ее призвание. В Химико-технологический она поступила сразу после школы, по инерции. И только на третьем курсе поняла, что по складу ума она чистый гуманитарий...

И что ей взбрело в голову на каникулах поехать к нему в Нижний Новгород. Мало ее пороли в детстве. Точнее сказать, совсем не пороли. Мать умерла рано, а отец менял женщин каждый год и на дочь не обращал внимания. Она была вечной беспризорной, и мечтала, что когда вырастит — выйдет замуж за серьезного, правильного мужчину, а не за такого вечно ветреного парнишку, как ее отец. И тот юноша был тем, о ком она мечтала все свое сознательное детство.

Однажды на летних каникулах она просто села в поезд и поехала в Нижний Новгород. На что она надеялась? Сама не знала. Отыщет его дом, позвонит в квартиру и скажет, что соскучилась. Нет, так она конечно не скажет. Еще подумает, что девушка с «приветом». Она скажет, что едет к тетке в Саратов, и в Нижнем у нее пересадка.

Только вся беда в том, что адрес девушка знала, но совершенно не знала Нижнего Новгорода. Выйдя из здания вокзала, московская гостя направилась к стоянке такси, не заметив, какими внимательными взглядами проводили ее четверо стриженных парней из темной иномарки.

— Скажите, далеко ехать до Сормова? — спросила Лилия подойдя к таксистам.

— Доведем! Какие проблемы? На машине никогда не бывает далеко, — оживились шеферюги.

— А сколько это будет стоить?

Таксисты заломили такую цену, что девушке ничего не оставалось, как попятится назад. С деньгами у нее была напряженка.

— Скажите, а где останавливается автобус?

— На автобусе, красавица, ты будешь пилить два часа.

Однако ничего не поделаешь. Пришлось понуро отправиться к автобусной остановке. Не успели гостье объяснить про нужную улицу, как у ее ног тормознула иномарка с темными стеклами. Из окна высунул физиономию мордатый парень в темных очках.

— Кому до Сормова? — спросил он весело. — Девушка, вижу по глазам, что вам!

— Сколько возьмете? — деловито осведомилась пассажирка.

— С красивых девушек не берем! — ответил он шаловливо.

— Нет, серьезно.

— Серьезно говорю, садитесь! Мы как раз в ту сторону.

— Девушка, не садитесь, — прошептала сзади какая-то сердобольная старушенция, но Лилия не послушалась и впрорхнула в шикарную тачку. Только когда дверца за ней захлопнулась, она почувствовала себя не вполне уютно оттого, что в машине, кроме водителя, было еще трое незнакомых парней. Впрочем, это чувство скоро прошло.

— Первый раз в нашем городе? — вежливо поинтересовался водитель.

— Да, в первый.

— Откуда пожаловали?

— Из Москвы.

— К родственникам?

— Нет, к другу. Он студент Литературного института. Может, знаете его?

— А как зовут?

Девушка назвала фамилию.

— А как же, знаю! — откликнулся парень с переднего сиденья. — Это мой сосед. Мы с ним в одной школе учились.

Настроение сразу поднялось, и тревога мгновенно улетучилась. За окном первый месяц лета. Вокруг все зеленело, благоухало и весело чирикало. Молодые люди оказались разговорчивыми и веселыми. И до Сормова оказалось не так уж далеко. Во всяком случае, меньше чем через полчаса машина тормознула у подъезда какого-то дома.

— Уже приехали? — приятно удивилась девушка.

— Выходи и поднимайся на третий этаж. Сейчас мы его приведем.

И почему она не взглянула на номер дома и не поинтересовалась улицей? И как она не сообразила, что ей нет ни малейшей нужды подниматься с ними на третий этаж. Эх, башка без мозгов! Даром, что кудрявая!

Впрочем, никаких причин для волнения не было. У подъезда на скамейке сидели какие-то старушки. На детской площадке резвились дети. На ветках щебетали птицы.

Уже что-то соображать Лилия начала в квартире, когда молодые люди, усадив ее за стол, начали деловито разливать водку. Ей тоже налили полстакана.

— Я не пью водку, — растерялась она. — А когда вы пойдете за моим другом?

— Да не суетись ты. Сейчас пойдем. Ты выпей! — произнес один из них и сунул в руку граненый стакан.

Парни как-то сразу потеряли свою приветливость. После принятия на грудь от них повеяло типичной уголовкой. Только на одном лице девушка уловила нечто вроде сочувствия и вот тогда испугалась по настоящему.

— Мальчики, я не пью, — произнесла Лилия дрогнувшим голосом и неприязненно отстранилась от стола.

Ее слова почему-то вызвали грубый хохот.

— Мальчики! Какие мы тебе мальчики? — подмигнул тот, что вел машину, видимо, главарь. — Стас врубай музыку! И окно прикрой!

И даже после того, как шесть грубых рук облепили ее тонкое тельце, и тогда она не верила, что попала в серьезный переплет.

— Прекратите! Что вы делаете? Я не хочу!

Четвертый в это время возился в углу с магнитолой. Он поставил на перемотку кассету и подошел к открытому окну. В это время девушка продолжала со слезами отбиваться от бандитских грабелей, и, когда с нее сорвали платье, она закричала с диким отчаяньем:

— Да помогите же кто-нибудь!

10

В ту минуту, когда следователь покинул квартиру свидетельницы, идущий в парк троллейбус высадил на перекрестке Добролюбова и Руставели двух молодых людей. Они резко соскочили на тротуар и, немного пройдя, вошли в какое-то мрачное здание сталинского типа. Сразу пахнуло казенщиной и дикой неустроенностью. При виде их хмурая вахтерша расплылась в улыбку и воскликнула, обращаясь к студенту:

— Костя! Солнышко ясное! Сколько лет, сколько зим!

— Добрый вечер, Мария Ивановна, — улыбнулся студент.

— У меня есть ключи. Не беспокойтесь! Этот человек со мной.

Благополучно миновав вахту, орлы поднялись на лифте на четвертый этаж, и их взорам предстал полутемный облупленный коридор с невероятным количеством дверей.

— Это здесь живут поэты? — недоверчиво спросил Назарев.

— Только здесь и живут, — ответил Костя не без гордости и, достав из кармана ключ, отпер крайнюю дверь.

Дверь распахнулась, и друзья вошли в маленькую неухоженную комнатушку с ободранными обоями. Ее обстановка состояла из двух кроватей с продавленными матрасами, старенького письменного стола и полуразобранной тумбочки, служившей, судя по всему, стулом. Углы же сплошь завалены книгами. Нетрудно догадаться, что эту комнату давно не посещали, поскольку полы были покрыты толстым слоем пыли.

Назарев в нерешительности застрял на пороге, а хозяин вытащил из шкафа чемодан. Он долго в нем шарил и вдруг извлек какую-то кремневую штуковину похожую на пулю автомата Калашникова. Студент с непонятной ухмылкой потер ее пальцем и подмигнул гостю:

— Знаешь, что это такое? Головоногий белемнит! В простонародье зовется чертов палец. В средние века за такую вещь любой алхимик отвалил бы состояние. А мне его подарил один поэт с Волги. Прикинь, этой вещице больше семидесяти миллионов лет. Представляешь, на этом месте, где мы сейчас стоим, был океан, и в нем обитал головоногий моллюск. Так вот, я держу в руках окаменелое щупальце этого моллюска.

Гостю показалось, что хозяин покрылся испариной от волнения. Но возможно, это только показалось. Пришлось взять в руки эту окаменелую мерзость. Назарев внимательно осмотрел ее со всех сторон, брезгливо поскреб ногтем, но никаких чувств эта дрянь у него не вызвала. Костя почувствовал его неприязнь к предмету и, снизив голос до полупшепота, произнес:

— Эта вещь — первооснова всей вселенской материи. Понимаешь? Вижу по глазам, что не понимаешь. Да, — вздохнул он. — Ты очень, очень болен.

— Это чем же я болен? — обиженно буркнул Назарев.

— Скудоумием, как и все человечество. Ты вдумайся в смысл: эта вещь — первооснова всей вселенской материи. Все-ленской! Если ее поднести ко лбу, к так называемому

третьему глазу, то ты увидишь все свои предыдущие воплощения, вплоть до того, когда обитал в шкуре ящера.

Назарев неприязненно отстранился, а Костя издевательски расхохотался.

— Но ящеры нас не интересуют, а нам нужно выяснить, что порядочных женщин толкает на скользкий путь куртизанства?

Назарев насторожился и хмуро сдвинул брови. Шаловливый тон случайного товарища пришелся ему не по вкусу. Студент чутко уловил настроение гостя и сделался серьезным.

— Извини. Думаешь, шучу? Думаешь, это простой кусок кремня? Если у тебя действительно есть искреннее желание разобраться в себе, то он может тебе помочь.

— Да не верю я во всю эту чушь, — замахал руками Валера, удивляясь тому, что он должен разбираться с собой, а не с женой.

— А это не важно, — улыбнулся студент. — Ложись, закрывай глаза и расслабляйся! Главное, выброси из головы все лишнее, когда я поднесу к тебе белемнит. Постарайся запомнить то, что мелькнет в голове.

Назарев повесил куртку в шкаф, нехотя стащил с себя сырые кроссовки и неловко завалился на продавленную кровать. Это было весьма кстати: все его члены гудели от усталости. Он закрыл глаза с намерением ни о чем не думать, но в голове опять мелькнуло, что он не из тех мужчин, которые ради семьи забывают такое, и что развод он перенесет стойко, а вот разлуку с детьми — что-то сомнительно.

И вдруг совершенно четко, а главное, ни с того ни с сего, в темноте возникла она... От неожиданности бедняга дернулся и широко распахнул глаза. Над ним стоял студент и с дурацкой многозначительностью тыкал в лоб своей кремневой пулей.

— Ну что, увидел? — широко улыбнулся экспериментатор, и глаза его едва не лопнули от издевательского блеска.

— Да чушь все это, — пробормотал Валерий, заранее не веря во всю эти потусторонние штуки. — Ничего я не видел! Ну... разве это подружку моей жены...

— Что за подружка? — сощурился литератор.

И вдруг испарина выступила на лбу у ни во что не верящего Валерия, простого фрезеровщика шестого разряда. Он саданул себя по макушке и возбужденно воскликнул:

— А ведь точно! С нее-то все и началось! Теперь я понял все! Все теперь я понял! О, какой же я был дурак!

Студент мудро покачал головой и с иронической многозначительностью произнес:

— Боюсь, что ты им и остался, поскольку все понимают только дураки.

После этой фразы Костя тут же потерял интерес к гостю и направился к своей кровати. На ходу он схватил какую-то книжонку и упал вместе с ней на скрипучий панцирь.

— Если я засну первым, выключи свет, — последнее, что произнес он в тот вечер.

11

Она возвращалась из Парижа в Нижний Новгород и захотела навестить однокурсницу. Валерий не только никогда не слышал о ней, но и предположить не мог, что у его жены водятся подружки подобного пошиба. Честно говоря, жена была не менее ошеломлена этому великосветскому чуду в их квартире. Таких грациозных дам в бархатных платьях и жемчужных колье Валерий привык видеть только по телевизору, но никак не в своей убогой прихожке. Жена тут же бросилась визжать и целоваться, а Валерий с достоинством потрянул руку ее мужу.

Ее муж — высокий приятный мужчина с золотистой шотландской бородкой, серыми глазами и гладким лбом интеллектуала. Он был в модном костюме, люксовски туфлях и вообще не лишен европейского лоска. Именно на нем жена задержала свой долгий завистливый взгляд, но Валерий не придал этому значения.

Однако какого рожна они делали в Париже? Ах, да! Он же художник-авангардист. Они-с изволили там выставляться. Они-с изволили гулять по Елисейским полям и сниматься на фоне Триумфальной арки. Да нет же! Они хорошие ребята: симпатичные, тактичные, интеллигентные. Долго извинялись, что нагрязнили без предупреждения. С пониманием отнеслись к тому, что в холодильнике — шаром покати, но у них все было с собой: бутылка Шато, Мартини и куча всяких французских деликатесов в сверкающих баночках.

Неловкость у хозяев вскоре прошла. Люди оказались весьма простыми, несмотря на то, что запросто выставляются в Лувре. И даже было обидно, что после института про-

шло столько лет, а они до сих пор не знакомы. Так, что лично на Валеру общение с ними подействовало благотворно, а жена просто светилась от гордости за свою институтскую подругу.

Итак, ее девичья фамилия Пухова, и сама она была легка как пушинка: голубые глаза, шикарные ресницы, пшеничные кудри, красивые губы и минимум косметики. Но все это ерунда, по сравнению с тем обаянием, которое исходило от нее. Казалось, она вся светилась изнутри.

Когда жена и парижский гость отправились на лоджию курить, Валера слегка оробел, оставшись с ней наедине. Но гостья, как и подобает ангелу, сделала вид, что не заметила его неловкости, и начала непринужденно рассказывать про то, как они студентками охотились на него, на Валеру, такого высокого белокурого красавца, похожего на царевича из сказки.

Вот тут-то и выяснилось, что его будущая жена Люся, до того, как они столкнулись на танцплощадке, держала Валеру в поле зрения целых три года. Как увидела его на первом курсе из окна троллейбуса, так сразу и влюбилась. И все пять лет на лекциях рисовала в конспектах его атлетическую фигуру. А ведь Валера даже не подозревал о ее существовании!

И вот они, озорные студентки многострадального Химикотехнологического, все-таки выследили юношу в Марьиной роще, где на летней танцплощадке, наконец, состоялась их роковое знакомство с Люсей, оказавшимся судьбоносным, — смеялась гостья, и хозяин не знал, куда девать глаза, потому что всегда был уверен, что он первый засек ту фигуристую студентку, так здорово отплясывающую рок-н-ролл. Оказывается, судьба — судьбой, но и ее время от времени следует корректировать по примеру этих юных мерзавок, изощрявшихся целых три года. И, Царица Небесная, Пухова все это время была рядом.

Валера даже покраснел от гордости. Столько лет пребывать в поле зрения таких шикарных девиц — это не шутка. Польщено слушая простодушные излияния гостьи, Валерий украдкой поглядывал в зеркало и с досадой отмечал, что тогда он был, конечно, постройнее и без этого скоропостижного животика. Шевелюра была погуще, лицо посвежее, осанка поувереннее, взгляд понахальнее, но во всем остальном он остался тем же рубахой-парнем — Валерой Назаревым.

«Вот так живешь и никогда не знаешь, где потеряешь, а где привалит счастье», — думал в тот вечер Валера, и подобная мысль не была лишена грусти. А ведь вполне возможно, что в тот вечер он мог пригласить на «медляк» не Люсю, а ее.

Такая несбывшаяся перспектива вогнала хозяина квартиры в краску, и он испугался, как бы собеседница не подслушала его нечистых мыслей. Впрочем, эта дамочка не его поля ягода. Таких нужно возить по парижам и венециям, а для этого необходимо малевать что-нибудь в стиле постмодернизма. Что касается Люси, то она и в Париже Люся.

И когда гости ушли, оставив после себя запах духов, недопитое Шато, несколько баночек с джемом (да нет, наоборот: они забрали с собой такое, что даже люстра на потолке в семь лампочек показала жалким светильником), его жена Люся как-то глубоко и сокрушенно вздохнула. Но и этому факту Валера не придавал значения. А ведь в течение вечера она, чтобы поднять себе цену, дважды рассказала, как ей на работе делал намеки один тертый жук из отдела сбыта. Однако этот жалкий спич Валера всерьез не принял, как, впрочем, и гости. Когда же дверь за ними закрылась, Люся, грустно покачав головой, как-то очень меланхолично произнесла:

— Вот какая красивая жизнь у людей. А у нас разве жизнь? Сплошная бытовуха.

Следом Люся со стоном потянулась и, вдруг чему-то сладко улыбнувшись, направилась в спальню. Через пять минут она появилась в коротком розовом пеньюаре и кружевных панталончиках, которые подарила ей пришибленная соседка со второго этажа. Этот комплект на Люсе всегда вызывал у Валеры смех, однако на этот раз он вызвал раздражение:

— Сними и не позорься!

Люся сразу приуныла и больше за вечер не произнесла ни слова. Только перед сном она снова хрустнула мосолочками и прошептало грустно:

— Эх, жизнь уходит...

Так, вертясь на проваленной койке и вспоминая тот проклятый вечер, несчастный фрезеровщик долго не мог уснуть. Несмотря на хмель в голове, он ни в какую не хотел смириться с тем, что теперь его семейная жизнь окончилась и что отныне своих детей он будет видеть только по выходным, и что жена ему больше не принадлежит, а принадлежит чужому дяденьке из отдела сбыта. Валера думал, что завтра

он не встанет за свой фрезерный станок, а понесет начальнику цеха заявление на увольнение. Потом поедет к родителям в Ярославль, где сначала его будут жалеть, а потом уговаривать вернуться в семью. И все это из-за того, что черти притащили из Парижа институтскую подружку жены.

Валерий вертелся, скрежетал зубами и был близок к тому, чтобы возопить на манер удалившегося в пустыню пророка. Но рядом посапывал его новый товарищ, который так участливо проникся Валериной драмой, поэтому вопить над его ухом было бы свинской неблагодарностью. Кстати, его новый товарищ почивал не так уж и безмятежно. Он тоже беспокойно возился, а потом среди ночи дернулся и угрожающе прохрипел:

— Сука! Тебе шлюх мало?

— Что? — всполошился Валерий.

Но в ответ услышал шумное сопение. Ему тоже, видимо, снилось что-то неприятное. После этого Валерий стал ненадолго забываться, и ему грезилась Парижская гостья, то целомудренно хлопающая ресницами, то хитроумно грозящая пальцем. Она то сочувственно покачивала головкой, то сатанински хохотала в лицо, и Назарев жмурился от ослепительного блеска ее зубов. Он испуганно просыпался, тряс головой и проклинал тот день, когда увидел ее на пороге своей квартиры.

«Пухова, только Пухова принесла в его дом несчастье», — давился слезами красавец-мужчина и снова проваливался в преисподнюю, где светская львица извивалась в каком-то дьявольском танце, и жемчужные бусинки отлетали от ее бархатного платья и звонко прыгали на каменных ступенях какого-то мрачного средневекового замка с горящими светильниками на стенах...

Когда бедняга проснулся окончательно, было уже светло. Костя лежал с открытыми глазами и сладко зевал. Из коридора доносились шаги, звон посуды, журчание общей умывалки. Назарев безнадежно вздохнул и еле слышно прошептал:

— Принесли же ее бесы.

— Это кого? — встрепенулся Костя. — Подружку твоей жены? А вот кто ее действительно принес, бесы или провидение, твой долг выяснить. Что она лицо не случайное — ясно как божий день. В жизни не существует случайностей. И то, что мы с тобой встретились, тоже не случайно.

Назарева очень удивило, что человек так уверенно рассуждает о вещах, которых не знает. И не только не знает, но и, кажется, не стремится узнать. «Это наверно тот самый случай словесного поноса, которому профессионально обучают в Литературном институте», — подумал Валера.

Студент скинул одеяло, бодро спрыгнул с кровати и распахнул окно. Комната сразу наполнилась уличными звуками и сырым октябрьским воздухом. Валерий зябко натянул на нос одеяло и проявил молчаливое недовольство. Но Костя простодушно улыбнулся:

— Сейчас нам нужен свежий воздух и трезвый рассудок. Через минуту ты будешь знать о своих несчастьях все.

Последнее литератор произнес с такой торжественностью, что у Валеры поползли мурашки. Однако в глазах этого типа все-таки мелькал издевательский блеск. «Куражится, — мелькнуло в голове. — Только перед кем? Похоже, что перед самим собой».

— Да не верю я во все это, — устало произнес Валера.

Студент невесело рассмеялся, набрал полную грудь воздуха и торжественно поднял белемнит. Несмотря на то, что это походило на клоунаду, Назарева охватило страшное волнение. Шестое чувство подсказало, что сейчас произойдет что-то из ряда вон выходящее.

— Мне готовиться? — произнес он иронично.

— Расслабься и думай о ней.

Студент закрыл окно и с удивлением отметил, что гость как-то не по-мужски побледнел, бессильно опустил веки, и у него между бровей обозначилась та самая осмысленная морщина, которая отличает обезьяну от человека. Костя на минуту задумался, затем махнул рукой и на цыпочках подкрался к кровати. Когда он поднес ко лбу белемнит, у бедняги перехватило дыхание. С минуту физиономия Назарева не выражала никаких признаков жизни, и вдруг Валера с диким воплем вскочил с кровати, сбив с ног наложившего в штаны товарища. Зрачки его были до того огромными, что студент в сидячем положении попятился к двери.

— Ты че, рехнулся? — спросил он. — Кого хоть увидел?

— Себя, — ответил Валера, давя в себе ужас: — Но это был не я.

На следующие утро все газеты писали об убийстве депутата Мосгордумы Владимира Саликова. «И когда они успевают верстать? — усмехался про себя Волошин, вчитываясь в раздел происшествий «Московских новостей». — И кто их только снабжает такой информацией?» Ведь лично с ним, с единственным следователем, выехавшим на место преступления, еще не беседовал ни один газетчик, а пресса уже подробно расписала, как, когда и из чего был застрелен депутат Саликов.

«Мосгорпрокуратура возбудила уголовное дело», — прочел Волошин и покачал головой. Торопятся ребяташки, опережают события. Еще не возбудила городская прокуратура уголовного дела. Она еще не успела даже его запросить. Но не это главное. Главное, что журналистам уже известны не только мотивы, но и сами убийцы. Разумеется, это исламские экстремисты, поскольку накануне Саликов выступил по четвертому каналу с призывом консолидироваться против криминальных мусульманских группировок.

Пока городская прокуратура не запросила дело, нужно было успеть поговорить с вдовой депутата. Поговорить ночью не удалось, поскольку она была в совершенно невменяемом состоянии.

Когда женщину, поддерживаемую милиционером, ввели в кабинет, Волошин тут же обратил внимание на синяк под правым глазом. Ее лицо было распухшим от слез, нос красным, под глазами чернота.

Не глядя на следователя и не отрывая от лица платочка, она, точно слепая, опустилась на стул и жалобно шмыгнула носом. Это была красивая женщиной, с большими зелеными глазами, тонкими чертами лица и волнующим бюстом. Не ушла от внимания следователя и ее высокая прическа под заколкой. Она была сделана мастерски и даже покрыта лаком. Это, по меньшей мере, странно. Ее будят в два часа ночи, сообщают о смерти мужа, и первое, что она делает, — прическу. Так не бывает. Тем более что на прическу у нее времени не было, поскольку за ней сразу пришла машина. Следовательно, она не ложилась. Почему?

— Извините, Надежда Николаевна, что вынужден задать вам несколько вопросов. Понимаю, что вам не до этого, но таков мой долг.

Она кивнула и еще ниже опустила голову.

— В котором часу в последний раз вы видели мужа?

— В шесть, — еле слышно пролепетала вдова.

— Насколько мне известно, в шесть он только приехал домой.

— Ну, может быть, десять минут седьмого. Он приехал, мы сразу разругались. И я поехала к матери.

— Из-за чего вышла ссора?

Женщина подняла распухшие глаза на и обиженно проборотала:

— Сейчас это не имеет значения. Поссорились, как всегда из-за пустяка.

— Он вас ударил?

— Да, — шмыгнула она, потупив взор.

— И часто он вас бил?

— Нет.

— А ссорились вы часто?

Надежда Николаевна тяжело вздохнула и уперлась взглядом в подбородок следователя.

— По-моему, это тоже не имеет значения.

— Все имеет значение, Надежда Николаевна. Соседи говорят, что вы ссорились почти ежедневно.

— Они правы.

— Из-за чего?

— Из-за всего.

Следователь сделал небольшую паузу, чтобы дать ей собраться с мыслями, и продолжил:

— Скажите, Надежда Николаевна, во время ссоры вы стояли, или сидели?

— Стояла! — ответила женщина, удивленно хлопнув глазами.

— А муж?

— А муж сидел в кресле перед телевизором. Он пил коньяк и чистил свой пистолет. Это чистил его мне назло. Володя знал, что я очень нервничаю, когда он возится со своим пистолетом, да еще при этом принимает алкоголь. Я начала требовать, чтобы он шел со своей пушкой на кухню и не мешал смотреть телевизор. Тогда он начал в меня целиться. Я, конечно, вышла из себя и спустила на него собаку. Но, кажется, переборщила. Он встал и ударил.

Женщина заплакала, а следователь закусил нижнюю губу.

— После того, как он вас ударил, вы еще долго оставались в квартире?

— Нет! Я тут же выбежала из дома, поймала такси и поехала к матери.

— Сразу выбежали? — уточнил следователь.

- В ту же секунду.
- И даже не переоделись.
- В чем была. В халате и...

Женщина осеклась, покосившись на свои джинсы и кроссовки. Затем поправилась.

- В прихожей на ходу влезла в кроссовки и куртку.

Следователь помолчал, сообразив, что женщина сильно привирает, упустив джинсы, но напирать не стал. Еще было не время. Его сейчас больше интересовало, кто оставил пальчики на пистолете? Интуиция подсказывала, что это отпечатки Надежды Николаевны.

— А вы не пытались вырвать у мужа пистолет? — спросил следователь.

— Что вы! — распахнула она глазищи. — Я боюсь даже прикоснуться к оружию...

И тут женщина снова осеклась и принялась мучительно соображать, чего бы добавить еще, чтобы оправдать резкое окончание фразы. Но, так ничего и не придумала. Она подняла влажные глаза на правоохранителя и выдала наиглупейшую филиппику:

- Я даже не знаю, кто бы мог это сделать.

— Ну, что ж, — оживился Волошин после некоторого молчания. — Еще раз извините, что был вынужден вас потревожить. Но вам предстоит еще одна неприятная процедура: с вас должны снять отпечатки пальцев.

- Зачем? — удивилась женщина.

- Так положено.

В это время ожил телефон. Звонил прокурор.

— Станислав Валерьевич, собирайтесь! Вас ждут в Городской прокуратуре.

13

Пока Станислав Валерьевич собирался, студент, уже умывшись и заварив чай, вел любопытную беседу с еще не поднявшимся квартирантом:

— Значит, ты видел себя, но это был не ты? — иронично подмигнул он. — Интересное получается кино. Ну, вслед за этим, по логике вещей, должны последовать комментарии. Поясни, что значит: «я — это не я»?

Однако Назарев не пояснил. Он то бледнел, то краснел, то от натуги окрашивался в чистейший фиолет. Видимо,

процесс шевеления извилинами ему давался не так легко, как предполагалось. Его брови то ползли к переносице, то дурашливо взметались вверх. Он сильно жмурился и неистово тряс головой, чтобы вытряхнуть из себя увиденное третьим глазом. На упорные просьбы товарища прояснить что-либо для истории, упрямец не менее упорно отмалчивался и шарил неосмысленным взглядом по потолку.

Костя вскоре потерял к нему интерес и сказал, что отправляется в библиотеку по срочному делу. «Ну, и осел, — подумал Назарев. — Разве в библиотеках бывают срочные дела?» Прежде, чем исчезнуть, студент взял с постояльца клятву, что тот не покинет общежитие, пока не расскажет ему, что он узрел третьим глазом.

Оставшись в одиночестве, Назарев долго сидел на кровати без движения со сползшим на пол одеялом. Он, как сомнамбула, гладил себя по щекам и думал, что вот ведь как в жизни получается, что он, оказывается, вовсе не он... однако все равно нужно было где-то почистить зубы и пошаркать бритвой скулы. Не сделав ни того, ни другого, Валера оделся, запер комнату на ключ и сунул его в пожарный щиток на втором этаже, как было договорено.

В наипаскуднейшем настроении он вышел на улицу, сел в троллейбус и поехал на завод. Нужно было еще где-то позавтракать, но есть абсолютно не хотелось. И не хотелось похмелиться. И не хотелось вообще ничего, а только ехать и ехать в этом сыром и холодном троллейбусе. Но ничто в этом мире не вечно, а тем более — троллейбусные маршруты, и через энное количество остановок обозначился родной завод.

Начальник цеха, всегда озабоченный и очень несловохотливый, строго спросил, прочитав заявление:

— А в чем, собственно, дело?

— Уезжаю, — ответил Назарев.

— Да? — удивился инженер. — А жену-то хоть известил, куда ты уезжаешь? Она, кстати, с утра тебя искала. Ты поднимись для начала к ней в лабораторию, а потом заявлениями швыряйся.

— Я поднимусь. Не ваша забота! Ваша забота — подмахнуть бумажку, — грубо ответил Назарев.

Инженер хмыкнул, затем сделал жест, означающий «что ж, я умываю руки», и без каких-либо дальнейших расспросов подписал заявление. В отделе кадров долго изумлялись, сокрушались и сердечно разводили руками. Советовали поду-

мать прежде, чем увольняться, поскольку кругом безработица и таких высокооплачиваемых мест в Москве раз два и обчелся.

— А я уезжаю из Москвы навсегда, — буркнул Валерий.

— Куда? — насторожились кадровики.

— Не ваше дело!

Ну, после таких слов ничего не оставалось, как с раздражением поставить автографы и вручить господину грубияну бегунок.

Как-то неправдоподобно быстро Валерий обошел завод и ни где не столкнулся с женой, хотя каждый второй сообщал, что его супруга сбилась с ног. Назарев отводил глаза и грубо отвечал, чтобы не лезли в чужие дела, а занимались своими. Некоторые обижались, некоторые пожимали плечами без всякой обиды, но факт оставался фактом — дело шло на редкость гладко: ему все подписали, все оказались на месте, а на складе (уж вообще невероятно!) даже простили прошлогоднюю спецовку. За расчетом велели придти завтра, и бедняга вскоре снова оказался на улице.

Он неторопливо побрел в сторону Красной площади, без особой иронии размышляя над тем, что большинство прохожих, озабоченно снующих взад вперед, тоже не те, за кого себя принимают. Но они даже не догадываются об этом, а Назареву сегодня это открылось. Ведь в ту самую минуту, когда полоумный студент ткнул в лоб своим чертовым пальцем, Валера совершенно ясно ощутил себя каким-то священником, спускающимся вниз по ступеням средневекового замка. Нет, это не было галлюцинацией, и не было похмельным бредом. Эта была такая же реальность, как сейчас.

Валерий был облачен в черную мантию с мешкообразным капюшоном. Его рука сжимала факел, который временами обжигал кулак. Сам же он был невысокого роста и более зрелого возраста, абсолютно седым, с черными глазами и густыми колючими бровями. Кажется, у него еще были усы и мушкетерская бородка, но за это он не ручается, а вот то, что внизу у залы с бассейном стояла точная копия нынешнего Валеры, такое не забывается. Ведь при виде этого болвана с копьём в руках в голову пришла такая мысль, что все его нынешнее нутро затрясло от негодования.

Назарев даже остановился посреди улицы. Почему подобное произошло с ним? Кому он сделал плохо? Ведь весь ужас заключался за дверьми той залы, которую охранял

стражник. Но что это за чушь: ломбардский замок с бассейном внутри? Кстати, почему ломбардский? С чего он взял?

Бедняге внезапно взбрело, что после этого войти в свою квартиру, где он еще вчера утром чувствовал себя хозяином, будет значительно легче, чем толкнуть железную дверь, охраняемую его двойником. А не поехать ли вправду домой? Точнее, в бывший дом. Должен же он, наконец, сменить носки и сорочку...

В половине седьмого вечера Валерий запрыгнул в автобус, и он доставил его до бывшего дома быстрее, чем обычно. Не без трепета отец семейства поднес к дверям чип и шагнул в подъезд. Дверь квартиры он тоже открыл собственным ключом, и к нему сразу метнулись дети. Отец крепко обнял их, и из глаз покатились слезы. Из кухни на шум выскочила заплаканная жена и тоже бросилась на шею.

— Ты где был? Я обзвонила все морги!

Муж холодно снял со своей шеи ее горячие руки и, не разуваясь, прошел в спальню. Дети, почувствовав, что с родителем творится что-то не ладное, не рискнули проследовать за ним. Однако жена проследовала.

Не обращая внимания на супругу, Назарев вытащил из кладовки чемодан и начал молча запихивать в него свои рубашки.

— Ты что делаешь? — испуганно спросила супруга, и две детские головки встревожено заглянули в спальню.

— Дети, уйдите! — рявкнул отец, после чего полный ненависти взгляд просверлил супругу. — Я все знаю про вас с Кудласевичем. Так что давай без сцен.

Жена побледнела и без сил опустилась на пуфик.

— Что ты знаешь? — растерянно пробормотала она. — Что тебе напели? Подожди, давай разберемся...

Казалось, для Назарева больше не существовало этой женщины. Он молча кинул в чемодан бритву, радиоприемник и деловито отсчитал себе деньги из общей шкатулки. После этого свирепо щелкнула застежками чемодана и направился в прихожую.

— Папа, ты куда? — заволновались дети и побежали за ним. У дверей он заключил их обоих в объятия и поднял глаза на растерянную супругу. Ее вид был виноватым, глаза испуганными и лживыми.

Назарев молча вытащил из кармана ключи и презрительно швырнул их на пол. После чего резко схватил чемодан и громко хлопнул дверью. Когда он вышел на улицу, дышать

стало легче. «Теперь окончательно все», — подумал он и по div>

С этой минуты с семьей было покончено навсегда. Семья его больше не волновала. Хотя, конечно, волновала. Правильней сказать, теперь не только она одна занимала его мысли. Теперь его еще распирало от любопытства, что находилось за той железной дверью в ломбардском замке с бассейном в подвале?

Назарев бодро направился к метро. По пути он заскочил в магазин и затарился рыбными консервами. Теперь его ждала иная жизнь, где не было домашних борщей и мягких диванов. И последняя усмешка не была лишена сожаления. «Мда, ситуация», — подумал он.

14

Однако нынешняя ситуация за железной дверью была намного хуже, чем тогда в Нижнем Новгороде. Тогда окно было открыто настежь, и во дворе находись люди.

— Стас, чего ты копаешься? — раздраженно прохрипел главарь, сорвав с нее лифчик. — Быстро прикрой окно и вруби музон!

Парень нехотя захлопнул створки, но тут же распахнул их снова и крикнул кому-то внизу:

— Все нормально, мужик! Все о, кей!

— Чего ты? Кто там? — заволокновался водитель, метнувшись к окну. — Мужики, рот ей заткните!

Он взглянул вниз и грубо изрыгнул:

— Иди, иди! Все нормально, чувак. Ну, че уставился?

После короткого молчания водила неуверенно произнес:

— Ну, вот видишь, пошел! А ты и напугалася.

Он возвратился к компании и критически осмотрел пленницу. Она уже была раздета до гола, и беспомощно жалась к стене.

— Тащи ее на диван! — приказал главарь.

И в ту же минуту из колонок грянул рок. Москвичку грубо распластали на диване, и в это время стоящий у окна Стас воскликнул:

— Слушай, парнишка звонит!

— Что! — взревел водитель, уже успевший спустить штаны.

48

Он доскакал до окна и принялся интенсивно вертеть головой.

— Где? Не вижу!

— Да только что за угол завернул. Гадом буду, сейчас звонил. Достал из сумки телефон и набрал две цифры. Я четко видел, что две!

Водитель быстро натянул штаны и воскликнул.

— Мужики, валим! Сейчас прикатит ментура.

Все засуетились. Девушке бросили одежду, в которую он облачилась с молниеносной быстротой, взяли под локти и быстро вытащили из квартиры. На тычках и подзатыльниках ее спустили на первый этаж, проскочили мимо бабуль на лавочке, взглянувших на нее неодобрительно, и Лилия снова оказалась на заднем сиденье иномарки.

Не успела она что-либо сообразить, как машина бешено рванула с места, обогнула дом и остановилась у железной двери подвала с висячим замком. Замок отперли ключом. Девушку втокнули в темноту, провели по воде и кинули на пружинный матрас. Следом, какими-то пыльными колготками связали ей ноги, закрутили назад руки и сунули в рот грязную тряпку. После чего поспешно удалились. Однако когда они запирали подвал, девушка услышала, что архаровцы собираются выждать час, а потом возвратиться за ней.

Когда рев машин стих, пленница попыталась развязать руки. Она полчаса кувыркалась на пружинном матрасе, но освободиться не смогла. Вскоре глаза привыкли к темноте. Девушка увидела, что подвал почти весь затоплен водой, а тот небольшой клочок суши, на котором находился пружинный матрас, усыпан пузырьками, шприцами и всякого рода тряпьем.

Внезапно она заметила, что лежит лицом на запекшемся пятне крови. Девушка в ужасе скатилась на влажный бетон и попыталась подняться. Она дважды падала в лужу, но на третий раз попытка удалась. Несчастливая доскакала до мизерного окошечка, через который могла пролезть только кошка и увидела пустырь. «Никого!» — с тоской отдалось внутри. И вдруг мимо промчался какой-то мальчишка. Пленница замычала, но он, конечно, не услышал.

От отчаянья девушка заплакала. Вот тут ей и приснился сон. Главное, она совсем не помнила, как заснула. Причем, заснула с открытыми глазами, поскольку во все глаза смотрела на пустырь. Он как-то постепенно и естественно потемнел, и она заметила вдали горящий костер. Приглядевшись,

пленница увидела, что это не костер, а факел, который держал в руке седой человек в черной мантии. Сердце девушки наполнилось радостью, потому что он ее видел, и не просто видел, а протягивал к ней руку.

Лилия внезапно почувствовала, что руки и ноги ее свободны, и во рту больше нет никакого кляпа. Более того, между ней и этим человеком больше не существовала бетонной стены. Она радостно побежала вниз по ступеням, и он, поймав ее руку, нежно коснулся губами лба.

— Ты готова, дочь моя? — произнес он немного взволнованным голосом.

— Да! — ответила она и прижалась щекой к его плечу.

— Чисто ли твое сердце? Или тебя гнетут какие-то земные желания. Откройся сейчас! Потом будет поздно.

— Мое сердце чисто.

Старик улыбнулся мудрой улыбкой и подвел ее к железной двери с красивым охранныком.

— Какие мысли посещают тебя при виде этого детины? — спросил он тихо.

Девушка рассмеялась, и человек в плаще чутко уловил, что означает ее смех. Старик толкнул железную дверь, и их взорам предстала громадная зала с мраморным бассейном. Горящие на стенах светильники красиво отражались в воде.

Он подвел ее к мраморному бордюру и пытливо взглянул в глаза:

— Прежде, чем ступишь на воду, подумай, не будешь ли ты сожалеть о том, что когда-то ходила по земле?

— Нет! — улыбнулась девушка.

— Сознаешь ли ты, что, ступив на этот путь, ты навлекаешь на себя великие темные силы? — нахмурился старик.

— Да! Но я не боюсь, — произнесла девушка.

— Правильно. Этого бояться не надо, ибо ты будешь также под опекой и светлых сил.

Она взглянула на отражавшийся в воде светильник и вдруг увидела молодого человека со светлой бородкой. В эту же минуту пространство раздвинулось и красный свет факела превратился в сумрачно-серый. Это уже был не сон. По темневшему пустырю действительно плелся какой-то парень с деревянным этюдником на плече. Лилия, что было сил, замычала, но он, естественно, не услышал, поскольку был далеко. Кроме того, парень, казалось, был несколько не в себе. Точнее, весь в себе. «Такой и вблизи не увидит», — с отчаяньем мелькнуло в голове.

Он уже почти вышел из этого клочка пустыря, обозреваемого из крохотного окошечка, прежде чем его взгляд равнодушно скользнул по ее лицу. Да что говорить, ушел полностью. Но внезапно он вернулся и снова бросил взгляд в ее сторону. И вот тогда вздрогнул. Глаза прохожего расширились. Он подошел ближе и понял все.

Парень скинул с плеча этюдник, подобрал под ногами железяку и принялся сбивать замок. Замок долго не поддавался. За те пятнадцать минут, которые он возился с дверью, девушке показалось, что прошла жизнь.

Наконец дверь заскрежетала и, ворвавшийся молодой человек, первым делом кинулся развязывать руки...

Этот момент Лилия всегда вспоминает с улыбкой. Она и сейчас улыбнулась сквозь решетку своей тюрьмы. «Что же я стою? — удивилась она. — Нужно действовать, ибо безвыходных ситуаций не бывает».

Узница подошла к железной двери и забарабанила в два кулачка. Через некоторое время в коридоре послышались тяжелые шаги кавказца.

— Чиво надо? — спросил он.

— Я хочу в туалет, — ответила девушка.

15

Старший следователь городской прокуратуры Вячеслав Крымов выглядел уставшим. Мешки под глазами и воспаленный взгляд свидетельствовали о том, у московской прокуратуры в эти дни работы как никогда.

— Ну, что у вас там с депутатом? — спросил он у Волошина, не отрываясь от своих бумаг. — Удалось что-нибудь надыбить по горячим следам?

— Пока расследование на начальном этапе. Предполагаю, что убийство произошло на бытовой почве.

— На какой бытовой? Очнитесь, Станислав Валерьевич! — поднял глаза Крымов. — За день до этого Саликов обнародовал финансовые источники чеченских террористов. Пятьдесят процентов средств на ведение войны зарабатывается в столице. Басаев тоже начинал с криминальной группировки в Москве. Подумайте сами: позавчера Саликов выступил по ТВЦ с конкретной программой по перекрытию финансового кислорода исламским экстремистам, а вчера

его убили. Скажете, случайность? Нет, Станислав Валерьевич, случайность тут исключается.

Волошин наморщил лоб.

— Сказать что-либо по этому вопросу я могу только после заключения экспертизы. Предполагается, что депутат был застрелен из собственного «Вальтера». На нем отпечаток женской руки. Соседи слышали выстрел в половине седьмого, плюс минус десять минут. За пятнадцать минут до этого у депутата произошла шумная ссора с женой...

— Но это уже стало признаком хорошего тона валить убийства депутатов на жен, — с раздражением перебил старший следователь. — В общем так, с этой минуты вы работаете в моей бригаде. Расследование продолжайте. Особенно пристальное внимание обратите на законопроект Сальникова по ужесточению мер к иностранным гражданам Исламского вероисповедания. Тогда вам многое станет ясно. А сейчас ознакомьтесь вот с этой любопытной статейкой. Обратите внимание, она датируется четырнадцатым сентября. То есть, написана сразу после теракта в США. Но речь в ней о событиях годовой давности.

Волошин взял в руки газету «Московские вести» и брезгливо поморщился.

— Но это желтая газета.

— Не важно. Вы прочтите!

В РОССИИ ОЖИДАЮТСЯ ТЕРАКТЫ

«Теракт в Америке — это начало мировой войны мусульман против остального мира», — заявил нашему корреспонденту депутат Мосгордумы Владимир Саликов. — По тем источникам, которые у него имеются, вестись она будет всеми возможными средствами, в том числе, и бактериологическим оружием. Пусть не тешут себя иллюзией Европа и Россия, что они останутся в стороне. По словам депутата, на Россиянах уже было испытано бактериологическое оружие, полученное на химических предприятиях ближневосточных стран.

Как известно в прошлом году во Владивостоке было госпитализировано 6 детей с диагнозом болезни, которой давно не существует в природе. По официальной версии, дети заразились оспой от вакцины, которая якобы двадцать лет хранилась на складе госсанэпиднадзора, а по-

том была выброшена в мусорный контейнер.

— Но это решительно невозможно! — заявила нашему корреспонденту начальник отдела надзора за инфекционными заболеваниями Ирина Лыбкина. Вот ее показания из протокола следственной комиссии:

«Любая вакцина — удовольствие дорогое. Поэтому госсанэпиднадзор получает ее ровно столько, сколько заказывают поликлиники. Случаи, когда вакцина остается (да еще коробками), также редки, как встреча человека с шаровой молнией. Когда подобное случается, препарат уничтожают в тот же день, поскольку по закону вакцина не подлежит хранению. Как вакцина оспы смогла пролежать на складе двадцать лет, вопреки всем постановлениям Минздрава? — остается загадкой.

Вторая странность в том, что она сохранила свои свойства. Вакцина — вещь не только дорогая, но и капризная. Любой перепад температуры действует на нее пагубно. Транспортируется она с предприятия на склад исключительно в холодильниках. Также в холодильниках развозится по округам. Медсестры разносят ее по поликлиникам в специальных холодильных сумках. Но даже при идеальных условиях хранения (при температуре от 2 до 8 градусов тепла) срок жизни вакцины исчисляется всего двумя годами. Такой факт, что она 20 лет пролежала на складе и не потеряла своих свойств, — больше похож на сказку. Это возможно только при специальной технологии хранения.

Третья странность в том, что дети заболели оспой. От вакцины, в каком бы количестве она не прививалась, заболеть оспой невозможно...»

Редакции остается задаться вопросом, каким образом вирус оспы попал во Владивосток? Как известно, после 1983 года этот препарат был полностью уничтожен. В мире осталось только три места, где хранится вирус оспы. Владивосток в их число не входит. Так что желтый порошок в разбитых ампулах на мостовой Владивостока — это что угодно, но только не вакцина. К такому выводу пришла следственная комиссия по расследованию этого инцидента.

Ровно через год, 10 сентября этого года, за три дня до теракта в США, в Казани началась эпидемия давно канув-

шей в Лету холеры. Следствие по этому странному инциденту также не было доведено до конца. Единственная версия, которая дана в связи со вспышкой болезни, — что зараза была занесена иностранцами. Но весь вопрос, какими?

По словам депутата Мосгордумы Владимира Саликова, в ближайшее время в России, Европе и Америке нужно быть готовыми к новым вспышкам эпидемий, как к давно забытым, так и к неизвестным ранее. Их источниками являются — химические предприятия исламских стран, поддерживающие террористов. По словам депутата, если Российские власти, не начнут принимать своевременных профилактических мер против Исламистов, то Россию в ближайшем времени ждут серьезные испытания.

Владимир ТОПОРОВ

Прочтя заметку, Волошин удивленно поднял глаза на Крымова. Начальник следственной бригады подмигнул:

— Что скажете, Станислав Валерьевич?

— Ну, что я могу сказать. Любопытно!

— Любопытно — не то слово. А вот еще одна информашка. Скромная, но от души. На днях она всполошила службу безопасности президента.

НА ПУТИНА ГОТОВИЛОСЬ ПОКУШЕНИЕ

Как заявил нашему корреспонденту депутат Мосгордумы Владимир Саликов, экстремистские силы ислама уже готовы к проведению терактов на территории России. По данным его источника, мусульманские террористы планировали начать крупномасштабные террористические операции в России с покушения на главу государства Владимира Путина во время его визита в Баку.

Мы связались со следственными органами Азербайджана, и они подтвердили, что на днях было завершено следствие по делу планируемого покушения на Российского президента во время его визита в Баку. Осуществление операции было возложено на гражданина Ирака Кянина Ростамы, человека Бен Ладена. Он прошел спецподготовку в одном из лагерей Афганистана. По данным следственной комиссии, операция готовилась очень тщательно и была

задумана еще в начале года. Однако за четыре месяца до визита Путина в Баку спецслужбы получили информацию о том, что в Азербайджане на Российского президента готовится покушение. «Примерно за десять дней до поездки Путина в Баку мы уже точно знали о доставке взрывчатых веществ в Азербайджан и передача их одному из организаторов покушения, — сообщил нам министр национальной безопасности Намиг Аббасов. — На сегодняшний день дело завершено».

Депутат Владимир Саликов еще раз подчеркивает, что если своевременно не принять профилактических мер против лиц мусульманского вероисповедания, то в ближайшее время Москву захлестнет волна терактов. Саликов считает, что на сегодняшний день наиболее эффективный путь в борьбе с исламскими экстремистами является элементарное наведение финансового порядка на рынках Москвы.

Владимир ТОПОРОВ

Прочтя заметку, Волошин скептически хмыкнул.

— Но об этом писали все газеты. Удивляюсь, как она могла всполюшить службу безопасности президента.

— Правильно! Писали. Но после шестнадцатого октября, — поднял палец начальник. — Официальное заявление о закрытии дела поступило от министра Аббасова шестнадцатого октября, а этот номер датируется первым октября. И далее в том же духе: Саликов продолжает, опираясь на свои источники, призывать к консолидации против исламистов. И вот, наконец, на днях он от призывов переходит к практическим действиям. Позавчера по ТВЦ излагает свою программу по ограничению торговых прав в Москве лиц мусульманского вероисповедания. Самое интересное, что Саликов напирает не на административное ожесточение, а на жесткий контроль над финансовыми потоками азербайджанцев, получивших Российское гражданство. Во как! Что вы на это скажете, Станислав Валерьевич?

— По-моему, это противоречит федеральному закону.

— Пока да. Но депутат обещал выйти с законодательной инициативой по изменению закона.

— Интересно, кто за ним стоит? Не плохо бы отыскать его источник, — пожал плечами Волошин.

— Вы правильно мыслите, — одобрил старший следователь. — Значит, свою задачу поняли? В первую очередь отыщите источник.

— Не удивлюсь, если это будет гражданин США.

— Что-что? — сощурился Крымов. — Да вы, Станислав Валерьевич, карбонарий...

16

— Чиво? — переспросил кавказец из-за двери.

— Я хочу в туалет! — громко повторила пленница.

После короткой паузы в замке заскрежетал ключ. Железная дверь отворилась, и сразу пахнуло вечерней свежестью. Кавказец молча кивнул на ступени в конце коридора и едва заметно усмехнулся. В коридоре было холодно. Горел тусклый свет, как в тюрьме, хотя в тюрьме Лилия не была. Мрачные бетонные стены и некрашенный деревянный пол наводили дополнительную тоску. «По всей видимости, дом еще не достроен», — подумала узница.

Подойдя к двери, пленница оглянулась. Охранник шел за ней, и глаза его похотливо лоснились. Он нагло скользнул по ее ногам и кивнул на дверь.

Лилия вошла в туалет и первым делом торопливо накинула крючок. Затем ланью метнулась к окну, поскольку на нем не было решетки. Пленница внимательно обследовала раму и, убедившись, что она защелкнута только на шпингалеты, на цыпочках подкралась к двери. Было слышно, как кавказец с хрустом переминается с ноги на ногу. Что делать? Слышимость изуверская. Пришлось на полную открыть воду в умывальнике, после чего вернуться к окошку. За ним простирался пустой асфальтированный двор, огороженный бетонным забором.

Не без дрожи в пальцах женщина отщелкнула нижний шпингалет, который издал звонкий звук, но поддался без усилий. Лилия замерла и прислушалась. Кажется, охранник не чухнул. На всякий случай пленница нажала на смыв в унитазе и одновременно отщелкнула второй шпингалет.

После чего без особого труда и шума открыла первую створку. Следом, уже не заботясь о конспирации, она мигом отщелкнула оба шпингалета второй рамы и дернула на себя

ручку. Это было фантастикой. Вторая створка открылась также легко и охотно, как и первая. В лицо хлестнула холодная струя воздуха, и послышались звуки проезжающих машин. Где-то недалеко проходила автотрасса.

Лилия мигом взобралась на подоконник и взглянула вниз. Внизу ровный асфальт, высота около двух метров. Прыгать в каблуках было глупо. Не долго думая, пленница сняла туфли и, поставив ноги в месте, как учили в парашютной секции, оттолкнулась от подоконника.

Приземлилась она удачно. Правда, отбила обе пятки, зато устояла на ногах. На стон и страдания времени не было. Беглянка торопливо потерла ступни, одела туфельки и понеслась к забору. Двор был громадным и пустынным, если не считать несколько контейнеров, стоявших в глубине. Вот забор был высокий, вдобавок, обнесенный колючей проволокой. Сразу же за контейнерами Лилия увидела железные ворота. Если они будут заперты, она взберется на контейнер и перемахнет через забор и колючую проволоку, — решила беглянка.

Лилия подбежала к воротам и вдруг замерла как вкопанная. К забору прилегал собачья будка, из которой торчала лохматая голова с кровавыми глазами. Невероятных размеров псина смотрела на беглянку не очень дружелюбно.

Лилия медленно попятилась назад. И вдруг эта громадная, угрюмая собачина с красными глазами вылезла из будки и, не спеша, направилась к ней. Девушка дико завизжала, чем ничуть не смутила собаку. Но внезапно сзади раздался спокойной голос:

— Джан, на место!

Собака остановилась, подумала. После чего нехотя похилила обратно. Пленница оглянулась. На крыльце дома стоял охранник и с насмешливой улыбкой смотрел на нее.

— Иды ка мне, а то сгризот, — сказал он ласково.

Беглянке ничего не оставалось, как с позором вернуться в ту же трехэтажную тюрьму под зеленой черепицей. Когда она проходила мимо кавказца, то он подмигнул ей и произнес с масляным взором:

— Всэ дэвушки так начинают.

Что за девушки, он не уточнил. А пленница расспрашивать не стала, чутко уловив, что этот тип всего лишь мелкая сошка. Через минуту она снова была за железной дверью, и

из окошка с решеткой простирался все тот же невеселый вид двора с бетонным забором. Но теперь Лилия знала, что из этого двора сбежать нельзя.

Она опустила на топчан, обхватила руками колени и задумалась. После того чудесного спасения в Нижнем Новгороде, девушка уверовала, что она счастливица, и что удача ее не покинет. Но, кажется, на этот раз фортуна повернулась задом. «Почему я вечно впадает в поле зрения какой-то уголовной своры? — удивлялась Лилия. — Но тогда в молодости понятно: по глупости. А сейчас, почему?»

Хотя нельзя сказать, что она в обиде на ту поездку в Нижний. Ведь как ни странно, получилось, что девушка поехала к одному любимому человеку, а нашла другого. И Лилия ни сколько не сомневается, что тот мужчина, освободивший ее из подвала, был ниспослан самой судьбой.

Незнакомец вывел пленницу на свет, и она, взглянув в его глаза, тут же повалилась в обморок. Очнулась девушка от нервного рева машины. Это к ним с горящими фарами летел тот самый фиолетовый джип. Освобожденная сидела на траве, прислонившись к единственному дереву на этом пустыре. Рядом с ней лежали: этюдник и листы с акварелью.

Молодой человек стоял перед ней на коленях и обмахивал листом ватмана.

— Это они! — испуганно прошептала она. — Бежим!

Незнакомец обернулся и хмуро произнес:

— Поздно.

Машина остановилась. Спаситель встал с колен. Сначала никто не выходил, но через некоторое время они выскочили все вчетвером и, ничего не объяснив, бросились на молодого человека. Им удалось сразу сбить его с ног, но испинать не удалось. Парень как то очень ловко выкатился из кучи малы, подобрал с земли железный прут и вскочил на ноги. Бандиты опешили.

Они переглянулись и снова, подобно шакалам, бросились на него. Молодой человек отскочил и на лету впечатал одному из них по животу прутом. Тот загнулся. Следом он вырубил второго, заехав ему по голове железкой. Оставшиеся двое вцепились в его орудие и повалили наземь.

— Беги! — крикнул парень девушке.

Дальше Лилия помнила очень смутно. Они, рыча, катались по земле, поднимая вверх облака пыли, и она, разуме-

ется, не могла сдвинуться с места, не то что убежать. Через какое-то мгновение дерущиеся снова оказались на ногах, но на этот раз железный прут был у бандитов, а в руках у парня этюдник. Лицо его было в крови, одежда разорвана, но взгляд горел, как у волка. Бандюги тоже выглядели потрепанными. Они тяжело дышали, и их физиономии были искажены от злобы.

— Наша телка! — прохрипел один из них.

— Только через мой труп!

В ту же секунду на храбреца обрушился железный прут, но парень ловко прикрылся этюдником. Его с треском разнесла в щепки, а хозяин снова оказался на земле. Он дрался, как лев, но силы с каждой минутой таяли. К этому времени, пришел в себя тот, который получил под дых. Он поднялся, вытащил из кармана нож и направился к куче мале. Девушка завизжала, но ее визг уже не имел значения. Ее спаситель получил два удара ножом. Вот в это мгновение Лилия и увидела вылетевший из-за угла милицейский «УАЗик».

— Милиция едет! — закричала она истерично.

Можно сказать, ее отчаянный крик и спас молодого человека от третьего удара ножом. Бандюги подняли головы и, увидев горящие фары, рванули к машине, на ходу подхватив четвертого, который все это время сидел на земле с зажатой головой.

— Стас! Менты! Линяем!

Они схватили товарища под мышки и впихнули в «Джип». Девушка подбежала к окровавленному парню. Несмотря на то, что он уже был не в состоянии шевелиться, при виде Лилии его лицо озарилось лучезарной улыбкой.

— Этюдник жалко, — прошептал он, смеясь, и девушка, со слезами, прижала его голову к груди.

Когда героя грузили на носилки, медсестра спросила у Лилии:

— Вы кто ему, жена?

— Да, — кивнула девушка.

— Тогда полезайте в машину...

Когда Валера с чемоданом и оттопыренными карманами вошел в комнату, то сразу обратил внимание на угрюмое выражение лица своего друга. Костя был настолько основательно погружен в себя, что не сразу заметил появление постояльца.

Но в какую-то секунду тяжелые думы студента отлетели в сторону, и лицо его снова сделалось приветливым. Он повернул голову, подмигнул и спросил с напуском любопытством:

— Ты был дома?

— Был, — нехотя ответил Валера, затискивая чемодан в шкаф.

— Разбирался с женой?

— Нет. Просто собрал вещи и ушел.

— И прощать не собираешься?

Валера угрюмо посмотрел на студента и не ответил. Костя сразу оживился, вскочил с кровати и крепко потрянул его руку.

— Молодец! Одобряю! Никогда не поступайся своими принципами. Стоит раз простить предательство и тебя будут предавать до конца жизни. Только таким образом нас судьба испытывает на стойкость.

Валера тяжело вздохнул и ничего не ответил. Однако подумал: «Хорошо тебе размышлять неженатому, да бездетному». Назарев уныло снял куртку, повесил в шкаф и молча упал на кровать. На душе стало невероятно тоскливо, когда он представил, что его дети сидят на диване с опущенными головами и расстроено смотрят телевизор.

— Ты сам-то был женат? — спросил он Костю.

— Мы все женаты понемногу, — уклончиво ответил студент. — Не о том мы толкуем. Я сегодня два часа проторчал в библиотеке. Тебя должно заинтересовать, — кинул он со своей кровати. — Знаешь, что я выяснил? Вчера в пивнушке ты произнес строку из тайной книги Альбигойцев. Причем, слово в слово. Прикидываешь, чем это пахнет?

Валера поморщился и нервно почесал нос.

— Нет. Интересно, к чему чешется нос?

— К тому, болван, что когда я учился в институте, то как раз занимался еретиками. Средневековый Прованс — моя тема. Сечешь? Я даже хотел написать роман, но так, естественно, и не написал. Забуксовал на Альбигойии.

Валера скривился еще больше.

— Я думал, чё путное скажешь, — вздохнул он и закрыл глаза, затем неожиданно открыл. — Я не понял, ты сказал, что когда учился в институте... А сейчас ты не учишься что ли?

— Понимаешь, — замялся студент. — Я тогда не доучился, а сейчас пытаюсь восстановиться, но не на четвертый курс, с которого ушел, а на Высшие литературные курсы.

— А чего ты ушел? — поинтересовался Валера.

Костя помрачнел и ответил с раздражением:

— Дураком был. Думал, быстро гребану деньжат, а потом вернусь. Но, увы! — выпятил губы Костя. — Жизнь не любит виражей подобного рода. Ну, да пес с ним! Я не о том. Понимаешь, какое совпадение: я восемь лет назад застрял на Альбигонии, и вдруг встречаешься ты и выдаешь мне строчку из тайной книги Альбигойцев.

Костя сел на кровать с явным намерением пуститься в какие-то одному ему понятные рассуждения, но Назарев грубо оборвал:

— Может, пожрем для начала?

Костя растерянно поводил глазами и удивленно спросил:

— Ты голодный что ли?

— А то нет.

Студент вскочил с кровати и достал из шкафа батон, шмат ветчины и два пакета кефира. Назарев вывалил из карманов консервы, сыр и несколько пакетов вакуумной колбасы.

Кефир со шпротами и колбасой уплетали со знанием дела. Наконец, когда и то, и другое с пятым-десятым было умято, Валера сыто отвалился на кровать и спросил без всякого интереса, чисто для поддержания базара:

— Так, о ком ты хотел писать роман?

— О еретиках, — отозвался Костя, вычищая кусочком батона остатки масла из консервной банки.

— На черта они тебе сдались?

Костя замер и задумался.

— Иногда ты задаешь такие idiotские вопросы, что я даже теряюсь, как ответить. Понимаешь, природа инакомыслия — это всегда интересно...

— Кому?

— Всем! — студент кинул взгляд на сонное лицо постельца и сделался не столь категоричным. — Ну... не всем, конечно, а большинству людей. Хотя, может быть, не большинству, но мне лично очень интересно. Вот подумай сам:

почему всех устраивали церковные каноны, а их нет? Чего ради они шли на костры? Что им не хватало? Что ими двигало: тщеславие или желание до всего дойти собственным умом? И почему так свирепствовала церковь, когда брались под сомнения строки Христового Завета? Хотя, как известно, сам Христос не оставил ни строчки...

— Да! — неожиданно вспомнил Назарев. — У меня есть радио! Давай послушаем новостишки. Может, уже Блин Ландана поймали, а мы с тобой тут лежим как олухи.

Костя замолчал и полностью отключился от внешнего мира. Валера достал из чемодана приемник, и комнату сразу наполнил деловой голос диктора: «Американцы решили использовать в Афганистане сверхтяжелые бомбы весом до двух с половиной тонн, чтобы разрушить подземные бункеры талибов, — такое сообщение сделала телекомпания Эн би си. Кроме того, ее источники утверждают, что Пентагон решил начать бомбардировки с использованием кассетных бомб для поражения движущихся целей, таких, как бронетехника и войсковые колонны. Подробнее о ситуации в Афганистане в информационной программе «Эха» в начале часа... Талибы утверждают, что с начала военной операции погибли сто семьдесят человек, в основном мирные жители. Посол талибов в Пакистане говорит, что духовный лидер талибов мулла Омар и Осам бен Ладен живы...»

— Так они и подставили себя под бомбы! — ворчливо пробормотал Валера, но, заметив насмешливый взгляд студента, нахмурился. — Тебе не интересно? Может ты за террористов?

— Неужели ты думаешь, что это дело рук террористов? — усмехнулся студент. — Фанатизм не предполагает большого ума, а дельце обтяпано явно не дураками. Конечно, исламских фанатиков использовали в качестве пушечного мяса, но организаторы — люди совсем другого вероисповедания...

— Это какого же? — набычился Назарев.

— Я думаю, в первую очередь — прагматического, — засмеялся Костя.

— Опять издеваешься? — разозлился Назарев. — Ты можешь сказать конкретно, что ты имеешь в виду?

— А ты раскинь мозгами: кому эта заваруха нужна? Прежде всего, американцам. Этот теракт, к твоему сведению, спас Америку от дефолта. Прикинул? В Штатах со дня на день ожидали обвал доллара. От обвала, как известно, есть

только два средства: природная катастрофа и мировая война. Очевидно, американцы решили пойти по европейскому пути списания долгов. В средние века крестовые походы спасли от экономического кризиса Европу, а в этом столетии крестовый поход спасет благополучие Америки. Так, что в мире ничего нового не происходит, — поморщился студент.

— Чего ты буровишь? — обиженно шмыгнул носом Назарев. — Америка — цивилизованная страна? Там все для человека. Если бы мы пошли по их пути, сейчас у нас было бы все.

— Но, слава богу, что не пошли, — вздохнул студент.

Назарев снова почувствовал издевку и сердито поднял одну бровь.

— Я не понял.

— А чего тут понимать, — покачал головой студент. — Все видят в Америке благополучную страну, но никто не помнит, каким путем оно достигнуто? А начали англоязычные переселенцы с того, что подчистую вырезали местное население, а кого не успели зарезать, тех согнали в резервации. Испанцы в Южной Америке хотя бы формально пытались обратить индейцев в христианскую веру, англичане — даже не снизили. Потом американцы завезли из Африки негров, которые под кнутами сделали Штатам аграрное благополучие. Кстати, Америка — последняя из стран, которая официально отменила рабство, и то благодаря гражданской войне. Сегодня на США работает шестьдесят процентов человечества, потому что американцы везде навязывают свои правила. Так что, извини, но более позорного пути к благополучию человечеству еще знать не приходилось. Когда скудоумные политики заявляют, что Россия должна идти американским путем, мне хочется спросить: «Кого первых начнем резать?» — Костя вздохнул, немного помолчал и добавил. — Но в истории все закономерно. Построенные на крови империи, рано или поздно завоевываются менее развитыми народностями.

Костя замолчал и мрачно уставился в стену. Назарев тоже задумался.

— Самое печальное, что все это в истории уже происходило, — нарушил тишину Костя.

В Мосгордуме все были растеряны неожиданной смертью Саликова. Все как один уверяли, что убийство депутата — дело рук террористов.

— Тут надо искать либо чеченцев, либо азербайджанцев, — хмуро пробормотал председатель думы Юрий Поляков. — Накануне Владимир Вениаминович вышел с законодательной инициативой законопроекта об ограничении торговых прав иностранцев Мусульманского вероисповедания.

— Об ограничении торговых прав? — демонстративно удивился следователь. — Разве это не противоречит законам рынка?

— Рынок рынком, — улыбнулся председатель, — однако, во всех развитых странах предпочтение отдается собственным товаропроизводителям. У нас наоборот: все московские рынки отданы кавказцам. Если бы они торговали своей продукцией, это было бы полбеды, но они в основном торгуют товарами повседневного спроса, которые есть в магазинах и, тем самым, прибыль с продаж проходит мимо кассовых аппаратов. Так что, в законопроекте по рынкам, над которым работал Сальников, четко указано, что рынки Москвы будут принадлежать частным производителям, и предпочтение будет отдаваться россиянам. Мера это жесткая, но необходимая. Из-за того, что рынки контролируются азербайджанцами, а не Московскими властями, городской бюджет не досчитывается ежегодно до миллиарда долларов. Согласитесь: сумма внушительная. Где гарантия, что именно эта неучтенная «наличка» не идет на поддержку исламским террористам?

Председатель взглянул на часы, развел руками и отправился на заседание думы. Следователь поднялся на четвертый этаж в кабинет Саликова. В нем он застал растерянного помощника депутата, листающего какие-то документы.

Волошин, показав удостоверение, представился, и законотворческий работник, натянув на себя вымученную улыбку, протянул тощую ладонь.

— Валентин Григорьевич, — представился помощник убитым голосом. — Чем могу быть вам полезен?

— У вас есть какие-нибудь мысли по поводу убийства депутата Саликова? — спросил следователь.

Помощник уныло покачал головой.

— Как вы считаете, с чем это связано?

— Не знаю, — растерянно развел руками Валентин Григорьевич. — Теряюсь в догадках.

— Депутаты предполагает, что это дело рук азербайджанцев.

Помощник нервно затряс головой:

— Вряд ли азербайджанцев. Он на их деньги избирался. Так что вот. Но я вам этого не говорил...

Брови следователя взметнулись вверх.

— Значит, Саликов представлял их интересы? Вот бы никогда не подумал. И какие же законопроекты он разработал?

— Закон о легализации иностранных граждан в Москве.

— Да? — удивился следователь. — Это интересно! Я правильно понял, что азербайджанцы в нем были заинтересованы?

— Так ведь это большие деньги! — вытаращил глаза помощник. — Только от одной регистрации сборы в бюджет составляют от семидесяти до ста миллионов рублей. Кстати, — перешел он на полусшепот, — на миграционную кормушку, давно претендует МВД. В думе дважды провалился закон о передаче финансовых счетов миграционной службы милиции. Пока доход от миграционных сборов идет в городской бюджет. Но думаю, скоро этот вопрос, решится в пользу МВД.

— В связи с чем? — удивился следователь.

— В связи с новым положением на южных границах, — ответил помощник. — Вы разве не знаете, что Таджикистан, Узбекистан и Грузия предоставляют американцам свои военные базы. Так что Соединенные штаты, — развел руками Валентин Григорьевич, — не упустят возможности этот теракт в Нью-Йорке использовать для нового расклада сил. Уже для того, чтобы подобраться к южным границам России, стоило организовать теракт. Шучу, конечно. Так вот, по поводу легализации иностранных граждан в России: это золотое дно. Если с каждого иностранца брать налог за легальный труд, сумма вообще неизмерима.

— Но зачем азербайджанцам нужна легализация иностранцев?

— Как зачем? — вытаращил глаза законотворец. — Чтобы их контролировать. Сами они давно получили Российское гражданство, приобрели собственность, имеют гарантированный источник дохода, теперь хотят элементарного порядка. Короче, им не нужны нелегальные конкуренты?

— Понятно. Какие еще законы готовил Сальников?

— Закон о миграционной службе. На его основе в Москве уже создан муниципальный миграционный центр. Его задача

— наладить поток отправки рабочих из стран бывшего Советского Союза за рубеж.

— Это еще для чего? — поднял брови следователь.

— Так ведь это тоже деньги! Такие страны, как Алжир, Иордания, Бангладеш и Колумбия, по этой статье имеют ежегодный доход от пятисот до миллиарда долларов. Даже в СССР поступления от экспорта рабочей силы составляли до четырех миллиардов долларов.

— А что, в этом центре уже сидят азербайджанцы? — улыбнулся следователь.

— Не знаю, — пожал плечами помощник депутата. — Собственно, им не обязательно сидеть в этом центре. Для них достаточно и того, что их потенциальных конкурентов будут высылать за пределы России. Ведь их основные конкуренты — не москвичи, а мигранты из ближнего зарубежья.

— Ну-ну... — хмыкнул следователь и задумался. — А скажите, Валентин Григорьевич, законопроект по Московским рынкам — это поворот Саликова на сто восемьдесят градусов?

Помощник депутата пожал плечами и скривил губы.

— Понятия не имею. На этот вопрос может ответить только Саканский, секретарь Владимира Вениаминовича по связям с общественностью. Правда, неделю назад он ушел в отпуск, но информацией владеет. Могу дать телефон.

— Разумеется! И еще такой вопрос: последнее время Саликов делал заявления по поводу наступающего терроризма. Он ссылался на свои источники...

— Это тоже к Саканскому, — перебил Валентин Григорьевич. — Все источники проходят через него.

Следователь разглядел в глазах законотворца иронический блеск и подумал, что он знает гораздо больше, чем говорит.

— И еще, — снизил голос Волошин. — Вы лично знакомы с хозяевами Саликова?

Валентин Григорьевич приблизился к следователю.

— Я видел только одного. На кавказца не похож, говорит без акцента, хотя по национальности азербайджанец. Роста среднего, абсолютно лысый, имеет животик, черные усы. Ездит на фиолетовом джипе с темными стеклами. Но я вам этого не говорил.

Фиолетовый джип с темными стеклами въехал во двор. Девушка его не видела, но слышала гул мотора. Она сжалась на потасканной кушетке, почувствовав, что ее двухдневное заточение подходит к концу. И действительно, пора бы уже наступить развязке.

Из джипа вышел невысокий, круглый человек с черными усиками и гладкой, как бильярдный шар, башкой. За ним последовало двое телохранителей в темных костюмах и очках. Охранник сразу бросился к гостю. Если бы окно пленницы выходило на ворота, то она бы увидела, как лысый с хмурым видом сообщил охраннику что-то неприятное. Тот сделал испуганное лицо и спросил:

— Кто?

— Скоро узнаем? — коротко ответил гость. — Ну, давай, показывай, чего вы тут понастроили?

Они вчетвером обогнули двор, пройдя мимо окон узницы, задержались у контейнеров. После чего зашли в дом, обследовали все этажи, заглянули во все закутки и только после этого спустились вниз. Лысый недовольно цокнул языком.

— Пожалуй, еще кусков пятьдесят нужно вложить, чтобы довести до ума.

Тут охранник, словно вспомнив о чем-то, шепнул что-то лысому на ухо. Тот раздраженно махнул рукой:

— Забери ее себе. Хотя, — посмотрел он на часы. — Пойдем, покажешь.

Гвардия протопали по коридору, и пленница услышала скрежет замка. Она испуганно вжалась в стену.

Дверь отворилась. В комнату вошли четверо. Лысый сразу направился к ней. Подойдя, он присвистнул, после чего оглянулся на своих спутников:

— У нас сегодня сауна с азерами во сколько?

— В девятнадцать, — ответил один из них.

Лысый снова окинул глазом пленницу и спросил:

— Как тебя зовут, красавица?

— Зульфия! — сверкнула глазами Лилия.

Лысый едва заметно усмехнулся.

— Зульфия, так Зульфия. Садись в машину. Поедешь с нами.

— А вы, собственно, кто? И почему вы так по-хозяйски со мной обращаться?

— Тише-тише, — поморщился незнакомец, подняв обе ладони. — Только не надо шума. Я шумных не люблю.

Через пару минут красавица была втиснута между двумя архаровцами на заднее сиденье джипа. Лысый сел вперед рядом с водителем.

Ехали молча. Девушка дважды пыталась выразить возмущение, но сидящие по бокам охранники поднимали пальцы к губам и предостерегающе шептали:

— Тсс! Сказано, без шума.

За весь путь, который старательно запоминала пленница, четверкой больше не было произнесено ни слова. А запоминать практически было нечего. Когда они выехали из ворот, сразу через сосновую лесопосадку открылась широкая трасса. Через десять минут она влилась в окружную дорогу, а еще через пятнадцать, машина тормознула у того самого отеля, в который вчера привез ее спонсор.

Они прошли мимо вчерашних охранников, один из которых выразил изумление при виде девушки. Второй не выразил ничего. Видимо, не узнал. Но оба почтительно приветствовали лысого и с готовностью открыли перед ним стеклянную дверь. К вошедшим сразу кинулся молодой человек в элегантном костюме, судя по всему, администратор. Уважительно пожав руку гостю, он спросил:

— Хотите отдохнуть?

— Нет! Хочу все осмотреть, — ответил лысый. — Вот ее, — указал он на девушку, — отведите в апартаменты. Я займусь ей позже.

Пленница хотела возмутиться, но, увидев, с какой неподдельной любезностью ее пригласили в лифт, раздумала. Интуиция подсказывала, что от улыбающегося администратора улизнуть будет легче, чем от угрюмого лысого с двумя охранниками.

Они поднялись на третий этаж, и сопровождающий повел ее к тем же дверям, из которых вчера выбежала она. Администратор элегантно щелкнул дверной ручкой и сделал приглашающий жест. Лилии ничего не оставалось, как войти в апартаменты, а мужчина, к ее радости, остался у порога.

— Отдыхайте. Чувствуйте себя, как дома. Ванная в соседней комнате, — вежливо произнес он и закрыл дверь.

Пленница погрузилась в кресло, в котором уже сидела, и прислушалась. Когда шаги администратора утихли, она кошкой метнулась к дверям и вцепилась в золотую ручку. Как ни изгалялась с ней пленница, ручка была как влитая. Отчаявшись, Лилия бросилась к окнам. Окна выходили на улицу. Из них было видно крыльцо с двумя охранниками и часть двора.

Пленница вошла в другую комнату с кроватью как футбольное поле, зеркальным потолком и огромным панно во всю стену. Лилия сразу метнулась к балкону, который выходил на торец дома.

Женщина обшарила каждый сантиметр балконной двери и не нашла никакой ручки. Она навалилась плечом, но это не дало результатов. Осталось только выбить стекло. Пленница осмотрелась и увидела на камине металлическую статуэтку Афродиты. Богиня была как нельзя кстати.

Пленница зажмурилась и швырнула изваяние в стеклянную дверь. Статуэтка от соприкосновения с ней издала металлический звук и отлетела в сторону. Девушка изумленно постучала кулачком по стеклу и поняла, что его не пробьет даже пуля. Оставалось только одно — спрятаться.

Она заглянула в ванную и ослепла от зеркал. Нет, в ванной не спрячешься. В шкафу? Шкаф в гостиной хоть и был пустым, но весьма тесным. В принципе, в нем можно было поместиться, но он сразу бросался в глаза. Под диван? Но под диваном совершенно не было пространства. Лилия вернулась в спальню, и в это время в комнате щелкнула дверь.

— Зульфия, ты где? — услышала она голос лысого.

Мужчина энергично вошел в спальню и поднял взор на зеркальный потолок. Несмотря на то, что лицо его было озабоченным, на Лилию он взглянул одобрительно.

— Ты любишь перед зеркалом? Ну-ну! Ванну уже приняла?

Он деловито взял со стола пульт и тут же включился телевизор. Однако на экране мелькнули не телевизионные кадры, а пустые коридоры этой же самой гостиницы. Лысый раздраженно нажимал на кнопки, и ему явно что-то не нравилось. Он морщился, злился. Наконец поднял телефонную трубку и, не набирая номера, спросил:

— Я не понял? Где первый этаж? Что? Какая кнопка? Белая?

И тут же на экране замелькали сытые морды мужиков, сидящих в баре. Двое гоняли бильярд, остальные лениво наблюдали за игроками, прикладываясь к своим бокалам. Девушка узнала этот бар. Именно в нем вчера она грохнулась в обморок.

— А фиолетовая кнопка для чего? — спросил лысый. — Окна и балкон? Понял.

Лысый ткнул пультом в балкон, и дверь бесшумно поползла в сторону. Он водворил трубку на место и озабоченно посмотрел на часы.

— Ну что, — произнес он с придыханием. — Покажи, как ты умеешь работать.

Мужчина устало снял пиджак и начал, не спеша, развязывать галстук.

— Что вы имеете в виду? — нахмурилась девушка. — Я не собираюсь ничего показывать.

В глазах мужчины мелькнуло удивление. Он схватил ее за руку и грубо рванул к себе. Но Лилия вырвалась и проворно отскочила в сторону.

— Не смейте до меня дотрагиваться. Я замужняя женщина!

— Чиво? — удивился мужчина.

С его лица тут же исчезла озабоченность, и в глазах появился фосфорический блеск. Он не спеша поднялся и направился на нее точно медведь, выставив вперед пузо. Лилия подняла с полу Афродиту и встала в боевую позу. Мужчина остановился и присвистнул.

— Где он тебя снял? — спросил лысый и поднял телефонную трубку. — Пусть мои ребята зайдут, — произнес он. — И кинул трубку на стол. Затем снова поднял: — Нет, не надо.

Мужчина улыбнулся, сверкнув крупными зубами, и широко развел руками:

— Ведь смеяться будут. Скажут, с бабой не справился.

Бос вздохнул и взял в руки пульт. На экране снова появились мордастые физиономии мужчин, которые маялись бездельем в бильярдной.

— Их обслужить хочешь?

— Что? — ужаснулась девушка.

— А то, моя красавица. Либо я, либо пойдешь по кругу.

Первым желанием было — метнуть в него железную Афродиту. Вторым — разбежаться и броситься с балкона, который был открыт. Третьим — провалиться в небытие.

— Можно подумать? — спросила она помертвевшими губами.

— Подумай, — произнес он равнодушно. — Даю тебе две минуты. Мне как раз нужно сделать звонок.

Что только не передумала за эти две минуты бедная Лилия. Муж за нее дрался как лев, а она же готова уступить. А что делать? Ведь ее сейчас точно бросят тем архаровцам

внизу. Оставалось одно — действительно разбежаться и броситься с балкона. Но пузатый, как будто подслушав ее мысли, взял пульт и закрыл балкон. Деловито переговорив с кем-то, он сунул телефон в карман и снова остановил глаза на девушке.

— Ну, так как?

— Черт с тобой? — выдохнула пленница, опуская Афродиту на пол. — Давай вина!

— Какого? — оживился он.

— Тосканского розового, трехлетней выдержки.

— Сейчас посмотрю, есть ли такое?

Он вышел из комнаты, и девушка тут же бросилась к пульта. Лилия нажала на фиолетовую кнопку, но балконная дверь не подумала шелохнуться. Она нажала на белую, затем на красную, после чего принялась нажимать на все подряд. И ничего не происходило. Потом она догадалась, что пульт отключен, что прежде всего следует нажать на общую кнопку внизу. И точно, при нажатии на нее, загорелся индикатор. Пленница нажала на фиолетовую кнопку, и балконная дверь бесшумно поплыла в сторону.

В ту же секунду в комнату с двумя бутылками вошел лысый.

— Э, зачем открыла балкон, — произнес он недовольно, отбирая у нее пульт. — Меня же просквозит. Вот вино, которое ты хотела!

Хозяин закрыл балкон и налил ей этой испанской мерзости розового цвета. Себе же плеснул коньяку. Лилия взяла в руки бокал и вдруг улыбнулась:

— А вы разбираетесь в вине?

— Кому как не мне разбираться? — ответил он, не сводя с нее глаз.

Женщина протянула ему бокал и попросила:

— Тогда определите, настоящее это вино, или подделка.

— Здесь не бывает подделок, — произнес он с кривой усмешкой.

— Не верю. Подделки есть везде.

Лысый подозрительно посмотрел ей в глаза, но, так и не поняв, к чему она клонит, взял бокал и сделал пару глотков.

— Настоящее испанское вино. Пей.

— Я не хочу вина. Я хочу коньяк, — капризно произнесла Лилия, и в ту же секунду отняла у него бокал и залпом опустошила.

Глаза у лысого округлились. Теперь он не понимал ничего. Мужчина снова приложился к вину и произнес:

— А действительно, отдает аптекой.

Он взял красавицу за руку и посадил к себе на колени. Его огромная ладонь легла на ее грудь.

— Если ты мне понравишься, я возьму тебя в сауну.

— Ой, мне надо срочно отлучиться, — страдальчески сморщилась девушка. — Я сейчас!

Лилия спрыгнула на пол и побежала в туалет. За три минуты, которые она провела там, закрывшись на задвижку, лысый несколько раз восклицал:

— Ты скоро там? Я сейчас взломаю дверь.

Его последнее восклицание было совсем вялым. Пленница прислушалась и вскоре услышала храп. Лилия осторожно выглянула из двери и увидела, что лысый в отрубе.

Она бросила взгляд в окно. За окном как-то очень тоскливо вечерело.

20

За окном как-то очень тоскливо вечерело.

— Самое главное, что все это уже было, — задумчиво повторил Костя, зябко прикрыв форточку. — Взять хотя бы двенадцатый век. Думаешь, обедневших рыцарей Европы действительно волновал гроб Господня в руках иноверцев? Нет! Все гораздо проще и меркантильней. — Костя невесело подмигнул постояльцу. — А вот ведь тоже судьба у Божьего сына! Явился в мир, чтобы принести любовь, а принес лавину религиозных войн. И они еще далеко не завершены. Так что будь спокоен за американцев. Формально они разбомбят Афганистан и Ирак, а фактически разграбят их золотой запас и закрепятся на наших южных границах. Уже одно это стоит, чтобы спровоцировать теракт.

— Да ты карбонарий, — зевнул Назарев.

— Если бы, — грустно усмехнулся Костя. — Я всего лишь жалкий сутенер.

— Кто? — поднял голову Валера.

— Жалкий иннок, говорю. В средние века меня возможно бы сожгли на костре за опасные мысли, а в наше время мои мысли никому не нужны, как впрочем, и мои лучшие порывы.

Костя замолчал и углубился в книгу. Назарев тоже задумался, потому что средневековый костер взволновали и его.

Он внезапно увидел железную дверь, ведущую в залу с бассейном, и по его спине пробежал холодок. Бедняга сильно затряс головой, но видение не исчезло. Валера осторожно покосился на друга, и тот, перехватив его взгляд, улыбнулся интеллигентной улыбкой.

— Да не расстраивайся ты так по жене. Она того не стоит.

— Я не расстраиваюсь, — насупилась Назарев и уставился в пол. — Это трудно объяснить. Там я был более умным. Там я знал о жизни все. Понимаешь?

Назарев поднял глаза и увидел, что студент ни рожна не понимает.

— Где? — удивился он.

— Ну, там, там, — прошептал Назарев, показав в пол.

— Ты о чем? АхА вот оно что? — догадался Костя. — Ты про увиденное третьим глазом?

В голосе Кости проскользнула ирония, но Валера ее не заметил.

— Каким еще третьим глазом? Обыкновенными глазами я видел. Только ни черта не помню. Вернее, помню, но не могу объяснить.

— А я думаю, чего ты такой смурной, — сощурился Костя, откладывая книгу. — Давай вспоминай, не стесняйся! Ну, рассказывай, чего ты видел?

— Это не расскажешь? — грустно вздохнул Валера. — Нужно побыть в той шкуре, а на словах — нет, не передашь. Да, вспомнил! — встрепенулся Назарев. — Там была железная дверь, в которую я не смог войти.

— Не смог войти? Почему? Она была на замке? — заинтересовался Костя.

— Да нет. Причем здесь замок? Никакого замка не было.

— Побоялся что ли?

— Да нет, тут дело в другом, — занервничал Валера. — Это не объяснишь. Одним словом... мне туда нужно войти, а зачем — не знаю. Но знаю, что нужно.

Назарев вперил серьезный взгляд в студента, и тот, наконец, сообразил, чего добивается постоялец.

— Ты хочешь, чтобы я к тебе поднес белемнит?

— Ну, да! — обрадовался Валера.

— Хм, — закусил губу студент и задумался.

Почему-то сегодня у него не было желания погружать товарища в транс. Однако после некоторых раздумий он тяжело вздохнул и полез в карман.

— Ну, раз хочешь, давай попробуем! — иронично улыбнулся он. — Готов?

Назарев кивнул и вдруг как-то не по-мужски побледнел. Бедняга откинулся на подушку и зажмурил глаза, словно в кресле зубного кабинета. Его волнение смутило студента.

— Расслабься! — произнес он с досадой. — Сосредоточься и спроси у своей сущности то, что сейчас тебя волнует.

Литератор тихо приблизился к Назареву, поднес ко лбу чертовую пулю и с удивлением увидел, что у того от страха задрожала челюсть.

— Что ты видишь? — спросил он без особого любопытства.

— Ступени, — прошептал Назарев не своим голосом.

— Какие ступени? — удивился студент.

— Каменные. Я стою на них. А на стенах коптят светильники.

— Хм. А дверь-то видишь?

— Вижу.

— Так входи в нее.

— Не могу.

— Что значит, не могу. Смоги! — приказал студент и увидел, как у его товарища на лбу выступили капельки пота.

От напряжения рука с белемнитом устала, но менять положение было нельзя, и нельзя уже было отступать назад. Студент почувствовал, как напрягся и сжался его доверчивый друг, как его лицо сначала выразило изумление, а затем ужас. Костя смутился и опустил руку. Назарев, прежде чем открыть глаза, сильно дернулся. С минуту его взгляд был мутным, но немного погодя зрачки сузились и приобрели осмысленное выражение.

— Ты вошел в дверь? — спросил студент.

— Да! — выдохнул Валерий.

— Ну и кого ты видел?

— Ее! — прошептал Валера.

— Свою жену?

— Нет. Ее подружку. Она ходила по воде...

21

На следующий день оперуполномоченный пытался добиться от замредактора «Московских вестей» подробности

его интервью с Саликовым. Но газетчик, словно заведенный, говорил одно и то же:

— Ну, как взял интервью? Обыкновенно взял. Задал вопросы. Он мне ответил. Я уже не помню всех деталей.

Глаза Топорова бегали, и опер чувствовал, что все он прекрасно помнил, но почему-то юлил.

— Вы случайно вышли на депутата, или он сам позвонил в редакцию?

— Он позвонил, и я сразу поехал в Мосгордуму.

— Он позвонил лично, или через секретаря? — напирал опер, чувствуя, что газетчик заврался.

— Ну... лично, я же сказал. Хотя... я не помню. Может и через секретаря. Я по голосу не разобрал, — продолжал юлить Топоров.

— А он разве не представился? — удивился опер.

— Да, кажется, представился. Честно сказать, я уже не помню... Я в день беру по три интервью. Разве всех запомнишь?

«Скользкий тип, — подумал Телегин, — И врет настолько неумело, что противно слушать».

— Вы интересовались у Саликова, откуда у него такая информация?

— А как же! Конечно, интересовался. Я, правда, уже не помню. То ли в Чечне у него свой осведомитель, то ли в Карачаево-Черкессии. В общем, где-то на юге...

— Вы лично разговаривали с министром национальной безопасности Азербайджана?

— Да нет, я лично с министром не разговаривал. Зачем мне это? У нас есть внештатница. Ей было поручено позвонить. Но девушка больше у нас не работает. Где она сейчас, я не знаю.

Больше ничего, кроме этой туфты, Телегину узнать не удалось. Он вышел из кабинета злым и раздраженным. Можно было бы сказать, что время потрачено зря, если бы в коридоре не попался один корреспондент. Он весело подмигнул правоохранителю и собрался пройти мимо, но внезапно остановился.

— Леонид Берестов, — произнес он, протягивая руку. — Я случайно подслушал ваш разговор с Топоровым. Он вам сказал, что по три раза в день берет интервью. Отнесите к этому с юмором. Топор уже лет десять не отрывает задницы от стула.

— А мне сказал, что лично беседовал с депутатом Саликовым.

Опер развернул газету и показал журналисту заметку с подписью Топорова. Берестов расплылся в понимающей улыбке.

— Это пиаровский материал. Заказуха! Ему такие материалы спускают сверху. За деньги, естественно. Но в этом Топор никогда не признается. Он не только никогда не беседовал с Саликовым, но даже не писал заметки. Только свою фамилию поставил.

— А кто же писал? — удивился оперуполномоченный.

— Наверное, Саканский — пресс-атташе депутата, Саканский. Обычно он пишет за него заметки.

Берестов тронулся с места, но опер остановил:

— Еще один вопрос: а что, собственно, здесь пиаровского?

— Как что? Сам господин депутат. Мол, вот какой он крутой: свои источники имеет и заботится о населении. Обычно такими заявлениями швыряются перед выборами. Видимо, он намыливался на второй срок...

Когда оперуполномоченный рассказал следователю о своем визите в редакцию, тот долго соображал. Наконец, хлопнул себя по лбу:

— Все точно! На носу выборы, и Саликов загодя начал предвыборную кампанию. Прежние хозяева отказались финансировать его раскрутку, и он резко развернулся на сто восемьдесят градусов. Логика есть. Ясности никакой. Что ж, позвоним его пресс-атташе.

На «алло» откликнулся печальный женский голос.

— Нельзя ли услышать господина Саканского, — произнес следователь, кратко представившись.

— Я сама мечтаю его услышать, — насмешливо произнесла женщина. — Но, к сожалению, это невозможно. Он исчез.

— Давно?

— Неделю назад.

— И часто он исчезает?

— Раз в год обязательно.

— А куда, если не секрет.

— Этого не знает никто, даже я, — вздохнули на том конце провода.

— Извините! Еще один вопрос? Как долго он пробудет в отпуске?

— Что? Впервые слышу, что он в отпуске. Он вообще-то отгулял его в июле.

— Еще раз извините. Как появится, дайте мне знать...

Следователь положил трубку и поднял глаза на оперуполномоченного.

— Вот что. Вы должны узнать о Саканском все: сколько ему лет, что закончил, женат, или живет с сожительницей, есть ли дети, кто его друзья, чем увлекается помимо работы, его взаимоотношение с убитым. Словом — всю подноготную! Но главное, почему он взял отпуск? И вот еще: узнайте, куда он ежегодно исчезает?

После того, как Телегин покинул кабинет, принесли заключение экспертизы. Жадно пробежав по нему глазами, следователь разочарованно развел руками. Депутат убит выстрелом в лоб из собственного «Вальтера» с расстояния полутора метров. На пистолете отпечатки пальцев его жены».

«Сдается мне, что нет здесь никакой политики», — подумал Волошин и поднял телефонную трубку.

— Срочно доставьте мне вдову!

22

Ни в тот вечер, ни на следующее утро Назарев больше не проронил ни звука. Как не выводывал студент о виденьях, представших перед его глазами, тот не реагировал. Валера лежал на кровати без движения и с изуверской гримасой смотрел в потолок. Костя понял, что осмысление — процесс сугубо индивидуальный, поэтому махнул рукой и погрузился в чтение.

Часа через полтора хозяин комнаты оторвался от книги и предложил:

— Может, чайку с бутербродами?

Назарев не ответил. Костя развел руками, дескать «понимаю, стало быть, молчу» и воткнул в розетку кипятильник. Назарев продолжал, не мигая, смотреть в потолок. Студент перекусил в вынужденном одиночестве, после чего пожелал другу спокойной ночи и потушил свет.

Назарев за всю ночь не сомкнул глаз. Да и Костя спал беспокойно. Он швырялся, метался, стонал. А под утро Валера четко услышал, как его сосед жалобно всхлипнул: «Прости меня, Боже!»

— Что? — изрыгнул Назарев.

Но Костя не услышал. Он спал. Утром студент проснулся мрачнее тучи и сказал, что отправляется на лекции. Вернувшись он к полудню в несколько улучшенном настроении и, застав квартиранта на кровати в той же позе, серьезно задумался.

— Не ел, не пил, как вижу. М-да. Ничего. Человек без еды может сорок дней. Так что тридцать девять дней я могу быть за тебя спокойным.

Пожевав что-то всухомятку, студент взял книжку и погрузился в чтение. Ближе к ночи Назарев пошевелился и подал голос:

— Ты никогда не занимался в драмкружке?

— Что за идиотский вопрос? Конечно, нет! — поднял голову студент. — А что?

— Жаль! — грустно выдохнул Назарев. — А я с пятого класса ходил в детскую театральную студию во дворец пионеров. Я, собственно, и приехал в Москву поступать в театральное училище. Но меня не поняли. Тогда я устроиться на завод учеником фрезеровщика. Не возвращаться же назад в Ярославль? Так я к чему клоню: иногда актерам приходится вживаться в роль. Слышал, наверное? Но как бы они не вживались, по Станиславскому или по Михаилу Чехову, от своего настоящего «я» избавиться невозможно. Понимаешь? Как не проникайся чужой жизнью, все равно знаешь, что ты живешь не по-настоящему. Вот и сейчас, мне кажется, что я всего лишь играю роль рабочего чувачка Валерки Назарева, а мое настоящее «я» там.

Назарев ткнул пальцем в окно и закрыл глаза. Студент сделал ироническое лицо и мягко пояснил:

— Медики называют это шизофренией?

Назарев сдвинул брови и по-бычьему засопел. Видимо, шаловливый тон того, перед кем он только что вывернул душу, показался ему неуместным. Студент тут же кашлянул и спросил участливо:

— Если не секрет, кем же ты себя чувствуешь?

— Пес его знает, кем! Но там я знал о жизни все, и не только о нашей человеческой жизни, а о жизни вообще. Ты меня понимаешь?

Литератор присвистнул и захлопнул книжку.

— Да, брат! У тебя запущенная форма. ДНу, давай, колись! Что ты знаешь о жизни?

Однако, кроме того, что уже было произнесено, Валера больше ничего сформулировать не смог. Он снова морщился и грозно впивался в потолок, но к удивлению признавал, что к сказанному добавить больше нечего.

— Как же так? Пока находился в той шкуре, помнил все, а теперь точно парализован. Если бы мне быть здесь, кем я был там, то я бы... я бы... работал министром.

Валера поднял глаза на товарища, и товарищ понял, что министр — детский лепет по сравнению с тем, кем он действительно мог быть, не родись в шкуре фрезеровщика.

— Ну-ну, — почесал нос студент.

— То-то и оно. Не могу понять, почему я так упал? — закатил глаза Назарев.

— А ты спроси у своей сущности.

Валера метнул негодующий взгляд в Костю.

— Ты опять? Не понимаю, когда ты говоришь серьезно, а когда издеваешься.

— Серьезней некуда, старик! Когда я издевался?

Валера недоверчиво почесал затылок и, не увидев в глазах студента иронии, шумно вздохнул, типа «хрен с тобой, сделаю тебе одолжение». Он , и, запрокинув голову и, сильно зажмурился. Сначала он лежал, как мертвый, затем стал что-то нашептывать под нос. После чего торжественно вскинул руки и произнес чужим голосом:

— Отец мой преобразил его за гордыню его, и отнят был у него свет, и стал облик его, как железо раскаленное, и как у человека стал весь облик его.

Бедняга испуганно прихлопнул рот, а у Кости округлились глаза.

— Мама родная! Ты опять цитируешь из тайной книги Альбигойцев, — невольно перекрестился Костя. — А называется книга: «Вопросы Иоанна на тайной трапезе Царя небесного об устройстве этого мира».

— Что-то криминальное? — встревожился Назарев.

— Скорее, запретное. Раньше за чтение такой литературы могли спалить на костре. Православная церковь по сей день это писание называет «Альбигойской ересью», как, впрочем, и католическая. Но это не важно. Нам важно другое — твоя сущность цитирует один и тот же стих о падении за гордыню. Усекаешь?

Назарев поежился и с опаской покосился на дверь.

— А о чем там треп, если не секрет?

— Нормальный там треп. О насущном, можно сказать. Христос во время трапезы открывает апостолу Иоанну великую тайну: кто в действительности сотворил этот мир. А сотворил его Сатана, но «по предначертанию невидимого отца». Так что я бы на твоём месте задумался.

— Над чем? — удивился Назарев.

— Над словами: «весь облик его стал как у человека». И еще, что стал он (надо полагать, твой облик) «как железо раскаленное». Словом, хэве металл!

Назарев покосился на зеркало и нахмурился:

— А ты не гонишь?

— Ну что ты? Все очень серьезно, — потрянул головой студент. — Наступает момент истины!

— Тогда доставай свой чертов палец! Я должен увидеть еще раз, — махнул рукой Назарев.

— Что ты все палец и палец! — разозлился студент. — У тебя мозги когда-нибудь шурупить начнут?

— Ты думаешь, они у меня есть?

— Резонный вопрос? — задумался студент. — М-да... Как говорится, не попишешь. Придется доставать белемнит. Но, может, сначала рубанем?

— К дьяволу! — отмахнулся Назарев. — К чему терять время?

— К дьяволу, так к дьяволу, — нахмурился Костя. — Я умываю руки...

Костя нехотя извлек из кармана кремневую пулю и увидел, как у его друга от лица отхлынула кровь. Назарев впечатал голову в подушку, сложил на груди руки и бессильно опустил веки. «Еще только свечки не хватает», — недовольно подумал студент и без лишних слов поднес ко лбу белемнит. С минуту физиономия страдальца сохраняло идиотское выражение, но вдруг прямо на глазах оно стало приобретать совсем иные черты. Лицо сделалось спокойным, умным и даже одухотворенным.

— Ну что, видишь кого-нибудь? — полюбопытствовал Костя.

— Ступени, — ответил Назарев старческим голосом.

Студент вздрогнул. Несмотря на то, что по затылку поползли мурашки, Косте удалось собраться и придать своему голосу риторическую твердость.

— Как ты понял, кто ты есть на самом деле?

— Я епископ Назарий, которого все считают умершим.

От такой заявочки студент едва не захлебнулся собственной слюной.

— Ты можешь ответить, где и в каком времени ты сейчас находишься?

— Конец двенадцатого столетия, юг Ломбардии. Замок, название которого я сказать не могу.

Ответ студента удовлетворил и даже несколько успокоил. Рука, державшая чертов палец, уже начинала устывать. Он подпер ее кулаком и спросил:

— Что занимает твои мысли?

— Когда я подхожу к железной двери и вижу этого тупого болвана, то всегда думаю одно и то же: «Как...»

23

— Как ваши отпечатки оказались на пистолете мужа? — спросил Волошин, пронзив вдову казенным взглядом.

— Не знаю, — ответила женщина и потупила взгляд.

— Еще раз расскажите, при каких обстоятельствах и в каком часу вы покинули квартиру?

— Ну, я же говорила, Володя приехал домой в шесть, прошел в зал, сел в кресло и налил себе коньяку, — шмыгнула носом вдова. — От ужина отказался, хотя знал, что меня нервирует, когда он приходит домой сытым. Потом Вова достал пистолет и начал чистить. Тут я не выдержала и стала кричать.

— То есть, скандал спровоцировали вы? — сощурился следователь.

— Да, я! — заплакала женщина. — Но он сделал все, чтобы его спровоцировать.

— Сколько вы ругались?

— Ну, я же вам сказала: минут десять. Потом он меня ударил. Я выбежала из дома. Мне удалось сразу поймать такси, и без двадцати семь я была у родителей. Они могут подтвердить. И дети мои могут подтвердить.

— Они уже подтвердили, — сухо вставил следователь. — Значит, вы выбежали из квартиры десять минут седьмого и больше не возвращались?

— Я же вам сказала, не возвращалась. До моих родителей ровно полчаса езды. В шестнадцать сорок я уже была у них.

— У вас на руке были часы?

Женщина дернулась, взглянула себе на руку и пролепетала скороговоркой:

— Нет, часов у меня не было. Просто, когда я приехала к родителям, мой взгляд сразу упал на часы, которые стоят на телевизоре. На них было восемнадцать сорок.

— А телевизор был включен? — попытался следователь.

— Какая разница? — занервничала женщина. — Да, включен был телевизор.

— На каком канале?

— Я не обратила внимания, — ответила вдова, отведя глаза. — Мне было не до телевизора. Мы с мамой сразу пошли на кухню готовить ужин.

«Врет, — подумал следователь. — И так бездарно, что тошно слушать».

— Во что вы были одеты, когда выбежали из дома?

— В джинсы и блузку.

— Вы по дому ходите в джинсах и блузке?

— Нет, я хожу в халате. Просто я собиралась в магазин. Поэтому одела джинсы.

— Вы были обуты в кроссовки?

— Нет, я влезла в них на ходу.

Следователь тонко улыбнулся.

— Я заметил, что у вас в прихожей много обуви, в том числе и такой, которую не нужно зашнуровывать. Почему вы влезли именно в кроссовки?

— Видите ли, — растерялась женщина. — Инстинктивно. Просто, чисто по-женски. Там не было ни одной пары, которая подходила бы к джинсам.

Волошин чуть не расхохотался.

— Выходит, после того, как вас ударил муж, вы не сразу выбежали из квартиры. Так?

— Почему?

— Потому что на то, чтобы зашнуровать кроссовки, нужно минимум минуту.

— Нет, я зашнуровывалась уже в такси.

— Дайте взглянуть на вашу кроссовку! — потребовал следователь.

Женщина растерянно подняла ногу. Волошин коснулся пальцем шнуровки и усмехнулся.

— Надежда Николаевна, в тот день на улице было сыро. Если бы вы выбежали из дома с развязанными шнурками, они были бы грязными. А они чистые. Следовательно, вы

зашнуровывали их дома. Отсюда вывод, что вы говорите неправду.

Женщину бросило в жар.

— Позвоните моим родителям. Они вам подтвердят, что в восемнадцать сорок я была уже у них...

— Кроме того, — продолжал следователь, игнорируя родителей, — при осмотре я обратил внимание на то, что ваши домашние тапочки в прихожей были мокрыми и грязными. Также слегка влажной была ваша шуба.

Женщина растерянно открыла рот, но не нашлась что ответить. После натянутого молчания, она проглотила слюну и выдавила не своим голосом:

— На что вы намекаете?

— Вы действительно десять минут седьмого выбежали из дома, — хищно улыбнулся следователь, — но не в джинсах и кроссовках, а в домашних тапочках и норковой шубе, которая подвернулась вам в прихожей. Но через двадцать минут ваши ноги промокли, и вы вернулись. Вы вошли в квартиру, повесили шубу в шкаф, а тапочки оставили у порога, потому что они были грязные. Затем в носках прошли в зал. Ваш муж сидел в кресле перед телевизором спиной к вам, поэтому вас не видел. Вы приблизились к креслу, взяли со столика пистолет, который к этому времени уже был вычищен и заряжен, и выстрелили мужу в лоб. Затем, бросив пистолет у порога, вы вошли в спальню, переоделись, спокойно зашнуровали кроссовки и только после этого поехали к родителям.

— Да нет! Все было не так! — истерично закричала женщина. — Я его не убивала! Клянусь!

Она уткнулась в собственные ладони и задергалась в конвульсиях. Следователь терпеливо дождался, когда минует первый шквал рыданийслез, и налил из графина воды. стакан звонко стукнул по зубам, и подозреваемая поставила его на стол.

— А как было? — бархатным голосом спросил следователь.

— Не знаю. Я вам все рассказала, — судорожно ответила женщина. — В шестнадцать сорок я была у родителей. Спросите у них. Мужа я не убивала...

— Значит, вы не можете объяснить, как ваши отпечатки оказались на пистолете?

— Нет! — всхлипнула женщина.

— Что ж, Надежда Николаевна, я вынужден вас задержать до выяснения обстоятельств, — развел руками следователь.

Буквально через три минуты после того, как подозреваемого вывели в коридор, в кабинете раздался звонок.

— Волошин слушает, — поднял трубку следователь.

— Извините, что отвлекаю от работы, — послышался заискивающий старушечий голос. — Это звонит Мария Андреевна, мама Надюши Саликовой.

— Да-да, я вас слушаю, — насторожился Волошин. — И очень внимательно.

— Хочу вам сказать, Станислав Валерьевич, очень важную вещь, — голос женщины снизился до шепота. — Сама Наденька никогда об этом не скажет. Ее муж, Володя, для всех был душа-человек. И как депутат очень серьезный. Говорил все правильно, работал много, словом, создавал впечатление, что он честный справедливый гражданин и хороший семьянин. А на самом деле — был деспот, каких поискать. Он изводил Наденьку по всяким пустякам. И бил каждый день. Надя так воспитана, что никогда в этом не признается. Но от нас, родителей, ничего не скроешь. Мы все видели и все знали. Словом, Владимир Вениаминович (царство ему небесное!) был не таким уж и хорошим человеком, как казался.

— Понятно, — ответил следователь. — А скажите, пожалуйста, Мария Андреевна, в котором часу в тот вечер ваша дочь приехала к вам?

— На часах было восемнадцать сорок, — с готовностью отчеканила женщина.

«Смотрите, какие мы точные? — усмехнулся Волошин. — Нужно будет ее тоже допросить. На всякий случай...»

24

На всякий случай Лилия вооружилась железной Афродитой. Пленница на цыпочках подкралась к бандиту и воочию убедилась, что он спит, упершись лысиной в подушку. Не выпуская из рук богиню, Лилия открыла пультом балкон, вышла на него и взглянула вниз. Внизу зеленела красивая лужайка с несколькими декоративными елками. О том, чтобы спрыгнуть с третьего этажа, не могло быть и речи, хотя давший в голову коньяк толкал на подвиги. Она осмотрелась по

сторонам. Стена гладкая, без карнизов и водосточных труб. Над головой точно такой же балкон. Слева видна проезжая часть улицы, справа простирается двор.

Теоретически, если спускаться с балкона, она могла привлечь внимание только случайных прохожих с улицы. Но весь вопрос в том, каким образом с него спуститься? Это же безумие!

Как не хотелось возвращаться в комнату, а пришлось. Не успела Лилия сделать и шага, как затрезвонил лежащий на столе мобильник. Пленница, кинувшись к столу, молниеносно отключила телефон. Лысый не пошевелился ни на звонок, ни на шорох.

Лилия, не дыша, подкралась к двери и прислушалась. Сначала она ничего не уловила, потом услышала голос одного из охранников. Они оба торчали на этаже, охраняя патрона. Следовательно, путь через коридор отрезан. Оставалось одно: связать простыни и спуститься по ним, как в приключенческом фильме.

На диване простыней не было. В шкафу тоже. Возможно, простыней была застелена кровать в спальне, но на ней отвалился лысый. Не просить же его приподняться.

Лилия бесшумно опустила в кресло и задумалась. Получалась какая-то мышеловка. «Но безвыходных ситуаций не бывает», — бодро мелькнуло в голове. Выскочить в коридор и отоварить обоих охранников богиней красоты. Прорваться, так сказать, с боями. Но нет! Афродита — это не серьезно. Как средство обольщения троянских пастухов — , конечно, это да, но в качестве «отоваривания» бандитов — не вполне. Вот если бы был пистолет.

«А ведь наверняка у него есть пистолет, — мелькнула внезапная мысль. — Как пить дать, лежит в кармане пиджака».

Выскочить с пистолетом и психически закричать:

— А ну, мигом лицом на пол! И не вздумайте даже дернуться!

Нечто подобное она тоже видела в каком-то боевике. Но это все шуточки. А, между тем, время шло.

Мечтательница поднялась с дивана и проследовала в спальню. Лысый с расстегнутым воротом лежал на кровати в той же позе и безобразно храпел. Бедняжка, не отрывая от него взгляда, стянула с кресла пиджак и сунула руку в карман. Первое, на что она наткнулась, — на тугой бумажник. Лилия раскрыла его и ахнула: пятьдесят тысяч баксов, не

меньше. Сунуть по пять тысяч его архаровцам и преспокойно отправиться домой. Девушка вздохнула и сунула кошелек обратно. Это не государственные чиновники — не купятся. В другом кармане лежала электронная записная книжка и какие-то таблетки. В таблетках девушка не разбиралась, потому что редко болела. Во внутреннем кармане ничего не было, однако пиджак был неправдоподобно тяжелым.

Лилия быстро оцупала полы и, наконец, наткнулась на долгожданную кобуру, искусновшитую в основание рукава. Женщина расстегнула застёжку и извлекла из нее небольшой, но тяжелый пистолетик. С минуту она держала его на весу, не смея пошевелиться, затем осторожно сжала рукоятку. Почувствовав холод металла, девушка ужаснулась. Нет, Лилия не только никогда не сможет выстрелить в человека, но и направить в нужную сторону ствол. Пусть лучше зарежут. К тому же, она даже не знает, как взводить курок.

Пленница тяжело вздохнула и положила пистолет на стол. А секунды, между тем, продолжали тикать. Лилия посмотрела на часы и отчаянно затрясла головой. «Ну, должен же быть какой-то выход!»

Однако ни одна она с тревогой посматривала на часы. Стоящие у дверей молодцы тоже периодически задирали рукава. В половине седьмого один из охранников не выдержал и начал набирать номер сотового шефа.

— Телефон отключен, — удивился он.

— Отключен, значит так надо, — подал голос второй.

— Но в семь сбор в сауне. Может, напомнить?

Охранник поднял руку с явным намерением постучать в дверь, но второй остановил:

— Не надо. Он не любит.

Через десять минут один из охранников снова забеспокоился.

— Может, все-таки напомнить? Что-то мне не по себе.

— Не лезь не в свое дело, — произнес второй. — Шеф знает, что делает. Может, он решил не идти на сход.

— Из-за этой телки? — удивился первый.

— Охренел? Из политических соображений!

В это время в комнате раздался хлопок. Парни переглянулись.

— Ты слышал? Похоже на выстрел.

Оба вытащили пистолеты и постучали рукоятками в дверь. Ответа не последовало. Они снова переглянулись и одновременно вцепились в ручку двери.

— Все в порядке, Ибрагим Джангирович? — спросил один из них в полуоткрытую дверь.

Из номера не доносилось ни звука. Они обеспокоено прошли через комнату и замерли на пороге спальни. Шеф лежал на кровати с запрокинутой головой и с черной дырой во лбу, из которой бил фонтанчик крови. Охранники осторожно приблизились и увидели, что глаза хозяина открыты, а в руке он сжимает пистолет.

— Застрелился? — изумились охранники.

Через секунду они опомнились и энергично завертели головами.

— Где телка?

Первый быстро метнулся в ванную, второй — в туалет. Затем оба вылетели на открытый балкон. Один посмотрел вниз, другой вверх. Без лишних слов один запрыгнул на перилла и вцепился в прутья верхнего балкона. Подтянувшись на руках, он ловко закинул ноги на балкон четвертого этажа и исчез. Второй внимательно осмотрев лужайку внизу, затем бросился вон из комнаты.

25

На переговорном пункте было много народу. Назарев сильно перенервничал, пока дождался своей очереди. Он злился, ждал и удивлялся тому, что теперь у всех сотовые телефоны, но все равно на телефонных пунктах толпы людей. Еще бедняга думал, что стоит человеку в России выбиться из колеи, он тут же попадает в конец какой-то очереди. Но когда Валера услышал в трубку щебетание своей сестры, то сразу успокоился, и душа наполнилась тихой осиново-грустью.

— Алло, Валерик! Я совсем не узнаю твоего голоса. Какой он стал печальный. Не расстраивайся ты так! Бабы этого не стоят. Вчера вечерам она звонила. Была в трансе. Вот сука! Скажу честно, она мне никогда не нравилась. Я с самого начала предполагала, что твоя Шантеклер способна на любые фортели.

Назарев слушал родной голос сестренки и злился, что на глаза накатывают слезы. Он думал, что его чувства к сестре истинно подлинные, ведь нельзя же называть театром то, отчего щемит сердце.

— Как там мама с папой, не болеют?

— С ними все нормально! Ждут тебя в гости. Ты хоть бы письмишко черкнул. Эх, брательник! Ну, теперь, я надеюсь, приедешь? Только не тяни резину! Как получишь расчет, так сразу в Ярославль! А то опять задержишься лет на десять.

Назарев рассмеялся и спросил сквозь слезы:

— Как ты думаешь, сорокалетних мужиков берут в театральные институты?

— Ну, приехали! Надумал на старости лет. Или волю почувствовал? Да не страдай ты так. Найдем мы тебе тетку! Клевою. В Ярославле их немерено. Да и в Москве, я думаю, не меньше. Я удивляюсь, чего ты скис? Любишь что ли? Тогда, может быть, простишь? Ради детей.

— Не лезь не в свои дела. Ты мне лучше скажи, откуда у нас такая странная фамилия, Назаревы?

— Совсем спятил? Фамилия здесь причем? Нормальная у нас фамилия, и никакая не странная. Бабушка мне рассказывала, что происходит она от прадеда. Он был старовером. Жил в Сибири. Больше я ничего не знаю.

В это время в телефоне что-то запикало, и Назарев, дав клятву приехать через два дня, поспешно повесил трубку.

На улице было солнечно и тихо. Пахло сырыми деревьями и жжеными листьями. Почему-то дышалось неправдоподобно легко. Вдохнув полную грудь, Валера застыл на крыльце в раздумье, куда отправиться дальше? Перспектива идти, куда понесут ноги, была мало привлекательной и, честно говоря, немного пугала. Можно было отправиться на завод за расчетом, но на завод идти не хотелось, чтобы не видеть любопытствующих взглядов. А идти больше было некуда. И Назарев побрел по тихому скверу мимо влажных скамеек и молодых мамаш, кативших свои коляски.

В скверике ему внезапно пришло в голову, что вокруг нет ничего подлинного: ни этих мамаш с детьми, ни парка, ни Москвы, ни его самого, брошенного кем-то (только кем?) в эту земную жизнь. А вдруг он сейчас обернется и за спиной пустота? А вдруг его просто дурачат, куражатся, прикалываются, облачив в тело простоватого парня? Только кто?

Вот измена жены — это подлинно. Потому что это болит. И подружка жены тоже подлинная, хотя она вовсе не подружка, а Божественная Эсклармонда де Фуа. А ведь Фуа в переводе с французского означает верность, — вздохнул Валерий и дико пожалел, что тогда на танцплощадке обратил внимание на Люсю, а не на ее очаровательную подружку Эсклармонду.

«Кстати, — похолодело внутри, — откуда он взял, что она Эсклармонда? Как он вообще выговорил это имя? Студент прав: это шизофрения».

В ту же минуту его кто-то сильно хлопнул по плечу. Назарев оглянулся. За спиной не оказалось пустоты, а оказался Жареный с дурацкой улыбочкой и заплывшими глазками, сияющими вечным блудом. «Вот еще один пустой, а главное, совершенно ненужный мне тип», — неприятно чиркнуло в мозгах.

— Ты в натуре увольняешься? — залоснилась противная рожа. — Я слышал, что ты, Валет, и с женой разводишься?

— Я не Валет! — прохрипел Назарев, и лицо Жареного вытянулось в изумлении. — Какой я тебе Валет? Я епископ Назарий!

От такого ответа Жареный попятился, а епископ почувствовал легкое головокружение. Он закрыл глаза, но головокружение не прошло. «Еще не хватало свалиться в обморок на глазах у этого идиота», — подумал несчастный, и свет начал медленно меркнуть. Когда он снова открыл глаза, то не увидел ни солнца, ни сквера, ни Жареного, зато ясно ощутил в руке пылающий факел. Непривычное спокойствие разлилось по его ветхому, но родному телу.

«Вот и слава Богу, что, наконец, ощущаю свою истинную сущность под родным плащом на этих ступенях», — подумал ломбардский священник. Ведь там внизу за железной дверью учится ходить по воде Божественная Эсклармонда де Фуа. Она очень способная девушка. Она должна научиться всему тому, что проделывал в свою бытность Христос. «И она научится», — улыбался седовласый старик в глухой мантии, вспоминая, как быстро и легко схватывает девушка его учения.

Епископ ощутил неприятные колики в сердце, зудящую боль в желудке, привычный хрип в легких и подумал, что находиться в этой изношенной и изъеденной болезнями плоти все равно милее, чем в здоровом теле рабочего. Еще он подумал, что угробил целую вечность на то, чтобы сделаться таким, как сейчас. А эта милая девушка в свои двадцать, шутя, освоила то, что Назарию с трудом далось в пятьдесят. Но ведь у нее есть учитель, а бедный священнослужитель всю жизнь тыкался в углы, как слепой котенок. Сорок лет познавал он горние тайны, и теперь, когда ему открылись многие вселенские истины, самое время начать открывать глаза другим.

Назарий улыбнулся наивности своих мыслей и подумал, что Христос на словах отказывался от завоевания душ посредством чародейства, однако на деле без конца демонстрировал чудеса. Что делать? Люди грубы и невежественны. Они слишком загружены бытом, чтобы вникать в тонкости словесных притч. Их много обманывали, поэтому они так недоверчивы. Они верят лишь в то, что можно пощупать руками. И из двенадцати апостолов святой Фома был самым правдивым.

Епископ остановился отдышаться и с ухмылкой покачал головой. Ведь кому, как не ему было известно, что чудо — такой же обман для праведника, как мираж для усталого путника. Неужели Господу будет мил тот, кто придет к Нему посредством цирковых фокусов? Неужели Ему будет ценен праведник, не блудивший из страха наказания? Где же в таком случае место открытому человеческому сердцу, где место хваленой человеческой искренности?

В сердце не может быть искренности, когда в нем таится хотя бы крупца страха. Нет-нет! Плоть должна перегореть. Нельзя получить уголей, не спалив полена. Ведь, говоря откровенно, человек не нуждается в Царствии Небесном, пока не насытится Царствием Земным. Всему свой час. Придет время, и он сам воззрит к небесам свои бесстыжие очи, и ему не понадобится для этого никаких чудес, ибо «жизнь — это вечное стремление к вершинам». Так говорили древние индусы. Но епископ бы еще добавил: и «вечное стремление к насыщению». Только упаси, Господи, если алчущие действительно когда-нибудь насытятся.

Епископ тронулся дальше, поглаживая бородку и раздвигая темноту коптящим факелом. Разумеется, всемирную тупость рождает самодовольная сытость, но не пресыщенность. Ибо сытость — это сознание того, что ты уже всего достиг. А жизнь в «не движения» — есть абсолютная смерть. Так говорили древние греки. Вот почему понадобилась Эсклармонда де Фуа. Она пошатнет устои католицизма, уже начинавшие вонять мертвечиной из-за отсутствия движения...

КИ когда седовласый старец в черной мантии проходил мимо румяного стражника с самодовольным лицом кретина, не отражавшим ни единой мысли, то в тысячный раз поблагодарил Господа, что Он не создал его таким...

К концу дня оперуполномоченный вошел в кабинет Волошина и заявил с порога:

— Супруга Саканского уверяет, что Азербайджанская диаспора предлагала ее мужу баллотироваться в городскую думу вместо Сальникова. Но он, якобы, отказался. Не исключено, что его внезапный отпуск связанно именно с этим обстоятельством.

— Интересно? — зевнул следователь. — А почему предлагали ему? Шибко грамотный, что ли?

— Со слов жены, чрезмерно! Если ее послушать, то все законопроекты в Московской думе разрабатывает один Саканский. Депутаты только ставят свои подписи и получают премии. Все газетные материалы за депутатов тоже пишет Саканский. Все законодательные инициативы, высказывания и заявления депутатов — тоже Саканский.

В голосе оперуполномоченного появилась ирония.

— Просто клад какой-то, этот Саканский, — поддержал Волошин. — Он что закончил? Институт международного права?

— Насколько я понял, ничего не закончил. Во всяком случае, супруга меня уверяла, что высшего образования у него нет. Некогда ему учиться! Все время уходит на законотворчество.

— Недоучка-самородок! — подмигнул следователь. — Ты узнал, он в законном браке, или в гражданском?

— Зарегистрирован по всей форме.

— Странно! Наверное, недавно женаты, поэтому супруга так им восхищается. Ничего, это пройдет.

— Я бы не сказал. В браке они уже семь лет. Детей нет. Живут прекрасно. Но каждый год он исчезает на пару недель неизвестно куда. Саканский, якобы, еще перед свадьбой поставил такое условие, что две недели в году он должен принадлежать себе. И жена не должна интересоваться, где он в это время будет находиться. По ее разумению, это связано с творчеством.

— С творчеством? — уважительно присвистнул патрон.

— Да, теперь вижу: парень не дурак. Так заморочить жене мозги. Ха! Моей попробуй предложи такое творчество — вырвет последние волосы.

Оперуполномоченный рассмеялся. Затем сделался необычайно серьезным.

— Я думаю, Станислав Валерьевич, что убийство Сальникова могла заказать диаспора. Он больше не устраивал азербайджанцев в качестве депутата. Они решили поставить ставку на Саканского. Но тут Сальников принимает решение баллотироваться самостоятельно: начинает выступать с популистскими инициативами. В конце концов, уволил своего лучшего специалиста и конкурента.

— Саканского что ли?

— Это мое предположение. Саканский не в отпуск ушел — его уволил Сальников.

— То есть, сейчас он ищет работу? — скучно зевнул следователь. — Фигня все это! Все факты говорят о том, что убийство произошло на банальной бытовой почве. Сальников убит из собственного пистолета. На нем пальчики его жены. Жена по поводу своих отпечатков никаких объяснений не дала. Вразумительного алиби также не предоставила. Так что вот.

На этом разговор закончился. Волошин взглянул на часы и начал собираться домой. Настроение было прекрасное. Наконец то, впервые за месяц он уйдет с работы не за полночь. Впереди ожидал тихий семейный ужин и долгожданный футбол по «НТВ плюс» с пивом и королевскими креветками.

Семейный ужин состоялся, а вот с футболом вышел облом. Не успел начаться матч, как раздался телефонный звонок. Волошин сразу почувствовал, что это по его душу. Звонил оперуполномоченный Тарасов.

— Мне приказано вас разыскать. Только что позвонил Крымов. Полчаса назад застрелился Бахтин.

— Это еще кто? — удивился Волошин.

— Ну, тот самый, лысый на фиолетовом джипе, которого вы мне поручили разыскать.

— Срочно машину!

— Уже отправлена.

Через полчаса Волошин прибыл на место происшествия. Он с удивлением осмотрел четырехэтажный краснокирпичный дворец под зеркальной черепицей, располагающийся в глубине английского парка.

— Что это за контора? — поинтересовался он у Телегина.

— Насколько мне удалось выяснить, что-то типа нового Управления городскими рынками. Объект еще не сдан в эксплуатацию.

— А кто хозяин?

— Как я понял, Московское правительство.

Управление смахивало на бардель. Волошин подозрительно осмотрел первый этаж, на котором, кроме бара, бильярдной и ресторана, была еще шикарная сауна с мраморным бассейном.

— Мне нужно знать точно: что это за контора, кто хозяин и на какие шиши все это воздвигнуто, — сказал следователь. — Сомневаюсь я, что это ведомство Московского правительства.

Они поднялись на лифте на третий этаж и прошли в двухкомнатный номер с бронированными окнами. Там уже работала команда из городской прокуратуры. Труп, покрытый белой простыней, лежал на кровати в спальне, а эксперты копошились вокруг столика, на котором стояло два бокала, две початые бутылки, одна с вином, другая с коньяком и серебряная вазочка с конфетами.

Крымов тряхнул Волошину руку и кивнул на труп:

— Включайтесь, Станислав Валерьевич! Ваша задача — определить почерк убийцы.

Волошин подошел к кровати, откинул простыню и повернул голову к эксперту:

— Тоже в лоб?

— В лоб! — ответил эксперт. — Но это не самоубийство. Выстрел произведен с расстояния метра. На лбу никаких ожогов. Пистолет не забрызган кровью. Возможно, его даже убили из другого оружия. Но это будет известно, после заключения. Одно могу сказать точно, пистолет убитому вложили в руку потом, и сделали это второпях. На ручке четкие отпечатки женской руки.

— Опять женской руки? — удивился следователь. — Это уже, как признак хорошего тона. Где охрана?

Волошину подвели охранников. Вид у обоих был унылым.

— Как все произошло?

— Мы стояли за дверью, — заученно начал один из них.

— Раздался выстрел. Мы вбежали. Ибрагим Джангирович лежит с пистолетом в руке. Во лбу дыра.

— С кем он был?

— С проституткой.

— Где проститутка? Почему не вижу?

— Вот и мы не знаем, куда она делась? — развели руками орлы.

Красивая двадцатидевятилетняя женщина с зелеными глазами, нахохлившись, сидела на нарах и смотрела в пустоту. «За что мне все это? — с грустью думала она. — За всю жизнь я не сделала никому плохого, а получала только побои».

Родители ее не трогали и пальцем, но старший брат лупил, как сидорову козу, по всяким досадным пустякам. Она жаловалась маме с папой, но те смеялись, не веря, что их сын, круглый отличник и большой умница, способен на подобный садизм.

В школе ей тоже доставалось от мальчишек. Самым удивительным было то, что в классе не трогали ни одну девочку. Угостить же затрепиной Наденьку считалось в порядке вещей. Молодой муж принялся лупить жену с первого же года семейной жизни. Первый раз он залимонил в глаз, когда супруга потребовала переключить канал с футбола на маски-шоу. Разумеется, сначала она попросила по-хорошему, затем поставила руки в боки и слегка прикрикнула. Муж, как ошалелый, подпрыгнул на месте и врезал кулаком в глаз. Надежда приняла это как должное, и даже не очень обиделась. Супруг же, кажется, переживал и весь вечер заглядывал в глаза.

«Вот когда я дала слабинку, — догадалась узница. — Муж увидел, что сошло с рук, и с тех пор пошло, поехало. Чуть что не так — сразу кулаком по лицу...»

У нее вся жизнь наперекосяк из-за того, что она мягкая женщина: все легко прощает. Как не лупил ее брат, она продолжала безумно любить его. Да и сейчас, когда они встречаются, она с визгом кидается ему на шею и висит до тех пор, пока он не отлепит и не отшвырнет в сторону. Законному супругу Надежда тоже быстро прощала грубость. И чем легче прощала, тем чудовищней становился он, а она, естественно, — все стервознее. А какой еще можно стать от такой жизни?

Но однажды в поликлинике какой-то психиатр открыл ей причину агрессии к ней мужчин. Получилось это случайно. Врач не хотел подписывать медицинскую карточку для устройства на работу без подписи невропатолога. Уже намыкавшись по кабинетам женщина поставила руки в боки и воскликнула на повышенных тонах:

— Чего вы здесь бюрократию разводите? Медкомиссия не предусматривает никаких невропатологов.

— Ой-ой, — откинулся на стуле врач, заткнув пальцами уши. — Какой у вас визгливый голос. Он во мне все кишки перевернул.

Таким образом Наденька и узнала, что причина рукоприкладства мужа кроется в особенностях ее голоса. Это он задевает его агрессивные струны и провоцирует на мордобой. И точно! Как потом вспоминала Надежда, ее начинали бить сразу после того, как она повышала голос. И почему об этом не сказали раньше? Тогда бы ее жизнь сложилась по-другому.

Нынешние отношения с мужем уже были невыносимы без скандалов и следующими за ними мордобитиями. Так уж сложилось исторически. Вот если бы можно было начать сначала, она бы больше не пискнула.

Одинок сидя в камере, Надежда Николаевна отметила, что тюремные стены и окна с решетками способствуют осмыслению. Она впервые в жизни подумала, что если свыше ей дан такой голос, который провоцирует мужчин на агрессию, значит это кому-то нужно. Но, скорее всего, это никому не нужно, хотя возможно, что такая особенность ей дана в наказание за вспыльчивость и раздражительность.

Да-да, странные мысли занимали бедную женщину, когда по логике вещей ей следовало бы подумать о спасении. Надежда Николаевна понимала, что влипла. И влипла серьезно. Поэтому инстинктивно старалась не терзать понапрасну душу. Будь, что будет. Ведь не всерьез же следователи думают, что она убила своего мужа?

В тот вечер, когда озябшая женщина попросила сигарету у какого-то прохожего, он неожиданно подсел к ней на скамейку. Мужчина был стар и некрасив. К тому же, от него исходил какой-то нечистоплотный запах. Он любезно дал прикурить, на миг осветив себя зажигалкой, и женщина безошибочно определила по его лисьей физиономией, что это самая что ни на есть похотливая тварь. К тому же, лживая и хвастливая. «С таким на одну скамейку не садись», — подумала она и закашлялась от его вонючей «Примы».

Кавалер, как будто этого и ждал. Он с готовностью принялся хлопать по спине, сочувственно осведомляясь, стало ли ей лучше. Нет! Надежде лучше не стало. Стало хуже. Вдобавок, этот старый козел полез своими шершавыми руками под шубу. «Ну, пусть подержится, раз ему так хочется, — равнодушно подумала она. — Кто еще ему позволит дорваться до настоящего женского тела».

Он похотливо дышал в ухо и шарил у нее за пазухой, словно выискивал что-то ценное. Надежде трижды хотелось рассмеяться и четырежды толкнуть его в лужу. В конце концов, она так и сделала, когда, распаленный как тол старикан, полез в трусы. «Чего он себе вообразил?» — хмыкнула про себя женщина и поднялась со скамейки.

— Идем, проводишь меня, — приказала она, подозревая, что самостоятельно не дойдет — настолько ооченели ее ноги.

Мужик очень обрадовался, подумав, видимо, что она приглашает его на чашечку кофе. Дошли они нормально, не обратив взора ни единого прохожего. Да их практически и не было. Когда пара вплыла во двор, Надежда демонстративно вздохнула и произнесла:

— Ну, пакедова. Не кашляй.

Она хотела подать ему руку, но раздумала, почувствовав, что он примется ее лобызать.

— А может, подымимся к тебе, кофейку попьем, — предложил он нагло.

— Увы, дома муж, — развела руками куртизанка и направилась к подъезду, затем обернулась и сказала смежа ради: — Завтра приходи!

Надежда поднялась на свой этаж и увидела, что дверь квартиры открыта. «Даже запереться не удосужился, козел», — изругалась про себя беглянка и, повесив шубу в шкаф, прошла в спальню. В зале работал телевизор. Хозяйка краем глаза подсмотрела, что муж сидит перед ящиком и, кажется, весь в футболе. Женщина скинула халат и первым делом натянула на озябшие ноги теплые носки. Затем облачилась в джинсы и блузку. Она совсем не собиралась оставаться дома. Пришла, чтобы переодеться и взять деньги.

Хозяйка сунула кошелек в задний карман и направилась в прихожую.

— Запрись! — крикнула она, зашнуровывая кроссовки.

Муж не услышал. Надежда облачилась в куртку и подошла к дверям зала.

— Ты можеш на секунду оторваться от своего футбола? — произнесла она скандально.

Муж и не подумал шелохнуться. Он сидел спиной, положив лысину на спинку кресла. Надежда направилась к нему и вдруг споткнулась обо что-то тяжелое. Боже мой, да это же пистолет. Супруга подняла его и с наслаждением сжала ру-

коятку. «Сейчас он у меня попляшет?» — мелькнула в голове шаловливая мысль.

На всякий случай Надежда поставила «Вальтер» на предохранитель, затем подкралась к мужу и взвела курок перед его носом. И вдруг с ужасом отшатнулась. Муж смотрел на нее пустыми глазами, и у него из черной дыры на лбу вытекала кровь, заливая пол-лица.

Женщина испуганно ойкнула и, прикрыв ладонью рот, попятилась к дверям. У порога она выронила пистолет, вскрикнула и опрометью рванула из квартиры. Разумеется, первой мыслью было — позвонить в милицию. Но, выскочив из подъезда, Саликова изменила решение. Милиция затаскает по допросам и повесит убийство на нее. Ведь все соседи слышали, как они ругались.

Надежда увидела, что ухажер еще торчит во дворе. Она вцепилась в его локоть и прохрипела со стучащими зубами:

— Помоги мне поймать такси...

28

На следующий день Крымов вызвал к себе Волошина и поинтересовался, уловил ли он какое-нибудь сходство между убийствами Саликова и Бахтина?

— Нет, — честно признался Волошин. — Несмотря на то, что оба застрелены в лоб собственным оружием с одинакового расстояния, и на обоих пистолетах отпечатки женских ладоней. Однако почерк стрелявших разный. По почерку убийства Бахтина можно определить, что стрелял профессионал, а Саликова убил дилетант.

— Мне тоже так показалось, — покачал головой старший следователь. — Но я не верю, что убийство Саликова произошло на бытовой почве. Неужели вам еще не ясно, что его жену подставили? Саликов и Бахтин — одна команда. Тут явно какой-то новый передел? — поморщился Крымов. — А это проститутка. Не могла же она улететь по воздуху? Сдается мне, что она не случайно попала к Бахтину. Кстати, напомним, где он ее снял?

— Охранники утверждают, что у казино «Золотой телец».

— Нет! — засмеялся Крымов. — Такая братия не снимает девиц на улице. Их поставляют им из элитных барделей. И поставляют специально проверенные люди. Так что темнят ваши охранники.

Волошин и сам знал, что темнят, но чутье подсказывало, что в убийстве Бахтина проститутка ни при чем. Рука была явно не женская. Если в убийстве Саликова чувствовалась слабая рука, то Бахтина замочил матерый убийца. У Волошина на эти вещи глаз наметанный. Поэтому чем больше недоумевали охранники по поводу пропавшей девицы, тем большим подозрением проникался следователь к ним самим. Ведь не могла же она в самом деле улететь? Скорее всего, орлы чего-то не договаривали. При такой крупной игре только идиоту взбредет в голову нанять в качестве киллера проститутку. Умный человек наймет тех же охранников.

На этой мысли в кабинет старшего следователя вошел высокий молодой мужчина лет тридцати пяти.

— Наконец-то, — оживился Крымов. — Знакомьтесь. Это Иван Алексеевич, оперуполномоченный. Специалист по криминальным переделам. Он вас введет в курс дела.

Волошин тряхнул его руку, и тот сразу начал вводить в курс без каких-либо предисловий:

— Бахтин только наполовину азербайджанец. По моим данным, к Азербайджанской верхушке, контролирующей Московские рынки, он допущен не был, хотя и являлся членом диаспоры. Четыре года назад он как частное лицо выступил посредником между Азербайджанской диаспорой и мМосгордумой. За внедрение в мосгордуму человека диаспоры, он получил солидные проценты, на которые построил пять терминалов в черте Москвы, и четыре административных здания. В последний год довольно активно сотрудничал с департаментом потребительского рынка. Известно, что в его руки переходят территории закрывающихся рынков, а также на его счета поступают средства на строительства торговых павильонов.

— У меня есть сведения, что реструктуризация московских рынков затеяна с целью вытеснения с них азербайджанцев, — добавил Крымов.

— Похоже на то, — согласился оперуполномоченный. — Из ста рынков, которые запланировали закрыть в ближайшее время, только на территориях двадцати будут возведены торговые павильоны. Они, как я понял, должны будут отойти под контроль Бахтина. Остальные — под контроль мэрии. А азербайджанцы останутся с носом.

— Не плохо придумано, — кивнул Крымов. — Бахтин подгребают под себя рынки, а его ставленник в Мосгордуме в законодательном порядке закрепляет за ним собственность.

Так кому, Станислав Валерьевич, выгодно убийство Сальникова и Бахтина?

— По логике, азербайджанцам, которых практически кинули, — ответил Волошин.

— А вы говорите, на бытовой почве, — покачал головой Крымов. — Спасибо, Иван Алексеевич! Вы свободны.

Когда оперуполномоченный удалился, старший следователь поинтересовался:

— Вы разыскали Саканского, Станислав Валерьевич?

— Увы! Он исчез. Его жена заявляет, что он каждый год исчезает на пару недель. Но в связи с новыми обстоятельствами я все больше склоняюсь к мысли, что его убрали.

— Объявите Саканского в федеральный розыск, и скорее заканчивайте с вдовой.

— Сегодня же и закончу...

Вернувшись в свою прокуратуру, Волошин позвонил экспертам.

— Что-нибудь сенсационное есть?

— Ничего, — ответили из лаборатории. — Бахтина застрелили из его собственного пистолета. Как мы и предполагали, оружие в руку вложили потом. Застрелен он был в спящем состоянии.

— То есть как, в спящем? — удивился Волошин. — Его глаза были открыты. Я сам видел.

— Он спал! Его потормошили, подняли в вертикальное положение и выстрелили в лоб. Он даже не успел ничего понять.

— Потормошили, подняли и выстрелили с расстояния полтора метров, — пробормотал следователь. — Их было двое. Это охранники. Больше никому. Посторонние следы есть?

— На бокале, на телефоне и на статуэтке Венеры та же самая ладонь, что и на пистолете. В вине лошадиная доза снотворного.

— Бахтина усыпили?

— Судя по всему, да. Но точно скажу после вскрытия.

И без вскрытия было понятно, что в задачи девицы входило усыпить олигарха, чтобы потом его пристрелить без лишней суеты. Но тогда зачем нужно было тормошить и поднимать?

— Как насчет посторонних следов на полу?

— Ног видимо невидимо. Такое ощущение, что через комнату прошла рота. Но это посетители бара. По уверению

администратора, после выстрела они всей капеллой устремились вверх ловить убийцу.

— Странно, что не поймали...

Последнюю фразу следователь произнес уже после того, как положил трубку. «Все это очень подозрительно: посторонние посетители — любители игры в бильярд. То они толпой бегут ловить убийцу, то все до одного исчезают, как только приезжает милиция. Да и что это вообще за заведение?»

Следователь вызвал оперуполномоченного.

— Вы выяснили, кто хозяин этого здания?

— По документам муниципальная собственность. Однако я проверил. На балансе управления по рынкам данный объект не числится.

— А где числится? В госимуществе?

— И в госимуществе не числится. Получается, что в природе его вообще нет. На этом месте — пустая земля.

— Ну, брат, так не бывает, — засмеялся следователь. — А что говорит администратор здания? Кто ему платит зарплату?

— Говорит, они на самокупаемости. Здание арендуют у города. По договору им разрешено использовать внутренние помещения под гостиницу.

Волошин расхохотался:

— Говорил бы сразу, под публичный дом. Договор аренды посмотрел?

— В первую очередь.

— Чья там подпись со стороны Московского правительства?

— Начальника Управления по рынкам Виктора Каретина. Но он уже больше года не работает в Управлении. В данный момент он в Америке!

— О, боже мой! Но подпись ты его сравнил?

— Я не нашел его подписи. Он не оставил в Управлении ни единой строчки...

29

— Неужели вправду Христос не оставил ни единой строчки? — спросил на следующий день Валера, прервав свои долгие раздумья на кровати.

— Что это взбрело тебе в голову? — вздрогнул студент.
— Послушай лучше радио.

Костя в это время пристраивался к обшарпанному столу, разложив перед собой чистые листы. Он сомнамбулически прикладывался к чаю и уже что-то усекал в тумане за ободранной стеной.

— Мне надоело. Каждый день одно и то же. Бомбят и бомбят этих несчастных талибов. А им хоть бы что.

Костя помрачнел.

— Между прочим, люди гибнут. А для нас это шоу, которое можно выключить, когда надоест. Где элементарное страдание? Впрочем, — махнул рукой Костя, — когда все поставлено на службу капиталу, страдание людей превращается в товар. Особенно это видно по СМИ. Любая трагедия для них, как пир для шакалов.

Студент замолчал, а Валера удивленно поднялся на локте.

— А что же, по-твоему, им делать? Не освещать?

— По крайней мере, не смаковать подробности, и не гонять после этого веселую музыку. По-человечески было бы, если бы объявили общепланетный траур.

— Ну, — насупился Назарев, — если после каждого инцидента объявлять траур, это будет не жизнь, а сплошные поминки.

— У людей на твоих глазах отнимают жизни! А ты не можешь пожертвовать малым. А еще спрашиваешь, почему творится зло. С твоего согласия творится, потому что ты тайне радуешься, что трагедия происходит с кем-то, а не с тобой.

— Ну, уж так и с моего? — потупился Назарев, не понимая, какая муха укусила студента. — А может, с твоего?

— Ты прав. С моего тоже, — печально вздохнул Костя. — Стоит раз пройти мимо чужой беды, и душа становится как лед. Я помню, как в девяностом году в Нижнем Новгороде проходил через какой-то двор и вдруг услышал из окна женский крик, типа того: «Помогите, кто-нибудь!» Знаешь, был тихий вечер, во дворе крутится народ, визжат дети, гуляют мамы, какие-то старушки сидят на скамейке, и никто не слышит крика, кроме меня. Думаю, должно быть наверное, показалось. Поднимаю голову и вижу: из окна третьего этажа на меня смотрит парнишка. Встревожено так смотрит. И вдруг говорит мне: «Все нормально, мужик! Иди своей дорогой». Тут смотрю, высовывается второй. Харя совершенно

бандитская, и тоже кричит: «Проходи мимо, чувак! Че уставился?» Ну, я и пошел, хотя первой мыслью было — подняться и узнать, в чем дело? Второй мыслью было — позвонить в милицию. Но там, во дворе ни одного автомата. Я еще пару раз оглянулся. Окно закрыли, но продолжали наблюдать за мной через стекло. Явно там что-то происходило. Я чувствовал. Решил, как только увижу таксофон, так сообщу в милицию. Но когда зашел за угол, плюнул: «Что мне, в самом деле, больше всех надо?» И вот с тех пор чувствую, что во мне не стало души. Рассудок остался, а душа куда-то исчезлапарилась.

После длительного молчания Назарев подал голос:

— А я бы поднялся.

— Значит, ты лучше меня, — кисло улыбнулся Костя и, отшвырнув от себя листы, повалился на кровать. — Кстати, думаю, что Христос умышленно не оставил сочинений. Человек, который падок до чужой божественности, слеп к собственным движениям души, а значит, не умеет сострадать. Вот почему он так не любил фарисеев. Да это и понятно: отбивать поклоны проще, чем заставить душу трудиться. А ведь жизнь оправдывает себя только движением, а не молебном.

— Значит, заповедям следовать не стоит? — вяло подержал тему Валера.

— Заповеди заповедями, но прислушиваться к собственному сердцу важнее. Оно, в отличие от заповедей, не подвластно влиянию времени. Наоборот, раболепство перед канонами ведет к духовному распаду личности. Я даже на эту тему хотел написать роман. Смысл таков: один еретик уступил католику любимую женщину ради познания истины.

Брови Назарева взметнулись к потолку.

— Он что, идиот, твой еретик? Отдать любимую женщину дяде, ради какой-то фигни? Я понимаю еще, ради денег.

— О, как ты испорчен вульгарным прагматизмом, — поморщился Костя. — Вся гнусность заключается в том, что умные люди ради денег идут в услужение дуракам.

— Разве так было не всегда?

— Нет! В Древней Греции богачи, чувствуя свою духовную ущербность, сами несли художникам деньги, а те еще не у всех принимали. Принимали у самых достойных.

— Вот это не хрена, — почесал затылок Назарев. — Я бы принимал у всех...

— Кстати, по поводу служения дуракам, — рассмеялся Костя, — у нас на курсе было много талантливых ребят. А начинались девяностые годы. Время — когда можно было легко сколотить капитал. Так вот, самые талантливые ушли с курса зарабатывать легкие деньги. Причем, рассуждали так: заработаем по миллиону и вернемся. Будем жить спокойно на проценты, и тогда уже целиком отдадимся высокому искусству.

— Вполне разумные размышления, — одобрил Назарев.
— Не глупый у вас был курс.

— Однако никто не вернулся, — сказал Костя.

— Не заработали что ли?

— В том-то и дело, что заработали. Но остались служить своему капиталу. Ибо любое служение забирает человека всего без остатка, будь то служение дураку, или умному. Так что нужно думать, кому служить. Усек?

— Ну, и ладно. Зато остались при деньгах.

— Зато отказались от горних высот! — возразил Костя. — Талант в людях — это билет в бессмертие, приглашение в вечность. Хотя по большому счету искусство тоже не вечно. Но оно инструмент в формировании личности, или, говоря словами Чехова, средство выжимания из себя раба. А рабство — это всегда служение материи, или служение дураку, который пресмыкается перед материей. Так что, дружище, в пушкинских строках «душа в заветной лире мой прах переживет» таится громадная неточность. Потому что лира долговечнее плоти, но временна по отношению к душе. Вот Гораций, которому подражал Александр Сергеевич, более точен в определении служения духу: «Нет, не весь я умру, лучшая часть меня избежит похорон». Вот так.

— Мужик, ты с кем сейчас разговаривал?

— С тобой, тупица!

— Тогда объясни, как лучшая часть меня может избежать похорон?

— Очень просто. Не сгорит в огне. В том самом очищающем огне, который пылает в центре мироздания, и который имел в виду Пифагор. Так что, старик, эта каноническая фраза «рукописи не горят» намекает на те части души, которые облагораживают духовный труд.

Студент задохнулся, а Назарев крепко задумался. «И лучшее тоже не сохранится», — почему-то подумал он, и все вокруг стало меркнуть.

— Значит Христос не оставил письменных свидетельств, потому что слово тоже не вечно? — последнее, что успел спросить Валера и не узнал собственного голоса.

— Да нет же, чтобы не стать, в конце концов, кумиром, — донеслось откуда-то сверху.

Факел обжигал руку, и от ступеней несло кладбищенским холодом. В этом замке ужасные сквозняки, а в полночь появляются привидения. А там, внизу перед тяжелой дверью отбивает шаги рыжеволосый болван.

— А вот и нет! — вмешался в разговор его знакомый внутренний голос. — Потому, что мысль, облаченная в форму, — есть ложь. — Внутри кто-то хрипло рассмеялся, и тот же голос, но уже с сатанинским отголоском, добавил: — Разве ты не помнишь, бывший епископ Назарий, те самые строки у Иоанна, что «в начале было слово», то самое слово, которое и являлось мыслью облаченной в форму. Значит, весь мир, сотворенный из слова, ложь!

Епископ улыбнулся и приблизил факел к лицу, чтобы отогнать от себя беса. Он давно привык к своему оппоненту, которого можно было слушать, или не слушать, а уж тем более не отвечать. Но сегодня он решил парировать:

— Значит Богу угодно, чтобы человечество перенесло эту прививку лжи!

Когда внизу хозяин замка насмешливо взглянул в пустые глаза охранника, то увидел в них тревогу. Бывший епископ остановился и сказал ему, что отныне он больше не будет стоять здесь на карауле, а будет стоять перед дверью в библиотеку, поскольку Эсклармонда де Фуа навсегда уезжает из замка с тем молодым сеньором из Альбы...

30

В ту минуту, когда следователь Волошин изучал фоторобот исчезнувшей бабочки, она сама преспокойно подходила к дому бывшего однокурсника. Впрочем, не так уж и преспокойно. Лилия тяжело дышала и затравлено озиралась по сторонам. «Только бы он оказался дома?» — поминутно тикало в висках. Если не окажется, она сядет под дверью на коврик и будет ждать до победного конца, и никакие силы не заставят ее сдвинуться с места.

Страдалица подошла к подъезду и дернула за ручку. Но куда там? Дверь была замурована, а кода бедняжка не зна-

ла. Ничего не оставалось, как прислониться к стене и принять тоскующий вид.

Лилия огляделась. Ей очень не понравился серый БМВ с темными стеклами, похожий на тот, в котором ее похитили в Нижнем Новгороде. Он стоял в пяти метрах от подъезда, и в нем явно кто-то сидел. Женщина ощутила на себе внимательные взгляды. Она не ошиблась. Вскоре передняя дверца открылась, и из авто вышел стриженный парень в кожаной куртке. Он подошел к подъезду, бросил на незнакомку странный взгляд и поднес к замку чип. Дверь с писком разблокировалась. Молодой человек дернул за ручку, любезно пропустив даму вперед. Лилия поблагодарила и быстрым шагом направилась к лифту. Стриженный, не спеша, зашел следом.

— Мне четвертый, — произнесла она скороговоркой, когда незнакомец вошел в лифт.

Молодой человек улыбнулся одной половинкой рта и нажал на четвертый. Затем нехотя нажал на восьмой. Только после этого у Лилии отлегло от сердца.

Выйдя на четвертом, она сразу бросилась к двери однокурсника и принялась звонить. Внезапно парень, собиравшийся ехать на восьмой, вышел из лифта и подошел сзади. Лилия обернулась и вздрогнула. Он улыбался странной улыбкой.

— Его нет дома, — произнес незнакомец приглушенным голосом.

— Что? — переспросила девушка, инстинктивно вжимаясь в дверь.

— Ты не в курсе, где он может быть?

— Что? А? Нет, не знаю, — закрутила головой Лилия.

Тип в кожаной куртке крепко схватил ее за руку и, молча, потащил к лифту.

— В чем дело, молодой человек? — возмутилась она.

— Тише, — ответил стриженный и затащил в лифт.

Там он зажал ей рот и прошептал в ухо:

— Будешь кричать, сверну шею, как цыпленку.

Женщина притихла. Она позволила выдернуть себя из лифта и вытащить на улицу. Когда же он поволок к машине, Лилия начала упираться. Но куда там! Он так сильно дернул руку, что едва не выдернул из сустава.

— В чем дело, куда вы меня тащите?

Молодой человек молча дотащил ее до БМВ, и перед ними тут же открылась задняя дверца. Сзади сидели двое

жующих архаровцев. Один с лошадиной челюстью, другой — подстриженный под ежика.

Когда девушку со знанием дела запихивали в машину, водитель не сводил с нее глаз. Лилия тоже взглянула на него и вздрогнула. Это был один из тех, который находился в бильярдной. Лилия видела его дважды. Первый раз перед тем, как свалиться в обморок, второй раз на экране телевизора.

— Эта та самая, которая замочила Баха, — бросил он архаровцу с лошадиной челюстью.

— Не путаешь? — перестал жевать тот.

— Не путаю? Я ее лично возил на терминал, когда ее хозяин подпоил.

Бандит с лошадиной челюстью посмотрел на Лилию очень внимательно и даже немного с испугом.

— Это правда, что ты лысого замочила?

— Нет! — ответила пленница со стучащими зубами. — Их было двое. Я видела только ноги. Одного звали Свищ.

— Свищ? — воскликнули все четверо.

Лошадиная челюсть тут же выплюнула жвачку, извлекла из куртки телефон и кому-то отрапортовала:

— Мы поймали Зульфью. Она говорит, что лысого застрелил Свищ. Что? Понял! Сейчас привезем.

Машина бешено сорвалась с места и понеслась в сторону центра. По дороге архаровец с лошадиной челюстью, который, видимо, был за начальника, задал только один вопрос:

— Он твой друг?

— Кто?

— К которому ты приходила.

— Мы с ним вместе учились в Литературном институте.

Через двадцать минут они въехали во двор какого-то роскошного трехэтажного особняка, находившегося за глухим забором. Пленницу без лишних слов взяли под локотки и почти внесли на руках в стеклянный холл с высокими пальмами. Ее швырнули в кожаное кресло, и через некоторое время к Лилии в сопровождении двух черных догов спустился седой мужичны с багровым шрамом на щеке. Он, по хозяйски, осмотрел добычу, задержав взгляд на коленках, и лениво поинтересовался, облокотившись на спинку кресла:

— Жить хочешь?

Девушка вытаращила глаза и затряслась крупной дрожью.

— По глазам вижу, что хочешь. Тогда давай рассказывай все по порядку. Что произошло после того, как вы позанимались с лысым любовью.

— М-мы н-не занимались любовью, — произнесла женщина, стуча зубами.

— Почему? — удивился мужчина. — У него на тебя не встал?

— Н-нет! Он мне не понравился.

Брови мужчины взметнулись к потолку и находились в таком положении довольно долго.

— Да? Впервые слышу, чтобы лысый не понравился девочке. Ну... а я бы тебе понравился?

— Нет! — сверкнула глазами пленница.

— Почему?

— Потому, что я замужняя женщина, и люблю только мужа.

Мужчина долго осмысливал сказанное, но так, видимо, и не осмыслил. По всей видимости, это было для него что-то из ряда выходящее. Он медленно оторвался от кресла и закурил. Затем обвел взором ухмыляющуюся братву.

— Видали?

Они дружно гоготнули.

Мужчина приблизил губы к ее лицу и выдохнул дым в глаза.

— Ну ладно, любовью мы займемся позже, а сейчас расскажи, как твои отпечатки оказались на пистолете лысого?

Пленница встrepенулась и обвела архаровцев испуганными глазами. «Господи, помоги!» — прошептала она белыми губами и вдруг почувствовала, что теряет сознание.

31

Валерий с трудом разлепил ресницы, сообразив, что его бьют по щекам. Мрак нехотя отступал. Перед глазами вырисовывался растерянный силуэт студента.

— Ну, ты, старик, совсем плохой стал! Тебе вредны такие разговоры.

— Что со мной было?

— Думаю, голодный обморок. Ты сегодня рубал?

Назарев осторожно тряхнул головой и сделал попытку подняться. Попытка удалась, но при ходьбе слегка занесло в сторону.

— Черт, — пробормотал он, — ведь самое обидное, что я ничего не помню. А там я только что провернул обалденную сделку.

— Какую сделку? Чего ты несешь? — поморщился Костя. — Ты сейчас чуть не отчалил в лучший мир. Не рановато намылвился?

— Определенно там происходило что-то важное. Но хоть убей, не помню! — хмурился Назарев, шагая из угла в угол.

— Главное, успокойся, — посоветовал Костя, протягивая другу пачку кефира. — Успокойся и рубани. И сразу все вспомнишь. В этом деле главное — последовательность.

Валера принял от товарища кефир с батоном и, присев на кровать, принялся сосредоточенно работать челюстями. Испуг у студента прошел. На его лице снова появилась ирония.

— Успокойся и соберись. Жевать нужно с чувством, с толком, пристально всматриваясь в себя, так сказать, в самую глубину желудка. После этого мысль восстанавливает свою функциональную способность. Подумай, что в данную минуту тебя волнует больше всего. Может, вторая пачка кефира?

Назарев не понял, что приятель подтрунивает. Он перестал жевать и зажмурился. В таком идиотском состоянии он пребывал настолько долго, что у Кости зачесались все органы. Но почесаться во время мыслительного процесса товарища студент, конечно, не мог, поэтому подсказал:

— СНу, сильно напрягать башку тоже не рекомендую. Можно растянуть мыслительные мышцы. Ты хотел выяснить, почему тебе изменила жена?

Назарев открыл глаза и посмотрел на студента с укором.

— Нет! — произнес он. — Жена, как я понял, это одно из составляющих в познание истины.

Студент так захохотал, что в коридоре сделалось тихо.

— Ты все перепутал! Я говорил, что искусство одно из составляющих в формировании души, а не жена. Про жену я даже не заикался.

— Страдания, которые приносят жены, тоже путь к познанию, — выдал Валера без тени юмора.

Студента захлебнулся новой волной смеха, хотя это было не красиво с его стороны. Однако сквозь слезы он заметил, что на лице постояльца не дернулся ни единый мускул. Назарев был как никогда серьезен и, кажется, сильно погружен в себя. Терпеливо подождав, когда его друг просмеется, он произнес:

— Я хочу знать, кто я на самом деле: фрезеровщик или епископ?

— Что? Какой епископ? — удивился Костя. — Да у тебя бред, как у сивой кобылы! Очнись, товарищ! Э-ей! — пощелкал студент пальцами.

— Я не брежу! Я говорю о том епископе, который считал, что любой неоспоримый канон мертвей самой захудалой, но свежей мысли.

Костя присвистнул.

— Мужик, ты сам-то-то понял, че сказал?

— Если бы я понял, то с тобой, дураком, не разговаривал.

— Ха! Посмотрите на него! Аристотель, превзошедший учителя Платона! — скорчил физиономию Костя и задумался.

— А в твоих словах есть мысль.

Глаза Назарева ожили. Он умоляюще взглянул на собрата и жалобно простонал:

— Помогите! Подставь мне в последний раз свой чертовый палец! Иначе сдохну.

Улыбка моментально слетела с лица студента.

— Нет! — бросил он коротко.

— Почему?

Студент прошелся по комнате, затем мрачно плюхнулся на тумбочку.

— Потому что все это ерунда. Нет в этом белемните никаких чудодейственных свойств. Я тебе наврал!

— Наврал? Зачем?

— Да просто так. Развлекался! Хочешь, ударь меня за это... Козел я, в общем...

Квартирант упрямо покачал головой.

— Не правда. Ты не козел. Просто ты за меня боишься.

Студент поглядел в доверчивые глаза простого фрезеровщика шестого разряда и вяло бросил.

— Ты только что вернулся с того света. Хочешь там остаться?

— Хочу. Но даю слово, что не останусь. Если я не узнаю истины, то больше не смогу жить.

Студент открыл рот, чтобы что-то возразить, но неожиданно раздумал и нехотя полез в карман. Вытащив белемнит и подержав его на ладони, он как-то очень грустно улыбнулся.

— Что ж, если ты намерен скопытиться, я не в праве тебе препятствовать. Но, сразу предупреждаю, в случае летального исхода, я затолкаю твой труп в мусоропровод. И запом-

ни, ты должен отвечать на все мои вопросы. Если замешкаешься — не обижайся, я тут же спущу тебя на землю при помощи вот этого кулака.

Студент поднес свой жиденький кулачек к железному носу товарища, и тот счастливо улыбнулся. С той же придурковатой улыбкой товарищ лег на кровать и сложил на груди руки.

— Руки по швам! — рыкнул студент. — Теперь, расслабься и спроси у своей сущности, кто ты?

«Кто я? — усмехнулся Назарев, мягко погружаясь в холодную бездну. — Простой мужик с тремя линиями на ладони и с единственной извилиной в голове. И ничто никогда меня не трогало, пока жена не переспала с чужим мужиком. А до этого появилась ее подружка, которая вовсе не подружка, а Эсклармонда де Фуа...»

— Кто ты? — повторил студент, едва его рука с белемнитом зависла над лицом фрезеровщика.

— Я епископ Назарий, — ответил Валерий, не разжимая губ, и литератор вздрогнул от его спокойного тона. Лоб входящего в транс разгладился, и лицо приобрело осмысленное выражение.

— Где ты находишься?

— На самом дне моего замка, в зале с бассейном.

— Кого ты видишь перед собой?

— Я вижу Эсклармонду де Фуа. Она идет ко мне по воде. И вид у нее ангельский.

— О чем ты думаешь?

— Я думаю о том, что сейчас должен сказать о нашей разлуке. — Голос епископа сделался грустным. — А еще я думаю о смерти...

Это были последние слова, сказанные Валерием. Внезапно его дыхание оборвалось, и студент что было силы начал молотить его по скулам.

32

Она еще ребенком девочкой была безумно привлекательна — эта светловолосая крошка босоногая дикарка Эсклармонда из рода де Фуа. Ее ангельские глазки были непростоительно невинны, а нежные кудряшки необычайно воздушны: они колыхались от едва уловимого дуновения воздуха. Да и вся она была словно сотканы из облака и солнца.

Впервые ломбардский епископ увидел ее в замке Монсе-гюр, когда возвращался домой из своего короткого путеше-ствия по Провансу. Девочка со звонким смехом Она носи-лась по двору за гусями, а за ней бегали три няньки и умо-ляли, чтобы юная графиня прекратила шалить на манер простолюдинкигнала по двору гусей, а он шел ей навстречу — как никак она из древнего благородного рода, в которой течет также королевская кровь. . И Ккогда девочка подняла свои доверчивые глазки на гостя, Назарию стало не по себе. В него будто плеснули ушат солнечного света. Старый ко-нюх, перехвативший взгляд епископа, предостерегающе прошептал:

— Ее мать была колдуньей.

Сколько же лет было этому прелестному дитя, этому ан-гелу во плоти, этому заблудившемуся на земле чуду? Кажет-ся, четыревосемь. Назарий подумал, что колдунья не смогла бы отбыть в мир иной, не передав дочери секретов своего колдовства. Но для колдовства девочка была еще слишком мала.

Эскармонда Деовчка не выходила из головы ни в гости-ной, ни в библиотеке, ни в каминном зале, где они с моло-дым сеньором Рейнерио Сакони расположились в креслах перед горящим камином на британский манер.

— Я много слышал о вас и давно мечтал познакомиться, — лепетал белокурый юноша в каких-то неописуемых круже-вах и шелковых панталонах. Он только что прибыл из Пари-жа и мешал латынь с плохим французским. Он еще был про-питан этой разухабистой школярской восторженностью. — Я столько лет мечтал встретиться с вами, чтобы, наконец, раз-решить мои сомнения. Ведь вы прочли все тайные книги земли и прожили большую жизнь. Не будет ли так любезны, о Ваше Преосвященство, ответить на вопрос, занимающий меня с детства, какой для человека самый великий грех?

Ясные, любопытные глаза благородного вельможи встре-тились с тяжелым взглядом известного во всей Италии епи-скопа. «Эх, молодость», — вздохнул про себя Назарий, про-щая ему плохую лесть и с грустью думая, что стремление к истине не предполагает пышных кружев. Оно вообще не вы-носит светского блеска, а напротив, предпочитает тишину, темные подвалы, дешевые свечи и вечно склоненную голову над темным от времени столом.

— Если вы, благородный Рейнерио Сакони, успели соблазниться какой-нибудь столичной куртизанкой, то это не самый великий грех, ибо над вами всего лишь взяла верх всего лишь ваша природа, — ответил Назарий по-французски, скрывая издевательскую усмешку.

Юноша радостно засмеялся.

— Вы мне льете бальзам на душу, Ваше Преосвященство! Можно сказать, воскрешаете к жизни... — И епископ с грустью подумал, что в молодости он никогда не развлекался с куртизанками и не учился изящным манерам. — И все-таки, — напирал вчерашний школяр, — какой грех самый страшный?

Епископ без малейшего интереса наблюдал за тем, как занимает молодого сеньора их беседа, как распирает его от гордости за свои умные речи, но мысли первосвященника были заняты той малышкой, похлестывающей прутиком гусей.

— Откуда же мне знать, простому смертному, когда и бессмертным это неизвестно, — усмехнулся в усы Назарий, и добавил с притворным вздохом: — Как сказано в Новом Завете: «Тайна сия велика». Но лично мне думается: самый большой человеческий грех — равнодушие к жизни.

— А как же десять заповедей? — заволновался юноша. — В них ничего не сказано про равнодушие, а только «Не убий и не прелюбодействуй!»

— По существу, все эти заповеди — комментарии одной заповеди, — ответил Назарев, едва удерживаясь от зевоты, — точнее, закона, который брахманы называют Кармой.

Перед глазами опять мелькнула светловолосая милашка с ангельскими глазками, и епископ с тяжелым сердцем подумал, что, отмерив две трети со стремлением познать законы жизни, он не вкусил самой жизни. Он усвоил теоретические правила, но самому поиграть по этим правилам ему не пришлось. Назарий бросил печальный взгляд на кружева благородного Сакони и с горечью произнес на чистой латыни:

— Видите ли, дорогой сеньор Рейнерио, в последнее время я все больше склоняюсь к мысли, что Господь никогда не хотел, чтобы его дети знали закон возмездия. Вы спросите, почему? Потому, что в этом незнании и кроется смысл нашего существования. Мы спущены на Землю для жизни, и больше ни для чего. А проводить время в молебнах мы мог-

ли бы и среди облаков. Они к этому больше приспособлены, способствуют, нежели земная твердь.

Епископ поднялся с кресла и подошел к окну. Там, за окном, жизнерадостно носилась по двору она, эта удивительная девочка с нежными кудряшками, еще не читавшая священных писаний, но всем своим видом утверждавшая в жизни саму эту жизнь. И сердце епископа сжалось от чего-то давно ушедшего, но так и никогда не вкушенного. А за спиной юный искатель истины со всеми зачатками повесы переваривал услышанное. Последние слова Его Преосвященства ничуть не испугали и не ошеломили вчерашнего школяра, а только слегка удивили.

— Для кого же тогда написаны эти заповеди?

— Сомневаюсь, что для людей, — бросил через плечо Назарий. — Скорее всего, для книжных червей. Ибо кровь после их написания не перестала, литься, и прелюбодействовать не перестали, и не перестали завидовать и кипеть злобой к ближнему... Тут дело не в заповедях. Человек проходит свой круг испытаний через кровь, через огонь и скрежет зубов, через служение маммоне, если хотите, но только закон возмездия за грехи он должен познать собственной шкурой, а не интимными нашептываниями сверху...

Епископ закрыл глаза и представил себя знатным сеньором в модных панталонах и изысканных кружевах. Он представил себя в великолепном замке, с огромным зеленым парком и озером внутри, где по сказочным залам с веселым смехом носится прекрасная фея Эскармонда. «Не переговаривая плоть — есть могила для духа», — прошептал священник на латыни и молча вышел вон. Во дворе он приказал закладывать карету, и когда хозяин замка спросил, куда торопится почтенный гость, Назарий ответил:

— На собственные похороны.

33

— Эй-эй! Крошка! Нашла время умирать! — услышала Лилия откуда-то сверху, и почувствовало, что ее шлепают по щекам.

Окончательно она пришла в себя после того, как ей плеснули в лицо пепси-колы. Когда бедняжка увидела вокруг себя откормленные морды бандюг, то едва опять не отбыла

туда, откуда только что вынырнула. Но седой мужчина с сигаретой в зубах крепко схватил за подбородок.

— Как твои отпечатки оказались на пистолете лысого? — спросил он сквозь зубы.

— Я вытащила пистолет у него из пиджака, — едва слышно пролепетала она.

— Зачем?

— Чтобы защищаться...

Однако защищаться, как мы знаем, у нее не хватило духа, и пленница положила пистолет на столик. Сколько в тот вечер Лилия просидела в кресле с кулачком под щекой, она и сама не помнила. Кажется, за это время приснился целый сон. Про что? Она тоже не помнила. Как бы вроде того, что она бежала по каким-то камням, а за ней гнались страшные люди с копьями в руках. Словом, непонятно, что заставило несчастную снова придти в себя. Как будто кто ее толкнул.

Лилия встрепенулась и осмотрелась. Лысый по-прежнему храпел. За окном уже стемнело, но в комнате было светло от уличного света. Внезапно у нее появилось чувство, что сейчас произойдет что-то страшное. Женщина напряглась. И вдруг услышала странный звук, доносившийся со стороны панно с березками. Оно поднималось. Нет, это был не сон: березки действительно, не спеша, ползли вверх, и за ними простиралась черная пустота. Впрочем, в темноте она разглядела две пары мужских ног, растущих по мере подъема к потолку березового пейзажа.

Девушка вихрем слетела с кресла и инстинктивно рванула в соседнюю комнату. Сначала она метнулась к шкафу, но подумала, что бесшумно в него забраться не сможет, поэтому юркнула за спинку кресла.

В спальне загорелся свет и раздались осторожные шаги. Затем по дивану и креслу скользнул луч фонарика. Шаги направились к шкафу. Девушка слышала, как скрипнули створки, но выглянуть из-за кресла не посмела. Человек с фонариком еще раз скользнул по комнате, задержав свет на кресле, за которым сидела пленница, и вернулся в спальню.

Он произнес что-то не по-русски, но девушка поняла. «Больше никого нет», — означали его слова. Вслед за тем, она услышала глухие шлепки. Наконец, послышался голос лысого.

— Это еще кто?

— Эта смэрт твая, — вторил ему голос с кавказским акцентом.

— Что за идиотские шутки? А, это ты, Свищ? Ты чего здесь делаешь. И почему в перчатках.

— Эта тэбя надо спрасить, пачиму ты не явился на сход в сауну?

— А что, уже пора? Даже если и пора, я не понял, что за тон? И перчатки свои сними! Не понял? Ты мне показываешь ствол?

— Зачем ты убил дэпутата?

— Еще раз тебе говорю, уברי ствол. Э! Пушку мою не трогай! Оставь, кому говорят...

Дальше произошло какое-то движение и вдруг раздался выстрел. Затем тишина. Торопливые шаги, и снова тишина...

Внимательно выслушав сбивчивый рассказ женщины, седой мужчина сузил глаза и выплюнул окуроч.

— Свищ! — произнес он сквозь зубы повторил седой мужчина и выплюнул окуроч. — Я так и думал.

Он поджал губы, и его глаза налились кровью. Господин со шрамом нервно выдернул из-под мышки револьвер, крутанул барабан и сунул его под ремень. После чего достал из кармана телефон и быстро набрал номер.

— Это я, — произнес он сдержанно. — Нам надо встретиться.

После короткой паузы его губы растянулись в недоброй ухмылке.

— Разве я сказал, говорил, что забиваю стрелку? Я сказал, надо встретиться. На нейтральной территории. Хорошо, считай это стрелкой.

По окончании разговора братва подтянулась и напряглась. Мужчина, не спеша, положил телефон в карман и снова остановил взгляд на девушке.

— Куда ты потом исчезла?

— Я... я потом... — начала мямлить пленница.

— Ладно! Потом расскажешь.

Он скрежетнул зубами и стремительно направился к дверям. За ним последовали остальные. Через минуту холл опустел, и пленница осталась совсем одна. Она видела через стеклянные двери, как из ворот с ревом вылетело два серых БМВ. После чего ворота медленно закрылись сами.

Лилия осторожно поднялась с кресла и, трижды оглянувшись, на цыпочках направилась к дверям. Но сзади внезапно раздался лай. Оба дога, до этого спокойно лежавшие на ковре, сорвались с места и бросились на нее. Девушка с визгом запрыгнула на широкую спинку кресла. Собаки приблизи-

лись, понюхали и нехотя отошли к дверям. Когда они обе свалились у порога, пленница перевела дыхание.

Через некоторое время она даже позволила себе снова опуститься в кресло. Но любое движение, вызывало у собак нервную реакцию. «Что делать? — с отчаянием стонало в груди. — Закончится когда-нибудь этот кошмар?» Но безвыходных ситуаций не бывает, хотя теперешняя ситуация была намного хуже той, когда она ни жива ни мертва сидела под креслом.

В висках тикало, и ее трясло настолько сильно, что, казалось, кресло ходило ходуном. В номер постучали. Лилия хотела кинуться к двери и рассказать, что двое каких-то кавказцев застрелили их шефа. А может, не застрелили, а так пугнули. Тогда почему он не подает признаков жизни?

Входная дверь щелкнула, и один из охранников спросил приглушенным голосом:

— Все в порядке, Ибрагим Джангирович?

Из спальни не доносилось ни звука. Неужели вправду убили? Охранники переступили порог и, тихо проследовав через гостиную, замерли у дверей спальни.

— Застрелился? — прошептал один из них.

Они ринулись в комнату и начали шуровать.

— Где телка? — услышала девушка из-под кресла.

Вот на этих словах она хотела выбежать из номера, но что-то удержало. И, видимо, правильно. Потому что, в ту же секунду один из охранников вошел в гостиную и кинулся к шкафу. Хлопнув створками, он возвратился в спальню, и девушка услышала, как они оба вышли на балкон. Вот тут Лилия хотела выскочить во второй раз, но опять удержалась. И снова, правильно. В тот же миг другой охранник, промчавшись через гостиную, выскочил в коридор и понесся в сторону лифта. Эта девушка поняла по шагам. А второй на балконе словно умер.

«Он либо выпрыгнул вниз, либо залез на балкон, четвертого этажа», — мелькнула здравая мысль. И то и другое говорило о том, что пришло самое время рвануть из номера.

Лилия поднялась и на цыпочках подкралась к двери. Каблуки предательски цокали. Пришлось скинуть туфли и взять их в руки. Только после этого бедняжка осмелилась выглянуть в коридор. Он был пустой. Беглянка помчалась в сторону лестницы, и уже почти выбежала на площадку, но услышала чьи-то шаги, спускающиеся сверху. Пришлось драпануть обратно. «Но нет! Только не в номер!» — мелькнуло в

голове. Беглянка спряталась под стол администратора, который стоял в коридоре. Мужчина выскочил в холл, добежал до дверей номера, но почему-то развернулся и понесся обратно. Когда его шаги утихли, девушка метнулась к лестнице. Однако внизу раздались грубые мужские голоса.

— Баха убили! Эта телка! Куда она делась?

Верх по лестнице неслась разъяренная толпа мужиков. Тут же из лифта выскочило еще пятеро, которые озабоченно рванули в сторону комнаты. Было удивительно, что они не заметили беглянку, вжавшуюся в лестничные перила. Девушке ничего не оставалось, как со всех ног побежать на четвертый этаж.

Все двери на этаже были заперты, кроме того номера, который находился над зеркальной спальней с панно. Туда даже не имело смысла заглядывать, потому что балкон выходил на английский дворик. И вдруг, о чудо! Форточка в конце коридора оказалась открытой.

Лилия подбежала к окну и взглянула вниз. Оно выходило на другой торец дома, но, в отличие от противоположного, наружная стена была выложена елочкой. Рассуждать было некогда. Сзади слышался топот поднимающихся по лестнице ног.

Беглянка кинула туфли вниз и, перекрестившись, вылезла в форточку. Оказавшись наружи, она вцепилась обеими руками в кирпичный козырек над окном, затем вытащила ноги и уперлась ими в карниз. В ту же минуту в коридоре появились мужчины.

Лилия зацепилась за какой-то выступ справа, ногу поставила на другой выступающий кирпич, и таким образом ушла от окна. Впрочем, она не была уверена, что мужчины ее не видели. Но через пять минут поняла, что каким-то чудом осталась незамеченной.

Собравшись и уняв в коленях дрожь, скалолазка начала осторожно карабкаться к углу дома. Угол был сделан наподобие квадратной колонны. Обняв его с обеих сторон, Лилия начала медленно сползать вниз, тормозя процесс коленками. Руки очень удобно ложились на выступающие углы колонны, однако ко второму этажу колонна все более закруглялась и трансформировалась в стену. Проклиная архитектора, горе-скалолазка продолжала сползать вниз, но с каждой секундой все быстрее и неуправляемее, потому что руки больше не могли держаться за выступ. В какой-то миг бедняжка сорвалась и полетела вниз. Конечно, ладони и колен-

ки, обхватывающие кирпичный угол, несколько затормозили падение, но все равно Лилия ударилась очень сильно.

Она упала спиной в траву, но даже не пискнула. В первую минуту очень захотелось застонать, но Лилия не могла себе позволить даже этого. Прежде, чем подняться, несчастная ощупала ключицы и ноги. «Неужели ничего не сломала? — удивилась она. — Если бы внизу был асфальт, то позвоночник бы треснул».

Лилия сначала встала на четвереньки и, ощутив дикую боль во всем теле, решила, что этого достаточно. В таком положении она отыскала туфли, вцепилась в них зубами и подалась в сторону ворот. Также на четвереньках она выбралась на улицу, и, должно быть, поэтому ее не заметили охранники, которые, впрочем, уставились в холл.

Бедняжка услышала сзади смех и повернула голову. Над ней укатывались какие-то подростки. Волей неволей нужно было принимать вертикальное положение. Ей удалось это только со второй попытки. Сгорбленная и хромящая на обе ноги, беглянка медленно, но верно удалялась от этого проклятого дом с английской лужайкой во дворе. И все не верила, что она на свободе. И все казалось, что сейчас ее нагонят и грубо потащат обратно.

Когда Лилия вошла в метро, то заметила, что на нее глаза с большим интересом. Сообразила, что это из-за того, что она хромяет на обе ноги, а потому, что держит в зубах туфли. Пришлось прислониться к стене и натянуть их на ноги. Ее руки и колени были ободраны, платье грязное, да и одета она была как-то не по сезону. Бархатное платье, туфельки, колготки, превращенные в махры.

Пассажирку пропустили к поездом, даже не выслушав объяснений. Нужно было где-то отлежаться. «Хоть бы милиция забрала, что ли?» — подумала она. Лилия прошла на перрон и вдруг в том месте, где останавливается первый вагон, увидела железную будку без замка. Женщина оглянулась, толкнула дверь и заметила полотер с деревянным ящиком, в котором были опилки. Но главное, рядом с ящиком стояла табуретка. Намаявшаяся как плюхнулась на нее, так и отключилась.

Проснулась от жуткой тишины. Лилия вышла на перрон. Никого. Интересно, который час? А который бы ни был, все равно ночь. Она прилегла на лавочку и заснула. «Утром поеду к однокурснице», — последнее, что мелькнуло в ее голове.

Волошин уже почти вышел из кабинета, как снова позволил эксперт.

— Да! Забыл сказать. Отпечатки на ручках дверей депутата не Качаловой.

— Не Качаловой? А чьи? Вдовы?

— И не вдовы. Такие пальчики у нас не значатся. Одно могу сказать точно: рука женская.

— Ты меня ошеломил. Так отпечатков Качаловой вообще нет на дверных ручках?

— Затрудняюсь сказать. Последняя ладонь зацапала всю ручку, так что определить невозможно. На редкость жирная рука.

— А с отпечатками на пистолете Бахтина сравнивал?

— В первую очередь. Ладони разные.

Следователь вызвал Телегина и приказал срочно доставить Качалову. Сам же с экономистом отправился на место убийства Бахтина. К его удивлению, их с такой же улыбкой и точно в таком же костюме встретил совершенно другой администратор.

— А где прежний? — поинтересовался следователь.

— Он больше здесь не работает.

— Почему? — удивился Волошин.

— К сожалению, я не в курсе.

Такое начало следователю не понравилось. Интуиция подсказывала, что дальше будет еще путанее.

— Нельзя ли нам взглянуть на документы? — спросил следователь, скользя глазами по холлу.

— Конечно можно! — ослепительно улыбнулся администратор. — Пожалуйста, в кабинет к хозяину. Он как раз на месте.

Мужчина в черном костюме галантно указал на одну из дверей на первом этаже. Следователь с экономистом переглянулись.

— Как? Объявился хозяин?

— Он никуда и не девался, — обаятельно ответил администратор.

Пришлось пройти по коридору и толкнуть одну из дверей, на которую указал исполнительный директор. Навстречу из-

за стола поднялся молодой азербайджанец. Он широко улыбнулся и протянул следователю руку.

— Пожалуйста! Чем могу служить, — произнес он почти без акцента.

— Я хотел бы узнать, кому принадлежит этот объект, — сказал следователь.

— Секрета здесь никакого нет. Это собственность Азербайджанской диаспоры. Если хотите взглянуть на документы — без проблем.

Следователь с экономистом переглянулись вторично. На документы, конечно, взглянули. Особенно тщательно пролистал их экономист, и не нашел ни одной заковырки. Аренда этой территории снята на законном основании на сорок девять лет с правом выкупа, если к этому времени появится кодекс о земле. Здание построено два года назад на деньги диаспоры, и имеет конкретного хозяина в лице этого господина, и значит, как гостиница для торговых представителей из стран ближнего и дальнего зарубежья.

— Но вчера нашему сотруднику показывали совсем другие документы, — нахмурился представитель прокуратуры. — Я хотел на них взглянуть.

— Понятия не имею, о чем речь? — удивился хозяин. — Кто показывал? Я показывал? Я что-то не припомню, что я вчера что-то, кому-то показывал.

— Показывал ваш прежний администратор.

— Ах, прежний администратор, — развел руками азербайджанец. — Ну, я не знаю, что он вам показывал.

В голосе хозяина появилось раздражение.

— Вы его уволили?

— Почему уволил? Он сам уволился. Сказал, что после убийства он больше не сможет работать в этом здании?

— Не могли бы вы мне дать его домашний адрес?

— Мы не храним данных о наших бывших сотрудниках. На всякий случай, посмотрю в компьютере. Может, бухгалтер еще не уничтожил.

Азербайджанец взглянул в свой ноутбук. Поцелкал клавишами и развел руками.

— Увы. Информация о нем отсутствует...

На этом разговор закончился. Когда они вышли, следователь спросил у экономиста:

— Можно эти документы оформить задним числом?

— В наше время все можно! — махнул рукой экономист.

— У них этих документов — на все случаи жизни.

«Так-так, — соображал на обратном пути следователь. — Если узнать имя прежнего хозяина, то, пожалуй, головоломка будет разгадана». А, между тем, в кабинете его ждала новая загадка.

Лидия Семеновна красиво сидела на стуле и нетерпеливо постукивала коготочком по краю стола. Прежде, чем начать разговор, следователь внимательно взгляделся в ее темно-синие глаза. Они были спокойны и невинны. «Такую не просто расколоть», — подумал он.

— Лидия Семеновна, вы сказали, что заходили в квартиру Саликова в девять вечер и, застав его мертвым, позвонили в милицию.

— Ну, да, — улыбнулась рыжая красавица.

— Скажите, а после вас мог кто-нибудь зайти в квартиру? Я имею в виду соседей.

— Вполне! — еще ослепительней улыбнулась чаровница.

— Кто еще кроме вас был в дружеских отношениях с Саликовыми?

— Вы имеете в виду в подъезде? По моему, больше никто, — пожала плечами красавица-женщина. — А зачем вы спрашиваете?

— А затем, Лидия Семеновна, что отпечатки пальцев в квартире Саликовых не совпадают с вашими.

Улыбка моментально слетела с лица допрашиваемой. Она почему-то кинула быстрый взгляд на свои ногти и закусила губу.

— Давайте уточним время. Вы зашли в дом убитого в девять часов. Звонок поступил дежурному пять минут десятого. В десять пятнадцать оперативная группа уже была на месте происшествия. Вы позвонили из своей квартиры?

Женщина зыркнула глазами на Волошина и целомудренно потупила взор.

— Я вообще не звонила.

— Что? — переспросил следователь.

— Это не я звонила в милицию.

— А кто?

— Не знаю.

С минуту царила недоуменная тишина.

— То есть, вы зашли в квартиру, увидели, что сосед убит, и сразу убежали?

— Я вообще не заходила в квартиру. Об убийстве я узнала от соседей уже после того, как приехала милиция.

Глаза следователя сделались круглее колеса.

— Не понял! Вы не заходили? Зачем же вы мне сказали, что были в квартире Саликова и позвонили в милицию?

Женщина расплакалась.

— Я сама не знаю, зачем так сказала. Вот такая я дура! Понимаете, у меня муж деспот. Из-за него я боюсь всех мужчин. Что мне мужчина внушит, то я и делаю. А вы как зашли, как надавили на меня. Вот я с испугу и наплела, сама не помню что.

Женщина метнула на него заплаканный взгляд и снова уткнулась в платочек. «Вот это поворотне фига», — подумал следователь.

— Значит, вы отказываетесь от своих показаний? — спросил Волошин.

— Отказываюсь, — всхлипнула она.

Следователь молниеносно сорвал трубку и кому-то приказал:

— Срочно доставить мне дежурного из Бутырского ОВД, который принял звонок об убийстве Саликова.

«Что-то девушка темнит. Ой, темнит, — клинило в голове. — Но темнит, как-то странно».

Свидетельница проплакалась и вдруг подняла на Волошина совершенно чистые глаза:

— Я, кажется, знаю, кто убил Владимира Вениаминовича.

— Кто? — выгнул бровь следователь.

— Надькин Любовник.

— У Саликовой есть любовник? — недоверчиво сощурился Волошин.

— Есть. Я и сама не знала. Знаете, он такой маленький, страшенький, да к тому же, не первой молодости. Я своими глазами видела, как в тот вечер Надька выскочила из подъезда и кинулась ему на шею.

— Во сколько это было?

— В восемь часов. Только мужу не говорите.

— Точно в восемь?

Женщина ковырнула коготком передний зуб и подмигнула:

— Чтоб я сдохла! Слушайте, этот ее любовник приходил на второй день и полчаса проторчал во дворе. Я видела из окна. А потом что-то выспрашивал у тети Тоси из шестьдесят пятой квартиры.

Без особого энтузиазма расспросив про любовника, следователь слегка задумался. Мысль уже ухватила нужный факт: «Выбежала в двадцать часов».

Вскоре явился офицер из Бутырского ОВД, лейтенант Трошин. Задав пару вопросов Лидии Семеновне, он сказал следователю:

— За точность не ручаюсь, но, кажется, звонила женщина более пожилого возраста.

35

Почти одновременно с обеих сторон Каланчевского тупика въехали четыре иномарки. Два серых БМВ с одного конца и два темно-синих с другого. Они остановились в десяти метрах друг от друга, и из флагманских авто вышла по одному.

Первый — наш знакомый, седой, меланхоличный мужчина, с легкой небритостью и бордовым шрамом на щеке, второй — тот самый кавказец, хозяин гостиницы для торговых представителей ближнего и дальнего зарубежья. Они приблизились друг к другу в сопровождении двух оих спутников и встали один против другого.

— Твои люди убили нашего человека, — сквозь зубы произнес седой господин. — Мы знаем, чья эта работа: Свища и его дружка.

— А куда такиэ свэдэния? — произнес кавказец, презрительно выпятив челюсть и умышленно подчеркивая акцент.

— Пургу не гони, — поморщился седой господин. — Мы же договорились, что все будем решать цивилизованным путем. Выдвигать своих депутатов и подчиняться решениям законодательства. Ты первый нарушил договор.

— Зачем так гавариш? Пэрвый! — возмутился кавказец. — Пэрвый начал Бах. Он убил дэпутата, щтобы выдвинуть вмэсто нэго гаспадына Саканского.

— Он тебе сам об этом сказал? — дернул бровью небритый.

— Сказал бы, еслы бы явился на сход.

— Он вышел из вашей диаспоры, так что не обязан посещать ваши сходьки.

— Абызан! Па закону, स्वाбодными от диаспары щитаэца тот, кто возвратыл собственныст. А он нэ только нэ вазвратыл, но и бэз нашэго разрэщения захапал тэрмынал и гаспилицу убытого им же дэпутата.

— Так вот за что вы его грохнули, — усмехнулся господин со шрамом. — А я уж почти поверил, что действительно за

депутата. Короче, выдаешь нам Свища, выплачиваешь компенсацию и даешь обещание не перекупать Саканского!

— Э, нэт, дарагой! Канэшно нащчет Свища и кампэнсации я посаветуюсь с гэнэралытьэтом диаспары, а нащчет Саканского — абещать нэ магу. Ты тоже абещал нэ пэрэкупать Баха.

— Я его не перекупал. Он ко мне сам пришел.

Кавказец рассмеялся:

— Гдэ гарантия, што Саканский тожэ сам нэ прэдет ка мнэ.

Его хитрый кавказский смех не понравился седому господину. Видит бог, он не хотел, но рука сама выдернула из-за пояса пистолет. Следом со стороны кавказцев тоже блеснуло три ствола.

В ту минуту, когда в Каланчевском тупике шесть стволов уперлось в животы их хозяев, в совершенно другом районе Москвы, в одном из домов на улице Руставели был вытащен из кобуры еще один пистолет.

Если в Каланчевском тупике все происходило молча и дисциплинированно, аналогичное действие на улицы Руставели сопровождалось истерическим воплем:

— Где, сука! Где ты эта взяла! На панели? — кричал разъяренный детина, тыча одной рукой с пистолетом в испуганную женщину, а второй — тряся над головой внушительной пачкой долларов.

Это был никто иной, как вечный рогоносец Павел Качалов, а трясущаяся женщина его законная супруга Лидия Семеновна.

— Паша, Паша, убери это, — лепетала она белыми губами, — я все расскажу, только убери пистолет.

— Говори, тварь, в какой гостиницы снимаешь? — восклицал он с бешеными глазами. — А может, шеферюг обслуживаешь? Убью!

— Паша, Пашеньки, убери пистолет! Никого я не обслуживаю. Я эти деньги своровала.

— Чиво? — вытаращил глаза Павел Андреевич.

— Для тебя своровала. Хотела тебе приличную машину купить: «шкоду» или «ауди». У меня сердце разрывается при виде твоей несчастной «восьмерки». Как будто ты и не человек...

Рука с пистолетом потеряла твердость и поползла вниз.

— Чиво? — повторил он, никак не въезжая.

— Говорю, хватит с тебя этих «ВАЗов». Ты что, не заслужил настоящую машину? Вот я и подсуетилась.

Лидия кротко потупила взор, а Павел растерянно взглянул на деньги. После минутного и молчания он подозрительно сдвинул брови.

— И у кого же ты их умыкнула?

Жена мягко подошла к нему, осторожно отобрала пистолет и сунула его в шкаф. Затем посадила мужа на диван и сама уселась рядом. Она невинно посмотрела в глаза и прошептала:

— Я их свистнула у Саликова?

— Что? У кого? — изумился муж и снова сдвинул брови.

— Это не то, что ты думаешь. Только не перебивай. Я тебя все сейчас расскажу, — затараторила она. — Он был уже мертвый. Понимаешь? Его уже убили. Соображаешь, или нет?

По идиотскому взгляду мужа было видно, что он не только не соображает, но и вряд ли вообще был способен на подобную процедуру.

— В тот вечер, когда внизу стрельнули, я тебя проводила, а сама спустилась к Надьке, узнать, что у них стряслось?

— А! Муж за порог, а ты к Саликову! — возопил Павел Андреевич, вскакивая с дивана.

— Да не к Саликову, а к Надьке! — с раздражением поправила Лидия, хватая мужа за руку. — На черта он мне сдался, твой плешивый Саликов, когда у меня такой орел!

Женщина ласково погладила ногу мужу.

— Так Надьки же не было!

— А откуда я знала? Да сядь ты, не маячь перед глазами! Так вот: спускаюсь я к Надьке, звоню — не отвечают. Смотрю, дверь у них открытая. Я говорю: «Надък, ты дома?» Молчат. Ну, думаю, все! Убили Надьку. Прохожу в квартиру, Надьки нет. Смотрю, а в кресле сидит мертвый Саликов с дыркой во лбу. Я чуть не умерла от страха. Собралась уже бежать, и вдруг вижу: на столики перед ним между бутылкой и стаканом лежит пачка долларов. Меня сразу такая обида взяла: человек ничего не делает, только языком чешет в думе, а такие деньги загребают, а ты у меня целыми сутками пашешь и получаешь гроши. — На этих словах супруга пустила слезу и прижалась щекой к плечу супруга. — Ну, я сразу механически хватать эту пачку и бежать...

Жена преданно взглянула в bestолковые глаза мужа и виновато хлопнула ресницами:

— Может, я не правильно поступила? Может, пойти отнести эти деньги в милицию?

Вместо ответа муж крепко обнял супругу и горячо прошептал на ухо:

— Ты че, упала што ли? Правильно ты сделала, што прихватила. На хрена мертвому деньги?

После страстных поцелуев и крепких объятий, Лидия воскликнула, как будто о чем-то вспомнив:

— Да! Чуть не забыла. Если тебя в милиции спросят, ко сколько ты ходишь на работу, скажи, что к десяти, а не к девяти. В общем, в тот вечер ты вышел из дома в десятом часу, а не в девятом.

— Зачем? — удивился муж.

— Понимаешь: я следователю сказала, что спустилась к Саликовым сразу после твоего ухода.

— Ты че упала? — встрепенулся Павел Андреевич. — Зачем ты вообще призналась, что заходила в квартиру депутата?

— Я подумала, что оставила отпечатки на ручке двери. Поэтому сказала, что заходила к ним в десятом часу не задолго перед приездом милиции. И еще наплела, что это я вызвали милицию. Ну, для конспирации. Чтоб не подумали, что это я умыкнула деньги. А оказывается, после меня кто-то был еще, и затер мои отпечатки. Тот, который был после меня, и вызвал милицию.

— Так откажись от показаний! — воскликнул муж. — Скажи, что не была ни в какой квартире, что спросонья наплела сама не зная чего...

— Уже отказалась сделала! — улыбнулась жена.

— Умница! — произнес муж и чмокнул жену в висок.

Так полюбовно закончилась ссора на улице Руставели, хотя женщина была не совсем искренна. Мы уже знаем, что она выглянула в окно и, увидев, что Надежда Николаевна отправилась к родителям, сразу после ухода мужа рванула к Владимиру Вениаминовичу. И доллары она прихватила вовсе не для того, чтобы купить мужу машину, а для того, чтобы улететь в Америку от этого самого мужа. «Словом, сама виновата, — досадовала про себя женщина. — Надо было подальше спрятать деньги. Тогда бы не было скандала...»

Однако мы отвлеклись.

Приблизительно в это же время в Каланчевского тупике с миром разъехались четыре БМВ. Оружие применено не было. Стороны договорились не раздувать инцидент, а на-

зревший конфликт разрешить цивилизованным путем. И в дальнейшем поступать также культурно, как поступают во всех европейских странах.

36

В то время, пока шла разборка между Азербайджанской диаспорой и Солнцевской группировкой, Лилия сидела в кресле и предавалась самым мрачным мыслям, которые только приходили в голову. Положение практически было безвыходным. На ее любое шевеление собаки сразу поднимали морды, и глаза их наливались кровью.

Что теперь с ней будет? Оставят в живых, после того как натешатся? Но после этого ей самой не захочется жить. С каким лицом она расскажет об этом мужу? Не рассказать будет невозможно, ибо такое нельзя держать внутри, а рассказать, значит погубить его. Ведь он начнет мстить. Станислав — человек чести.

Когда он лежал в больнице, девушка не отходила от него ни днем, ни ночью. Через два дня врачи раскусили, что она никакая не жена, и попытались выставить на улицу, но потом, поразмыслив, решили оставить за преданность. Больной поправлялся быстро, хотя раны у него были серьезные. «Ну, еще бы, с такой сиделкой», — разводили руками медсестры.

Девушка и сама не помнила, каким образом прошла ее страстная любовь к однокурснику и началась возвышенная любовь к своему спасителю. Спустя неделю Лилия уже не представляла, как жила без него раньше?

Словом, вскоре после выписки из больницы они со Станиславом поженились. И началась их счастливая семейная жизнь. Впрочем, первые дни немного омрачали судебный процесс над бандитами, которых поймали в тот же вечер. Это были известные рэкетеры, контролирующие вещевой рынок у центрального вокзала и три десятка торговых точек. Кроме того, на их счету было несколько разбойных нападений и насилий. Словом, троим впяли по полной программе, а четвертому, которого Станислав уделал прутом, дали пять лет, поскольку в разбоях и насилиях он не участвовал.

Но молодая пара не долго вспоминала о них. После свадьбы начались приятные заботы. Молодая жена пожелала остаться в Нижнем Новгороде, поскольку мужу не нрави-

лась Москва. Он был художником и, по его словам, вдохновение и энергию получал исключительно от Волжских просторов. Правда только до того момента, пока не встретил ее. Юная супруга, подобно Чеховской Душеньки, настолько прониклась искусством мужа, что начисто разрушила его уверенность в способности великой реки Волги вдохновлять к высокому творчеству. Теперь его вдохновляла только Лилия, и настолько успешно, что его картины раскупались с неестественной быстротой. Восемьдесят портретов Лилии разлетелись по всем континентам. Иностранцы, взглядываясь в портрет жены художника, цокали языком и восклицали на своем иностранном:

— Это небесная женщина. На такую только молиться...

И вот теперь эта небесная женщина сидела в чужом доме, охраняемая двумя собаками, и ждала своего позорного конца.

Когда ворота открылись и во двор въехали обе БМВухи, Лилия мысленно попрощалась с мужем и послала ему последний поцелуй. Первым из машины выскочил хозяин дома. Он был очень сердит. Седой мужчина подобно вихрю влетел в дом, пнув стеклянные двери холла. «Они даже не были запертыми», — простонало внутри у пленницы. За командиром в полушаге проследовали остальные.

Братва протопала мимо нее на второй этаж, обдав ветром и даже не взглянув на пленницу. Одна из собак вскочила и побежала за ними. Лилия встрепенулась. Теперь в холле оставался только единственный дог, который в нерешительности застыл под пальмой. Он смотрел вслед своему другу, как бы раздумывая, податься за всеми, или продолжить исполнение долга. Чувство долго возобладало. Собака нехотя упала на пол и положила морду на передние лапы. В принципе, проход к двери был свободен. Псиная лежала несколько в стороне.

Сердце пленницы забило сильнее. Метнув тревожный взгляд наверх, она поднялась. Собака не среагировала. Лилия осторожно сделала шаг, затем другой. Гладкая голова псины по-прежнему лежала на лапах. Когда Лилия поравнялась с догом, тот он неожиданно дернулся, поднял морду и уставился на девушку тревожным взглядом. Однако с места не тронулся.

Пленница замерла. Так они смотрели друг на друга довольно долго. После чего, дог скучно зевнул и отвернулся. Девушка сразу ринулась к двери, и это было ошибкой. Дог с

лаем вскочил на ноги и кинулся на нее. Девушка завизжала так, что заложило собственные уши. Тут же сверху кто-то хмуро бросил:

— Джони на место!

На лестнице стояла «лошадиная челюсть» и, судя по всему, не в лучшем настроении.

— Сядь, где сидела! — приказал он девушке и свистнул.

На свист из-за его спины выбежал второй дог и понесся по ступеням вниз. Девушка не стала дожидаться, когда спуститься это чудовище, и быстро возвратилась на исходную позицию.

Дог подбежал к ней, злобно понюхал и нехотя похлял к дверям. Человек наверху исчез. Однако пленница недолго томилась в ожидании. Вскоре вся толпа снова сошла вниз и, пройдя мимо нее, рассыпалась по холлу. Кто-то закурил, кто-то в глубине оранжереи, примостившись за мраморный столик, достал карты. Но все, буквально все, обласкали ее нечистыми взглядами.

Вскоре сошел вниз и хозяин дома. Остановившись рядом с Лилией, он задумчиво повел глазами и лениво крикнул:

— Стас, проводи девушка в душ!

На его возглас никто не откликнулся. Мужики заржали.

— С тех пор как ему съездили по репе, до него доходит, как до Эйфелевой башни.

— Стас, ты слышишь? — повторил с нажимом седой.

Из какой-то двери выскочил парень в костюме и галстук. Бедняжка вздрогнула. Она была готова ко всему. Казалось, ее уже ничто не сможет ужаснуть, но при виде этого человека Лилия побледнела. Этот был тот самый бандит, из нижегородской четверки, против которого она свидетельствовала в суде. Он подошел, и его глаза удивленно расширились.

— Пусть примет душ, а потом проводи ее ко мне, — приказал шеф.

Стас, не произнеся ни слова, грубо схватил невольницу за локоть и повел в коридор. Сзади посыпались грубые шутки. Лилия попыталась высвободить руку, но ей не удалось. Он держал, словно клещами, и при этом в его глазах не отражалось ничего. Конвоир молча довел ее до конца коридора, открыл последнюю дверь и впихнул в зеркальную ванную.

Девушка хотела закрыться, но не нашла на двери задвижки. Она скинула одежду, пустила воду и заплакала.

В эту минуту, когда Лилия в слезах стояла под душем, в кабинет к Волошину вошел Телегин.

— Станислав Валерьевич, я узнал, кто позвонил в милицию. Это было не просто. Я, можно сказать, высчитал ее математически...

— Меня не интересует процесс, меня интересует результат, — раздраженно перебил Волошин.

— Тогда, пожалуйста, вот протокол, — подтянулся Телегин и положил перед следователем листок.

Волошин быстро пробежался по протоколу и поднял на лейтенанта глаза.

— Значит, Таисия Львовна Кондратьева, шестидесяти пяти лет. Ее квартира находится напротив квартиры Саликова... — пробормотал он, не сводя с оперуполномоченного глаз.

— Это что, вопрос, или комментарий? — спросил опер.

— У тебя написано: в девять вечера она вышла из квартиры и увидела, что дверь соседа открыта. А зачем она вышла из квартиры в девять вечера?

— Как я понял, вынести мусор.

— Почему не внесли в протокол?

— Не счел важным, — пожал плечами лейтенант.

— Нет, дорогой товарищ, — назидательно поднял палец следователь, — одинокие женщины шестидесяти пяти лет предпочитают выносить мусор в светлое время суток.

— А может, она бесстрашная женщина.

— Бесстрашные женщины не боятся называть дежурным свои фамилии. Она вышла потому, что увидела усекла в глазок нечто любопытное. Надеюсь, вы обратили внимание на ее дверной глазок?

— Это не глазок, это морской бинокль.

— То-то и оно! Она услышала выстрел и сразу припала к глазку. Возможно, она увидела убийцу, поэтому отказалась назвать фамилию дежурному. Она полтора часа проторчала под дверью и, наконец, не выдержав, вышла посмотреть, что произошло в квартире соседа? Увидев, что его застрелили, она позвонила в милицию. Ферштейн?

— Полтора часа смотреть в глазок? Это каким исполинским терпением нужно обладать, — поморщился оперуполномоченный. — Что-то сомнительно, Станислав Валерьевич.

— Нет-нет, она торчала столько времени не потому, что терпеливая, а потому, что в ту квартиру без конца входили и выходили.

— Вы думаете? — удивился лейтенант. — А кто?

— Да хотя бы та же Надежда Николаевна. В шесть десять она выбежала на улицу в домашних тапочках, в шесть тридцать вернулась. Выстрелила в мужа. Не спеша, оделась и в восемь покинула квартиру.

— Не слишком ли долго она одевалась? — хмыкнул оперуполномоченный. — Тем более что в квартире покойник.

— Вот в этом-то и загвоздка, — потер лоб следователь. — А вдруг в это время к ней спустилась Лидия Семеновна? Ну, и пошел обычный бабский треп.

— С покойником в кресле?

— Соседка про покойника не знала, а хозяйка тщательно скрывала, держа гостью в коридоре... Хотя этой Качаловой верить нельзя. Что-то она здесь юлила, крутила, вертела... Кстати! — вспомнил следователь. — Вы узнали, Таисия Львовна действительно беседовала с любовником Саликовой?

— Да, я спрашивал, — кивнул лейтенант. — Кто он, любовник, или друг детства, она не знает. Но то, что на другой и на следующий день после убийства во дворе ошивался какой-то тип, это факт. В тот день он ничего не спросил. А на следующий — начал выведывать про Саликову. По словам пенсионерки, когда он узнал, что интересующая его женщина в милиции и что она подозревается в убийстве мужа, субъекта как ветром сдуло.

— Вряд ли любовник, — покачал головой Волошин. — Скорее, случайный ухажер, который проводил ее до дома. Короче так, нужно брать за жабры Таисию Львовну. Я сам ей займусь. А ты возьми за горло родителей Саликовой.

Оперуполномоченный вышел. Позвонили из Городской прокуратуры.

— Как продвигаются дела? — поинтересовался старший следователь.

— Туго. Но уже есть некоторая ясность, в связи с новыми фактами.

— Вы нашли источник Саликова?

— Нет. Точнее, пока нет. Саканского объявил в уголовный розыск. Думаю, ни сегодня, завтра он объявится.

— Вы думаете, он жив? — удивился Крымов.

— Уверен.

— Кого подозреваете в убийстве депутата в связи с новыми фактами.

— По-прежнему его жену.

На том конца провода возникла недоуменная пауза.

— Станислав Валерьевич, вы либо не понимаете, либо делаете вид, — нарушил молчание Крымов. — Если мы предъявим общественности, что депутата, призывающего консолидироваться против террористов, убила жена, нас поднимут на смех. Дважды нельзя входить в одну и ту же воду! Поймите. Вы хотите, чтобы городская прокуратура стала посмешищем для журналистов?

— Но если факты складываются так...

Крымов не дослушал. Раздраженно бросил трубку. «Все! Теперь отстранит от следствия, — горько усмехнулся Волошин. — Да и пес с ним...»

К вечеру с шальными глазами вернулся оперуполномоченный.

— Расколос! — воскликнул он с порога. — И маманю, и папаню! Обоих! Короче, дочь приехала к ним без двадцати девять. По словам матери, дочка вбежала в квартиру в растрепанных чувствах и сразу стала упрасивать, чтобы они подтвердили в милиции, будто она приехала к ним в восемнадцать сорок. О происшедшем рассказала так: они с мужем круто разлаялись. Он ее ударил, и она выбежала в тапочках на улицу. Через час вернулась, а супруг сидит в кресле мертвый. Жена напугалась и сразу поехала к родителям.

— Ну, во-первых, не сразу! — поморщился следователь. — Она еще успела переодеться. Во-вторых, почему сразу к родителям, а не в милицию?

— По словам матери, она подумала, что убийство повесят на нее, потому что перед этим все соседи слышали, как они ругались.

— Нет! — затряс головой следователь! — Это не аргумент. Это факт, подтверждающий ее вину. А Крымов требует, чтобы я искал источник.

38

На следующий день, который был субботой, друзья отравились в пивной ресторанчик «Встреча» охладить перекипевшие мозги. Оба были хмуры и неразговорчивы. Валера был хмур по причине того, что в нем проходили какие-то

мыслительные процессы. Студент был хмур по неизвестным причинам.

К тому же погода была на редкость омерзительной. Моросил мелкий дождь, временами налетал ветер, под ногами чмокала грязная каша. На головах у молодых людей не было кепок, но студенту это не доставляло неудобств, а Назарев ежился и периодически прижимал к мокрой шее поднятый воротник. Наконец, у дверей ресторана Валера шлепнул себя по лбу и страдальчески простонал:

— Ну, никак, никак, никак не могу!

— Чего не можешь? — поинтересовался студент.

— Вспомнить не могу, что вчера было. А было что-то важное, связанное с моим предназначением в этом мире.

— А? — усмехнулся Костя. — Над разгадкой предназначения бились лучшие умы человечества и умирали, так и не поняв его. С кондачка такие вещи не познаются. Так что, ты на это плюнь. Плюнь, забудь и не мучайся.

— Нет, не плюну, — набычился Назарев и встал на крыльце ресторанчика, загородив вход.

Костя посмотрел на его упрямую физиономию и произнес:

— Вчера, когда ты пришел в себя, сразу обозвал меня Рейнерио Сакони, только без кружев.

— Это еще что за хрен? — поморщился Валера.

— Понятия не имею. Знаю только, что он оставил записки о ломбардском епископе Назарии. Я даже читал их на первом курсе. Скажу честно, не впечатлили. Единственное, что я запомнил, что по возвращении из Прованса в Конкоренцио епископ сразу отдал богу душу. Кажется, там и по сей день находится его могила. Да-да, припоминаю! В замке Гата.

Назарев неожиданно вздрогнул и басом произнес:

— Он не умер. Вместо него в гроб положили странствующего монаха. А сам он возвратился в Монсежюр.

Костя вздрогнул и отшатнулся:

— С тобой все нормально?

— Со мной все нормально.

— А откуда такие сведения?

— Ниоткуда.

Назарев так мучительно напряг лоб, что студент согласился: такие сведения могли быть только из ниоткуда. В полном молчании они вошли в ресторан, взяли по кружке пива и тихо уткнулись в тарелки с раками.

В ресторанчике больше никого не было, поскольку часы были утренними. Табачный дым не щипал глаз, поэтому

можно было разглядеть кое-какую чеканку на стенах и лепнину над головой. После второй кружки пива лоб Назарева разгладили, и он прошептал:

— Хорошо!

Костя улыбнулся. У него на душе тоже потеплело.

— Я вчера, конечно, здорово трухнул. У тебя не прощывался пульс. Я вызвал «скорую». Но как только врачиха взяла твою руку, ты, как ни в чем не бывало, открыл глаза и спросил у меня: «Сеньер Сакони, где ваши кружева?» Врачиха открыла рот и попятилась. Потом схватила свой чемоданчик и убежала, — рассмеялся Костя.

Назарев перестал чистить раков и дремуче задумался.

— Хоть режь меня, ничего не помню. А вчера помнил. Гадом буду! Сам не знаю, что со мной происходит. То без конца куда-то проваливаюсь, то вдруг приходят такие мысли, что хочется повеситься.

Бедняга обтер ладонью пот и приложился к кружке. Костя отрицательно покачал головой:

— Повеситься успеешь. Еще не познал истины, а уже вешаешься? Нет, старик, это не выход. Повесишься после того, как узнаешь, почему тебе изменила жена?

Назарев дернулся.

— А изменяют только по причине?

— Естественно. Без причины даже муравьи не кусаются, кошки не рождаются.

— Нет! — занервничал Назарев. — Эта баба меня больше не интересуется. Я хочу ее забыть. Так что лучше не напоминай.

— А кто тебя интересуется?

— Ее подружка. Как только ее увидел, то сразу понял, что это она...

— Да ты шалун? — улыбнулся Костя, не уточняя, кто она.

— Это может быть одной из причин. Кстати, если хочешь найти ответ на любой вопрос, обратись к своей сущности.

— Ты мне уже советовал, — отмахнулся Назарев.

— Когда? — удивился Костя. — Ах, да...

Студент отвел взгляд и торопливо приложился к кружке. Затем произнес чуть осипшим голосом.

— Тогда я говорил несерьезно. Так, приколотся. Извини. А сейчас говорю совершенно искренне. Твоя сущность знает больше, чем ты, поэтому та дамочка тебя и волнует? Ты напряги сознание и взгляни в себя...

— Да вся хренота в том, что я не знаю, где мое настоящее сознание, — воскликнул Назарев...

И вдруг сразу после этих слов пол под ним качнулся. «Либо землетрясение, либо перепил», — мелькнуло в голове, и Валера с удивлением ощутил в руке вместо пивной кружки пылающий факел. «Только бы удержать сознание», — подумал он и внезапно вспомнил, что в этом и заключается смысл человеческой жизни. Иначе какая польза от всех этих библейских премудростей, которые впитываешь всю жизнь, а потом теряешь в одно мгновение во время смерти?

Назарий спускался по каменным ступеням своего великолепного замка, рассекая факелом темноту, и размышлял над тем, что в последнюю минуту, когда душа отрывается от тела, она становится абсолютно беззащитной. В Египетской книге мертвых об этом говорится прямо. Плоть это дом, неприступная крепость от тех чудовищ, которые населяют потусторонний мир. Да-да, пожалуй, только плоть. Да еще сила воли...

Когда епископ подошел к дверям библиотеки, его сердце сильно забилося. Понадобилось время, чтобы отдышаться и войти в норму. Он не без грусти подумал, что очень болен, хотя и не очень стар. Назарий накинул на голову капюшон и вошел в залу.

Его приветствовал французским поклоном высокий молодой сеньор, не лишенный светской изысканности. Назарий узнал сеньора, хотя видел его до этого только один раз.

— Что нового происходит в мире? — спросил хозяин замка, после обычных приветственных церемоний.

— У вас в Ломбардии захватывают власть ремесленники, а у нас во Франции готовятся к новому крестовому походу, — тонко улыбнулся гость. — А причина того и другого одна и та же.

— Какая же? — поинтересовался Назарий.

— В том, что мир прогнил.

— Мир не может прогнить, — ответил хозяин. — Прогнивают государства, и по известным причинам: из-за алчности граждан и тупости правителей. Не удивлюсь, если следующий крестовый поход будет против Альбигонии. А вы как полагаете, благородный Рейнерио Сакони?

— Вы меня знаете? — удивился гость.

— Мы с вами встречались в Монсегюре шестнадцать двенадцать ллет назад и даже имели философскую беседу. Тогда я не был знатным сеньором и проповедовал несколько

иные истины. Я был непростительно беден и носил другое платье. Но не платье, мой друг, определяет истинную сущность натуры.

Хозяин скинул с головы капюшон, и гость из Альбы сделался белее молока.

— Ваше Преосвященство, — прошептал он мертвенными губами и поднял руку для крестного знамения.

Назарий расхохотался и указал гостю на кресло.

— Не дрожите так, благородный Сакони! Эта никакая не бесовщина. Можете подойти и пощупать руку. Как видите, я не умер. В замке Гата под гранитной плитой лежит мой двойник, монах из Милана, который скоростижно скончался. А я жив и здоров, только пребываю в несколько ином качестве.

— Но я слышал, что вельможа этого замка великий распутник, — забормотал растерянно Рейнерио, — и что золото из свинца ему помогает извлекать сам Сатана.

— Какая-то доля правды в этом есть, — усмехнулся Назарий, — но не нужно бояться Сатаны. Вспомните откровение Иоанна на трапезе Царя Небесного. В нем говорится, что именно Он, чье имя вы произносите с таким ужасом, и сотворил этот бранный мир. И, кстати, — нас с вами по образу и подобию своему.

Благородный сеньор испуганно перекрестился, чем вызвал гомерический хохот у бывшего епископа. В эту минуту опять схватило сердце, и Назарий подумал, что времени у него осталось совсем ничего. Хозяин замка закрыл глаза и, хрипло отдышавшись, произнес:

— Но давайте сразу к делу. Вы привезли эту вещь?

Прежде чем утвердительно кивнуть, гость сглотнул слюну и отвел глаза в сторону.

— Мне велено передать ее вам после того, как вы покажете девушку. Извините, но я всего лишь выполняю их волю.

Он поднял указательный палец вверх, но почему-то смутился и указал на север.

У Назария так сильно защемило в груди, что пришлось опять закрыть глаза и напярчя силу воли, чтобы не выказать волнения. Немного помолчав, он произнес твердым, не привыкшим к возражению голосом:

— И хотя я дал согласие, но хотел бы знать, в чьи руки она попадет? Она все-таки графиня с примесью королевской крови.

— О не волнуйтесь, Ваше Преосвященство, она попадет в благородные руки. Даю вам честное слово дворянина, — оживленно залепетал гость.

Бывший епископ подумал, что руки не могут быть благородными, поскольку они слеплены из глины, и слово не может быть честным, поскольку оно изрекается вслух. Он покачал головой и хмуро ответил:

— Насколько мне известно, вы приняли католичество и забыли, что есть истина.

— Но разве католики не проповедуют истину? — удивился гость.

— Пока только множат страдания своими крестовыми войнами в этом и без того несчастном мире, а свою веру в Христа используют для грабежей и наживы. Но учтите, Эсклармонда де Фуа — ангел во плоти: она может исцелить одним касанием руки и даже воскресить мертвого, она может делать из воды вино, а из камня хлеб. И если вы используете ее Божественный дар в своих измененных целях, то никакие молитвы не спасут вас от карающей десницы Господней.

39

Ближе к полудню ресторан заполнился посетителями. Назарев оторвал ото лба ладонь и с удивлением посмотрел по сторонам. Почти все столики были заняты. «И когда успело навалиться столько?» — подумал он и покосился на Костю. Костя задумчиво смотрел в пространство, думая о своем. Перед ним стояла недопитая кружка пива, и в тарелке покоился не расщепленный рак. Он даже не заметил, что его собеседник ненадолго отключился. Становилось шумно и дымно. Костя, наконец, вышел из полузабытья и, недовольно покрутив головой, приложился к кружке. Уловив взгляд товарища, он невесело подмигнул и открыл рот, чтобы что-то произнести, но к ним за столик внезапно подсел какой-то мужичонка с лисьей улыбкой:

— Мужики, — произнес он, интимно приглушив голос. — Иду я раз по парку, с работы возвращаюсь. Смотрю, на лавочке сидит женщина. Ну, я в темноте лица не вижу, только силуэт. И она мне томным голосом: «Молодой человек, сигаретки не найдется...»

— По-моему, вы нам это уже рассказывали, — скучно зевнул Костя.

— Когда? — удивился мужичок.

— На днях!

— А, вспомнил! — глаза непрошеного собеседника снова блеснули блудливым светом. — То-то я смотрю, мне лица ваши знакомы. Так вот: вы не знаете продолжения. — Мужичонка с опаской покосился по сторонам и еще ближе придвинулся к друзьям. — Прихожу я, значит, на следующий день к ее дому. Гляжу, окна не горят. Ну, постоял я немного во дворе и пошел домой. А что делать? На следующий день снова, значит, прихожу. Ну, тянет меня к этой женщине. Ничего не могу с собой поделать. Смотрю, снова окна не горят. Но тут выходит из подъезда соседка. Я осторожно начинаю выведывать, мол, что за дамочка живет в этом доме на втором этаже. А она мне говорит. Эта жена депутата городской думы господина Сальникова, которого позавчера убили. Она сейчас в милиции. Подозревают, что это она убила мужа, потому что на пистолете ее отпечатки. Тут меня как будто кирпичом по башке шарахнули. Я спрашиваю: «А в котором часу его убили?» Она говорит: «В половине седьмого вечера». Ну, я сразу руки в ноги и бежать. А сам соображаю: вот почему она была такая странная, в норковой шубке и в тапочках на босу ногу. Грохнула мужа и на улицу. Хотя нет: время еще было минут пятнадцать, двадцать седьмого. Видимо, она ходила и обдумывала, как убить? Хотя тоже не совпадает. Когда я довел ее до дома было около семи... А! — махнул рукой мужичонка. — Пусть там сами разбираются. Чего мне над этим башку ломать.

Мужичонка блудливо хихикнул и хотел уже приложиться к пиву, но в эту секунду Костя коршуном бросился на него и зло вцепился в ворот:

— Что же ты, скотина, сидишь, пивко попиваешь, а невинную женщину по допросам таскают? — похрипел он с белыми губами. — Ты же ее единственное алиби!

В ресторане сделалось тихо. Все недоуменно повернули головы в их сторону. Из-за стойки выскочили два плечистых парня и тоспешили к ним. Но Костя, ничего не замечая, продолжал трясти перетрусившего мужика:

— Что же ты, низкая тварь, как пользоваться женщиной, так первый, а как защитить ее честь, так в кусты...

В это время парни схватили Костю за локти и, наконец, оторвали от наложившего в штаны мужика. Они поволокли его к выходу, но тут вмешался Назарев.

— Оставьте моего друга! — прохрипел он угрожающе.

— Спокойно, молодой человек, — ответили ему вежливо.
— Если есть что сказать — выходи, поговорим.

Через минуту все четверо были на улице. Возможно, инцидент закончился бы мордобитием, если бы не милицкий патруль. Милиционеры подошли в ту минуту, когда восемь сжатых кулаков уже готовы были обрушиться друг на друга.

— Что здесь происходит, уважаемые? — поинтересовался прапорщик, приготовив резиновую дубинку.

— Буянит, — пояснил один из вышибал, кивнув на Костю.

Четыре милиционера быстро окружили студента и потребовали паспорт. Костя с хмурым видом пошарил по карманам и извлек какое-то удостоверение. Прапорщик долго с недоверием вглядывался в документ, затем недоуменно поднял голову.

— Константин Леонидович Саканский? — переспросил он.
— Помощник депутата городской думы?

Костя мрачно кивнул и потупил взор. Милиционер взял под козырек и официально произнес:

— Вы находитесь в федеральном розыске. Прошу следовать с нами.

Костя кинул взгляд на Валеру и виновато развел руками. После этого прапорщик вежливо обратился к Назареву.

— Ваш документ, уважаемый!

Уважаемый мигом достал из куртки свой потрепанный паспорт и с готовностью протянул блюстителю. Тот раскрыл его и изумленно поднял брови.

— Назарев Валерий Константинович? — переспросил прапорщик.

— Так точно, господин минимайор, — ответил Назарев.

— Но вы тоже находитесь в федеральном розыске.

— Это еще почемуза каким хреном??

— Прошу следовать с нами. В отделении объяснят...

И в отделении объяснили, что в розыск подала законная жена. Как выяснилось, она звонила свекрови в Ярославль, полагая, что муж давно там. Однако он, несмотря на то, что обещал выехать к родителям немедленно, так и не приехал. Словом, пропал без вести.

— Почему вы не приехали к родителям? — строго спросил лейтенант.

— А я что, обязан докладывать о каждом шаге?

— Нам докладывать о каждом шаге необязательно. Но предупредить о своем исчезновении жену — ваша первей-

шая супружеская обязанность. Ведь она подняла на ноги всю милицию Москвы. Где вы находились все это время?

— В Литературном общежитии. Добролюбова 9/11, комната 416, — хмуро ответил задержанный. — Только не сообщайте жене. Я от нее ушел.

— Как же не сообщать? — усмехнулся лейтенант. — Мы обязаны проинформировать, что вы найдены и обитаете по такому-то адресу. Распишитесь, и можете быть свободны...

40

Если с Назаревым в ОВД разобрались за пять минут, с Саканским в Бутырской прокуратуре разговаривали более двух часов. Задержанный был хмур и несловоохотлив.

— Куда вы исчезли? — сходу спросил Волошин.

— Никуда я не исчезал, — с раздражением ответил Саканский. — Я был в законном отпуске, который не догулял летом.

— При этом не появлялись дома.

— А это не ваше дело.

Задержанный насупился и уперся глазами в стол, всем видом показывая, что распространяться на тему своего отношения с женой он не собирается.

— Но почему вы каждый год догуливаете отпуск в общежитии Литературного института? — удивился следователь.

Саканский уныло поднял глаза.

— Потому, что я его не закончил, и каждый год мечтаю восстановиться снова. Но, увы! — печально вздохнул задержанный. — Жизнь вносит свои коррективы.

— Понятно, — кивнул Волошин. — Ностальгия по студенческим годам. Бывает. А почему вы бросили институт?

— Тогда многие бросили, — уклончиво ответил Саканский.

— А! Девяносто третий год! Вся творческая интеллигенция рванула в бизнес? — догадался следователь. — Ну и как? Игра стоила свеч.

Саканский недовольно завозился на стуле и произнес:

— Нельзя ли по существу?

— Ясно, — мягко улыбнулся следователь. — Значит, не стоила. Ну, ладно! По существу, так по существу. Когда вы узнали об убийстве Саликова?

— На следующий день.

— Откуда?

— Из газет.

— Почему вы не явились в думу?

— А я разве обязан? — пожал плечами Саканский.

«Редкий фрукт», — подумал следователь, догадавшись, что пресс-атташе не очень уважительно относился к патрону.

— Что вы думаете по поводу убийства Саликова, — спросил следователь.

— Ничего, — хмуро ответил задержанный.

— Вы подозреваете кого-нибудь?

Саканский устало поднял глаза.

— Подозревать — не моя обязанность.

На все последующие вопросы задержанный отвечал в том же духе: ничего не знаю, и знать ничего, кроме своих профессиональных обязанностей, не обязан. Волошин взмок. Единственное, что искренне удивило задержанного, убийство Бахтина.

— Его убили? — вытаращил глаза Саканский.

— Так же как и Сальникова — пулей в лоб. Вас это удивляет?

Допрашиваемый пожал плечами.

— Мне все равно. Я участвовал только в разработке законов. Бахтина я видел всего два раза мельком. Слышал краем уха, что он — человек мэрии. Больше ничего. Меня их дела не интересуют.

— Чьи дела? — насторожился следователь.

— Солнцевских с азербайджанцами, — брезгливо поморщился Саканский.

— Поясните, — подался вперед следователь. — Вы только что сказали, что Бахтин — человек мэрии. Причем здесь криминальные группировки?

— Формально — человек мэрии. А практически — представлял интересы Солнцевской группировки. Все эта чехарда с реорганизацией московских рынков затеяна для того, чтобы вытеснить с рынков азербайджанцев. Только не думайте, что это делается в интересах городского бюджета. Просто рынки из рук одних бандитов перейдут к другим. Не более того.

— Но Саликов, насколько мне известно, избирался на деньги диаспоры. Значит, по идее, он должен представлять интересы азербайджанцев.

— Все, что требовала от него диаспора, он честно выполнил, — пожал плечами Саканский. — Их законы протащил. Так, что они к нему претензий не имеют. Далее, как было обговорено, депутат волен найти себе другого заказчика.

— И другим заказчиком оказалась Солнцевская группировка, которой нужна кардинально противоположные законы?

— Почему бы нет? — улыбнулся Саканский. — Для профессионального законодателя не должно быть ничего невозможного. Тем более что международные события сыграли Солнцевским на руку. Саканский быстро сориентировался и начал призывать к консолидации против исламского экстремизма. А конечная цель — протащить в думе закон по ущемлению торговых прав азербайджанцев.

— И для этого была развернута информационная истерия о готовящихся в России терактах, — докончил мысль следователь.

— Естественно! Обыденная работа по формированию общественного мнения. Стандартный производственный процесс!

— Кто же писал заметки?

— Я писал. Писал и спускал «Московским вестям». Это такая помойка, куда можно спускать все.

— Выходит, вы и есть тот источник Сальникова? Кстати, откуда вы черпали информацию?

— Из интернета, — пожал плечами Саканский. — Интернет — еще большая помойка, чем «Московские вести». Так что, никакими новыми фактами я не оперировал. Все, о чем я писал, уже витало в воздухе в виде сплетен. Главное, подать сплетню в нужном ракурсе. Вот и все.

Следователь поморщился.

— Значит, трагедию американцев вы использовали в своих низменных интересах?

— Если бы только мы, — грустно улыбнулся Саканский.

— Еще многие на этом деле получают ордена и звания, и делают головокружительные карьеры. Да и сами американцы не упустят за счет своей национальной трагедии нагреть ручонки... Кстати, не уверен, что теракт — дело рук ближневосточных экстремистов. Скорее всего, самих же американцев...

Несмотря на вопиющий цинизм, Волошину понравился Саканский. Прежде всего, за откровенность, и за то, что он не пытался обелить себя. К своему убитому шефу секретарь

по связям с общественностью относился без должного уважения. Следовательно так и не удалось узнать, почему? «В принципе, заказать Саликова могли и азербайджанцы», — подумал Волошин и отпустил Саканского.

— Если понадобится — дома меня не ищите! Я в общежитии, в четырехэтажной комнате, — произнес перед уходом пресс-атташе и как-то странно усмехнулся.

После его ухода Волошин вызвал Телегина и приказал срочно доставить Таисию Львовну. «Нет, все-таки к убийству депутата азербайджанцы отношения не имеют, хотя избавиться от Саликова у них был резон», — размышлял следователь. Впрочем, окончательную точку в этом вопросе должна поставить пенсионерка Кондратьева. Она все видела в глазок. Если подтвердит, что в квартиру напротив никто из посторонних не входил, то Саликова убила жена.

Внезапно снизу позвонил дежурный и доложил, что следователя хочет видеть какой-то человек. Он не назвал имя. Но утверждает, что у него есть очень важные сведения по делу об убийстве депутата.

— Пропустить! — приказал Волошин.

Через три минуты дверь отворилась, и в кабинет с виноватым видом зашел невзрачный мужичонка с лисьей улыбкой на лице. Он несмело приблизившись к столу и шепотом произнес:

— Я пришел заявить, что госпожа Саликова в ту минуту, когда убивали депутата, была со мной...

41

Одежда сиротливо валялась на полу, а девушка стояла под душем и плакала. Ее ноги и руки были ободраны в кровь от шершавой стены здания, когда она сползала вниз. Ссадины Лилия заметила только сейчас, когда скинула платье. Вода разъедала их и начинала сочиться кровью. Раны нужно было смазать йодом, но до этого ли сейчас?

Внезапно дверь отворилась, и вошел Стас. От неожиданности девушка вскрикнула и прикрылась руками. Бандит едва заметно усмехнулся и подошел совсем близко. В руках он держал махровое полотенце. С той же хищной усмешкой, Стас протянул руку к крану и перекрыл воду. Девушка вырвала у него полотенце и стыдливо прикрылась.

— Выйдите, мне нужно одеться, — выдавила она нервно.

— Одеваться не обязательно, — хрипло ответил бандит и, схватив за локоть, выдернул в коридор.

— Нельзя ли без рук? — возмущенно воскликнула девушка и отдернула локоть.

Бессмысленное в ее положение восклицание возымело эффект. Бандит больше не пытался завладеть ее рукой. Он указал подбородком на лестницу в торце коридора, а сам пошел сзади. Они поднялись на второй этаж и остановились перед какой-то дверью. Стас толкнул ногой дверь, и перед взором пленницы предстала роскошная комната с камином и тигриной шкурой на полу. На стенах висели ружья и декоративные головы животных. Напротив камина — плазменный телевизор. В глубине комнаты вокруг стеклянного столика стояли невероятных размеров кресла и огромный диван. На столике початая бутылка коньяка, два фужера и ваза с фруктами. Окна были плотно зашторены, свет приглушен.

Седой мужчина сидел на диване с расстегнутой рубашкой и разговаривал по телефону. Не прерывая разговора, он едва заметно кивнул. Лилию грубо втолкнули в комнату, и она услышала, как сзади хлопнула дверь. Не отнимая от уха трубки, хозяин сделал знак, чтобы она подошла, и налил из бутылки в оба фужера.

Лилия покосилась на висящую саблю и робко приблизилась, не столько к дивану, сколько к сабле. Мужчина, наконец, закончил разговор и, вальяжно поднявшись с дивана, подошел к ней. Можно было метнуться к стене и сорвать со стены саблю, но пленницу точно парализовало. Хозяин с полуулыбкой вцепился в полотенце, в который была закутана невольница, и рванул на себя. Лилия вскрикнула и метнулась назад, а мужчина удивленно уставился на ее кровавые ссадины на ногах.

— Это еще что такое? — произнес он сердито. — Стас! — Сзади мягко открылась дверь. — Отдай ее ребятам!

Седой господин указал подбородком на пленницу и возвратился на диван. Конвоир грубо схватил девушку за руку и молча поволок в коридор.

— Я же сказала, без рук, — закричала пленница.

— Заткнись! — ответил он и толкнул в сторону лестницы.

Ноги уже не слушались, перед глазами все расплывалась. Если бы не отрезвляющие тычки сзади, возможно бы она свалилась без чувств. Внизу конвоир снова втолкнул ее в ванную и, отняв у нее полотенце, грубо приказал:

— Одевайся!

Несмотря на то, что девушка была в полуобморочном состоянии, приказ конвоира ее удивил. Она молниеносно оделась, и бандюга, все более нервничая, повел ее по коридору в сторону холла, откуда доносился разнузданный гогот мужичья. Внезапно в двух шагах от поворота Стас резко схватил ее за плечи и втащил в комнату с двумя кожаными диванами. Глаза его бешено блестели, со лба струился пот. Он был явно взволнован. «Сейчас придушит», — подумала Лилия. Она хотела крикнуть, но он заткнул ей рот. Сквозь грубые руки пленница чувствовала, как бешено колотится его сердце. «Нет, сначала изнасилует, а потом придушит».

Бандюга оторвался от нее и поднес палец к губам. После чего резво метнулся к окну, распахнул его и приказал:

— Беги!

— Куда? — растерялась пленница.

— Выпрыгнешь и сразу налево! Как упрешься в забор, посмотри по сторонам — там должна быть стремянка. Подставишь ее к забору и перемахнешь. Когда перебежишь через дорогу, сразу ныряй в проулок. За ним стоянка такси.

Стас вытащил из кармана пятидесятидолларовую банкноту, сунул ей в руку и, быстро заграбастав девушку, выбросил за окно. Лилия пришла в себя только после того, как, лежа на траве, услышала хруст закрываемого окна. Она вскочила на ноги и без оглядки рванула влево по аккуратной аллейке, обсаженной с обеих сторон шиповником. Вскоре аллейка повернула направо, но пленница продолжал бежать прямо через кусты к высокому забору. Уткнувшись в него, беглянка растерянно закрутила головой. Никакой стремянки по близости не было, а без нее забраться по совершенно гладкому забору не представлялось возможным.

Лилия побежала вдоль забора, и бежала довольно долго, пока не увидела ворота и около них двух архаровцев. Девушка тут же развернулась и помчалась обратно. Прежде чем она споткнулась о валявшуюся в траве лестницу, ей показалось, что она обогнула половину участка.

Беглянка подставила лестницу к забору и через мгновение уже была наверху. Пред ее взором предстала безлюдная улочка с такими же домами за глухими заборами. Прыгать было высоковато, но не сидеть же на заборе до появления пожарной машины? Беглянка зажмурилась и полетела вниз. Устоять после такого прыжка было невозможно. Главное, не растерять костей.

Лилия вскочила на ноги и, потирая ушибленный бок, понеслась через дорогу. Только нырнув в проулок, она позволила себе оглянуться. Погони не было. На горизонте тоже чисто. Можно даже позволить себе похромать.

Так, хромая, она доковыляла до какого-то рынка и спросила у первой попавшейся торговки про стоянку такси. Та посмотрела на Лилию не вполне доброжелательно и, молча, указала в сторону рыночной площади. Не успела девушка приблизиться к ней, как навстречу с готовностью бросились двое мужчин:

— Куда едем, мадам? — спросили они одновременно.

— В сторону Савеловского вокзала, — ответила беглянка и трусливо оглянулась.

— Шестьсот рублей, — сказал один из них.

Девушка кивнула, и второй тут же отвалил. Они сели в машину и, наконец, тронулись. Пассажирка всю дорогу озиралась и не верила в свое спасение. Только когда они доехали до Садового кольца, Лилия немного успокоилась и позволила себе задуматься.

А задуматься было над чем. Хотя бы над этим парнем, Стасом. Ей еще в Нижнем Новгороде показалось, что из всей четверки только в нем брезжило что-то человеческое. Еще она всегда подозревала, что он приврал браткам о том, что прохожий звонил по телефону. Приврал с умыслом спасти ее. А когда они на пустыре набросились на Станислава, он просто подставил свою голову под удар. «Да-да, — вспоминала девушка, — а удар был не таким уж и сильным, и он все драку просидел на корточках с зажатой головой...»

Такси остановилось перед домом однокурсницы. Девушка сунула таксисту пятьдесят долларов и кинулась к подъезду. Только бы Люська оказалась дома.

Видимо, фортуна снова повернулась передом. Люська оказалась дома. Открыв дверь, она даже не удивилась и со слезами кинулась обниматься.

— Лилька! — простонала она. — От меня муж ушел. Навсегда! Понимаешь? Нет, тебе этого не понять! Ты всю жизнь катаешься как сыр в масле. Ты никогда не поймешь всей глубины моей трагедии, — разрыдалась однокурсница.

— А почему он ушел? — спросила гостя.

— Валерка думает, что я ему изменила. А я — нет! Я не далась этому хрычу. Врать не буду. Сначала хотела с ним поехать, а потом, как отрезало. Противно стало, понимаешь? Да нет! Ничего ты не понимаешь...

«Да нет! Ничего ты не понимаешь!» — мысленно воскликнул Саканский, когда следователь сказал, что прекрасно поплыл по поводу того, чтобы не искать свидетеля по месту прописки. Он, должно быть, подумал, что молодой человек немного поживет в общаге и вернется домой. Но Саканский имел в виду совсем другое, что он больше никогда не вернется домой. Да и был ли у него дом? Нет! Это временное пристанище, а не дом. Общага больше похожа на дом, хотя подразумевает временное пристанище. Вот парадокс!

Молодой человек в наисквернейшем настроении вышел из прокуратуры и уныло поплелся в сторону Дмитровского метро. Сверху моросило, под ногами чмокала грязь, настроение было омерзительным.

«Жизнь зашла в тупик», — мелькнуло в голове. Пешеход остановился и вгляделся в небо. Все глухо и беспросветно, как и во всем. Осталось либо застрелиться, либо напиться до поросячьего визга.

Он побрел дальше, глядя под ноги и задаваясь все тем же дурацким вопросом, когда он успел превратиться в полное ничтожество. А ведь был талантливым. Это признавали и сокурсники, и преподаватели. От него ждали гениальных творений, да так и не дождались.

Молодой человек купил пива и, едва пригубив, со злостью шарахнул бутылку об угол дома. Ведь он всего лишь хотел временно отступить: и когда ушел из института, и когда женился ради квартиры на нелюбимой женщине.

У них был очень талантливый курс. Что не студент — то гений. И всех ярче, конечно, он, Саканский! Но в каждом стаде есть паршивая овца. Завелась и у них. Это Валера Новоскольцев. Он после двухмесячного отсутствия появился в институте с шальными глазами и пачкой долларов в кармане.

— Пишу депутатам релизы! О, какие там идиоты! Двух слов связать не могут! А лезут управлять страной...

Полкурса кинулись зарабатывать легкие деньги. На семинарах стало тоскливо и пусто. Это был девяностый год. Парламент первого созыва. Тогда об интеллекте народных избранников ходили анекдоты. Саканский знал об этом не понаслышке, потому что тоже поддался всеобщему порыву

стричь легкие бабки. До учебы ли было, когда деньги сами падали в руки.

— Заработаю миллион, положу в банк и буду жить на проценты! — разглагольствовал Новоскольцев. — Вот тогда и займусь настоящим искусством, чтобы в дальнейшем не отягощало материальное бремя. Нищета унесла жизни многих художников.

Мысль была разумной. Поддавшись ей, Саканский вслед за Новоскольцевым оставил институт и пошел работать в думу.

— Мы еще вернемся! — подмигнул Новоскольцев. — Все будут ездить на метро, а мы на «мерседесах».

Но самое смешное, что Саканскому не нужен был Мерседес. Ему нужна была крохотная комнатуха с пропиской, чтобы остаться в Москве. Как-никак, он родом из Горького. Возвращаться туда после Литературного института, было равносильно возвращению в небытие, поскольку литературной жизни в Горьком никогда не было со времен Максима Пешкова. А Саканский задался целью стать великим писателем.

Новоскольцев, как и обещал, заработал миллион, но в институт не вернулся, как впрочем, и все остальные, бросившиеся в коммерцию. Саканский тоже не вернулся. Но по другой причине. За восемь лет болтанки среди депутатов он так и не скопил на квартиру, зато семь лет назад свершил невероятную глупость: женился на москвичке, которая совершенно не волновала его как женщина. После этого в душе потухли последние искры.

А ведь ему нравилась Лиличка Пухова. Это ясноглазая, златокудрая прелесть, вдохновляющая одним своим видом. Но она бросила институт еще раньше. Вышла замуж за какого-то художника. Тоже, кстати, из Горького.

Словом, женился Саканский чисто из-за квартиры, рассчитывая, что после того, как накопит на жилье, разведется. Это было гнусно, но что поделать? Жить где-то нужно. Из общаги выгнали, квартиру снимать было дорого. Это уже потом за определенную мзду он застолбил в общежитии четырехместную комнату, в которой обитал будучи студентом, и в которой неоднократно бывала Лиличка Пухова. Когда она была рядом — жизнь казалась необыкновенной. Но после женитьбы, Саканский перестал себя уважать.

Это очень сказалось на отношении к нему окружающих. Депутаты, с которыми он работал, относились к нему пре-

небрежительно. Сначала Саканского это задевало, потом он смерился. «Черт с ними. Лишь бы деньги платили». Но в том-то и дело, что денег платили все меньше и меньше, а использовали его на полную катушку. Особенно ни в грош не ставил Саликов. Он обращался с пресс-секретарем, как с прислугой, нередко заставляя делать дела, далеко не законодательного порядка. Например, подавать и разливать коньяк, когда к депутату приходили его хозяева-азеры. Так он за свои унижения отыгрывался на помощнике, потому что его самого тоже ни во что не ставили. Но самым унизительным было, снимать для них девиц.

«Черт, — скрежетал зубами Саканский, подходя к общезнанию, — нужно было сразу послать его подальше. Если сразу не ставишь на место, затем садятся на голову». А какую взбучку он получил за эту девочку Нонну. Разве секретарь по связям с общественностью виноват, что ночная бабочка узнала Сальникова, когда он привел ее к нему: «А я вас видела по телевизору! Вы депутат. Рассказать девчонкам — не поверят...»

Костя ввалился в общагу в таком паршивом настроении, что даже не ответил на приветствие вахтера. «Если еще и Назарева нет, то можно сразу вешаться», — подумал он.

Однако Назарев, как ни в чем не бывало, культурно отдыхал на своей кровати, заложив руки за голову. При виде хозяина комнаты он произнес с обидой в голосе:

— Так ты оказывается депутат! Чего же мозги пудрил, что студент.

— Не бери в голову! — отмахнулся Костя, закидывая в шкаф куртку. — Во-первых, я не депутат, а так, шестерка при депутате, а во-вторых, ну их всех в задницу! Ты сам-то как в розыске оказался?

— Жена заявила! — вздохнул постоялец. — Вот теперь лежим-с и ждем-с дальнейшего поворота событий.

— Ты думаешь, она прибежит?

— Первым рылом! Менты сказали, что обязаны ее проинформировать о моем фактическом местопребывании. А ты почему в розыске?

— Потому что моего депутата грохнули.

— Кто? — вытаращил глаза Назарев.

— Кто-кто? Если я тебе скажу, что я, ты все равно не поверишь, — раздраженно ответил Костя.

Назарев расхохотался.

— Мне нравится, что ты даже в самую пакостную погоду не теряешь чувства юмора.

— Чем афоризмы выдавать, сгоняй лучше за водкой, Мужик, ты сам-то понял, че сказал? — рассеянно терянно отозвался Костя, присев на кровать. — Чем афоризмы выдавать, сгоняй лучше за водкой.

— А чего гонять? У меня вон из сумочки гжелочка торчит.

Литератор понимающе улыбнулся и отправился на поиски закуски. Потом, когда они чинно сели за стол, открыли банку кабачковой икры, наломали хлеба и с кряканьем выпили по стопке, у обоих на душе потеплело.

— Ну и как, — поинтересовался Костя, — если жена явится и начнет уговаривать вернуться, побежишь?

— Ни за что! — прохрипел с полным ртом Валера. — Я своими принципами не поступаюсь.

— Это правильно, — одобрил студент. — Стоит раз поступиться, и ты всю жизнь будешь на задворках. Я один раз поступился, и вот результат: у всех моих однокурсников уже по куче книг, а у меня ни одной. А все потому, что они не отступили от высшей цели, ради низшей.

— Какие твои годы, — махнул рукой Назарев. — Еще напишешь, и нагонишь своих однокурсников. А может, и перегонишь.

Костя грустно улыбнулся:

— А что! — воспрянул он. — Возьму и сяду завтра за роман. А? Жилье есть. До Нового года уплачено. На хлеб найду. Воду в кране еще не запретили.

— А я завтра поеду в Ярославль. Поступлю в театральный институт. А когда окончу, сыграю главную роль по сценарию из твоего романа. О чем там речь: как один идиот променял любимую женщину на истину? — засмеялся Назарев. — Обязательно сыграю. У меня всегда получались идиоты.

После этого стало весело. Друзья опрокинули еще по полстакана и начали клясться друг другу в вечной дружбе. Саканский перед лицом своего товарища божился, что роман непременно напишет, и что он принесет ему мировую славу, а также множество денежных премий. Назарев потрясал кулаком и кричал, что никаких сук он прощать не намерен, и что ему давно нужно было бросить фрезерный станок и взойти на театральные подмости.

По этой причине снова пили, снова клялись в вечной дружбе. И только перед сном, когда литератор интеллигент-

но вырубился на своей кровати, сильно захмелевший Валера со странной улыбкой подкрался к нему и вытащил у него из кармана белемнит.

— Должен же я, наконец, узнать, почему из епископа меня так резко понизили до чернорабочего?

Он потушил свет, не разуваясь, плюхнулся на кровать и поднес ко лбу кремневую пулю.

43

Когда вдова вошла и вздрогнула при виде ухмыляющегося мужичка, Волошин понял, что все, о чем говорил этот тип с лисьей улыбкой, чистая правда. Сальникова очень не хотела узнавать ухажера, однако пришлось. В конце концов, она слово в слово пересказала то, о чем поведал неожиданный свидетель.

— В таком случае, как ваши отпечатки оказались на пистолете? — задал бессмысленный вопрос следователь и сам же мысленно на него ответил: «Потому что она последняя кто брал его в руки. Неужели все-таки азербайджанцы? Вот геморрой! Нет, здесь прояснит только Таисия Львовна». Ничего не оставалось, как отпустить Сальникову по подписке о невыезде.

Не успел Волошин подписать пропуск, как позвонил Крымов.

— Как у вас продвигаются дела? — спросил он.

— Я нашел источник, — ответил Волошин.

— Да? Любопытно. Кто же это? — оживился старший следователь.

— Саканский. Все эти факты, изложенные в прессе, не более чем подтасовка. Мы с ним поговорили довольно откровенно. Это искусственное разжигание террористической истерии преследовало определенную цель — вытеснение с рынков азербайджанцев.

— Вот как? — удивился следователь мосгорпрокуратуры. — Значит, угрозы терроризма, по-вашему, не существует?

— Во всяком случае, убийство Сальников — дело рук не террористов.

— Вы продолжаете настаивать на бытовой версии?

— Уже нет, — ответил Волошин. — Только что я отпустил Сальникову по подписке. У нее алиби...

— А я что говорил! Наконец-то! — обрадовался Крымов.
— Ну, что ж, спасибо, Станислав Валерьевич! Со своей задачей вы справились. Завтра с утра привезите мне дело.

— То есть, моя помощь больше не нужна? — удивился Волошин.

— Да-да, дальше мы сами. Все, что было в ваших силах, вы сделали! Еще раз благодарю, и... будьте здоровы!

Раздались короткие гудки. Для Волошина это было настолько неожиданным, что он еще пару минут сидел с приложенной к уху трубкой. Неизвестно, сколько бы он еще просидел, если бы в кабинет не вошел Телегин.

— Станислав Валерьевич, Кондратьева доставлена. Вести?

— Нет! — устало выдохнул Волошин. — Отвезите ее обратно домой.

— Обратно домой? — удивился оперуполномоченный. — Вы не будете ее допрашивать?

— А за каким чертом? — поднял глаза следователь. — Нас отстранили от следствия.

— За что? — изумился оперуполномоченный.

Волошин в сердцах махнул рукой и посмотрел на часы. «Тем лучше. Раньше явлюсь домой. Наконец, хоть футбол посмотрю».

Каково же было бы его изумление, если бы он знал, что руководитель следственной комиссии звонил не из своего кабинета, а из чужого Мерседеса с темными стеклами.

Сунув телефон в карман, старший следователь повернулся к сидящему за рулем господину с бордовым шрамом на щеке:

— Все нормально! У Сальниковой алиби. Дорога открыта. Самое время обговорить детали. Итак, их должно быть минимум двое. Это первое. Второе: это должны быть чеченцы.

— На черта нам чеченцы? — возразил седой господин. — Разве азеры не могут быть террористами?

— Могут, — согласился следователь. — Но москвичи привыкли видеть в террористах чеченцев. Зачем разочаровывать обществу?

— Я не уверен, что реакция властей коснется азеров?

— Коснется, не сомневайтесь! Ну, хорошо. Чтобы вам не думалось, давайте компромисс. Так и быть, пусть будет один — азербайджанец, но другой обязательно чеченец.

— Мы подумаем. Где предпочтительнее?

— Где больше народу. Можно в Лужниках. Заодно скви-
таетесь с азерами за прошлогоднюю разборку...

44

«Отец Мой преобразил его за гордыню его, и отнят был от него свет, и стал облик его, как железо раскаленное, и как у человека стал весь облик его...» — услышал Назарев суровый торжественный голос, и хмель мгновенно вылетел из головы. В ту же секунду несчастный вспомнил все и от волнения свалился на пол. Он подбежал к окну, и ему захотелось кинуться вниз головой. Бедняга широко размахнулся и выбросил в открытую форточку этот проклятый чертовый палец, который, мгновение спустя, звонко ударился об асфальт.

— Все из-за него, — прошептал он зло и закрыл ладонями глаза.

Из-за него епископ Назарий потерял свою ученицу, Божественную Эскармонду де Фуа, а вслед за ней и самого себя. Потеря самого дорогого, подобно снежному кому, влечет за собой потерю всего остального, вплоть до личности.

Назарев взгляделся в оконное стекло, отражавшее тупую физиономию ломбардского солдата, и вдруг, что было сил, саданул кулаком по раме. Стекла каким-то чудом остались целы, и Назарев со стоном выбежал из комнаты. Он мчался по длинному коридору, и сердце его билось, зубы стучали, а между лопаток струился холодный пот. Было тихо. Поэты спали. Никто не шумел, не пил, не скандалил и не вышибал ногами двери. Нет! Это не Альма-матер поэтов — это спящее царство. Хоть бы единая живая душонка!

Назарев поднялся на пятый этаж, но и там было пусто. Этажом выше в общей кухне кто-то громыхал посудой, но это было совсем не то, что требовалось ему сейчас ему.

Ту, единственную, в которой нуждалась его сущность, он сам отдал за этот дурацкий чертов палец. А ведь белемнит стоил того. Если его положить в рот умирающему, то душа после смерти сохранит такое же ясное сознание, как воплотил. Назарев это помнил, как белый день. И когда поднялся на последний этаж, то почувствовал, что его душе нестерпимо тесно в этом бронированном, брэнном теле. Бедняга полез еще выше, на чердак, который оказался незапертым, пыльным и сильно загаженным голубями. Назарев всполо-

шил эту воркующую свору и по скрипучим доскам добрался до маленькой дверцы, ведущей на крышу.

Когда обезумевший фрезеровщик с остервенением пнул ногой чердачную дверцу, дышать стало легче. Но на душе было еще невыносимее, поскольку светила луна. КТогда-то, давным-давно, в неправдоподобном тринадцатом двенадцатом веке бывший священнослужитель также стоял на крыше своего замка, и сердце его сжималась от чудовищной глупости, которую он совершил, отдав в чужие руки весь смысл своего существования.

— Боже праведный, — прошептал он растерянно, озирая под ногами рассыпанную огнями Москву.

Все на Земле течет, меняется, гниет, тлеет, превращается в прах... затем рождается заново, чтобы заново сгнить и стать могильным прахом, а небесный свод все тот же. Также равнодушно глядит он на эту грешную Землю, и ему одинаково безразличен, что дикарь в набедренной повязке, что гений, творящий неземные шедевры. И тот, и другой видит с Земли одинаковое небо: те же звезды, то же солнце, ту же луну. И сердце Назарева снова сжималось от невыносимого одиночества. Он сделал шаг к этим огням внизу и тихо заплакал.

Она, прекрасная фея Эскармонда, всегда была милой и доверчивой: и тогда, когда она восьмилетней четырехлетней девочкой гоняла в пасла гусей в замке Монсежор гусей, и в свои двадцать, когда Назарий приказал ей отправляться в Альбу с тем господином из Парижа. Эскармонда также чисто посмотрела епископу учителю в глаза и радостно рассмеялась, не подозревая, что больше никогда не вернется в родной замок своего учителя.

— Как же так можно? — горько рыдал Валерий, — за паршивый кусок кремния отдать самое любимое существо в этом холодном и равнодушном мире?

В какой-то миг Назарев оторвал от лица ладони и решительно шагнул к краю карниза. «Чертов палец? — оскалился он недобро, глядя на бегущие под ногами машины. — Да это ничто! Это детско-бесполезная игрушка в руках младенца! И магия ничто! Это детский лепет по сравнению с великим законом возмездия».

Назарев плюнул вниз и в сердцах покинул крышу. Он спустился на шестой этаж и, не уловив ни малейших признаков жизни, уныло поплелся по коридору в сторону кухни, где несколько минут назад гремели посудой. Он увидел на газо-

вой плите копченый чайник, а на подоконнике маленькую поэтесску с зелеными глазами. Поэтесска задумчиво курила, глядя сквозь него в какие-то свои, одной ей видимые пространства. Несчастный приблизился к девушке, и она с готовностью протянула пачку с сигаретами.

— Я не курю, — печально произнес Назарев, отклоняя ее руку, — а впрочем, давай покурим.

Мужчина неумело прикурил от ее сигареты, обронив пепел на свои ботинки, с шумом затаился, закашлялся и замолотил по груди кулаком. Поэтесска, молча, покосилась на него, но осталась такой же невозмутимой, как была.

— Так значит, и вы не читали «Тайную книгу Иоанна»? — пробормотал он риторически, словно продолжая свой бесконечный и никогда не прерывающийся монолог. Студентка отрицательно покачала головой. Назарев сокрушенно выдохнул вместе с дымом:

— Жаль! А может и к лучшему, что не читали. Эту книгу еще называют Альбигойской ересью, но это ровным счетом ничего не меняет. Не важно, как ее называют, а важно, как она влияет на умы. А ведь Христос в ней прямо говорит, что мир и человека сотворил Сатана по образу и подобию своему, но и это не важно, а важно то, что в книге ни слова не говорится о том законе, который индусы называют Кармой. А этот закон всемогущ. От него невозможно спрятаться ни здесь, ни на небесах. Он найдет тебя в любой точке вселенной и призовет к ответу.

Поэтесска бросила нетерпеливый взгляд на чайник и опять осталась невозмутимой. Валерий взглянул в ее зеленые глаза и спросил:

— А «Египетскую книгу мертвых» вы тоже не читали? И правильно! Это чушь собачья! Вот уж воистину детский лепет по сравнению с тем, что нас действительно ожидает там, — поднял палец Валера.

Затем, опомнившись, уныло указал на пол.

Но и на такое откровение от незнакомца студентка не среагировала, а только слегка отстранилась. Назарев глубоко затаился и искривился, точно проглотил таракана, но сигареты не бросил.

— И «Тибетская книга Великого освобождения» чушь! — продолжал Назарев. — Какие могут быть инструкции для того света, когда этот свет сам нуждается в инструкциях. И чертов палец, который сохраняет рассудок после смерти, если его положить в рот умирающему, тоже чушь! И чушь

втрое! Только чистое сердце способно сохранить твоё полное «я».

Назарев посмотрел на студентку испытующе и, наклонившись к её уху, горячо прошептал:

— А ведь я клал! Не верите? Но всё это чушь. Чушь! А вот возмездие за твои поступки — это серьёзно. Собственное бессмертие на смертях других не построишь!

Поэтесска и на это признание промолчала, и несчастному Валере захотелось разрыдаться и уткнуться мокрым носом в плечо этой хрупкой студентки.

В ту же минуту он начал с жаром рассказывать про Божественную Эсclarмонду — этакую смесь ангельского обаяния с детским целомудрием. Но после того как бедное дитя отказалась идти на потеху толпе по воде, они, эти знатные благородные господа в изящных кружевах, швырнули её солдатам.

Назарев закрыл глаза и заскрежетал зубами, но выдавшую виды студентку Литературного не испугало и это. Она также спокойно покуривала и зорко следила за чайником. А Назарев продолжал повествовать, что с того дня, как посадил Эсclarмонду де Фуа в карету Рейнерио Сакони, его покинул покой, и он стал ежедневно ожидать карающей десницы Господней, потому что кому как не ему был известен никого не щадящий закон возмездия. Возмездие не щадит никого: ни отступников, ни праведников. Он не щадил великие империи, культуры, цивилизации. Все они превратились в руины, потому что они все были замешаны на крови. Он не пощадил Рима, не пощадит и Америки. Чего уж говорить о жалких смертных.

И через три года расплата действительно наступила.

Девушка издала грудной звук, похожий на сочувственный вздох, и достала новую сигарету.

Да-да, через три года! Это произошло весной. Однажды ночью из замка исчезла вся прислуга и все его солдаты, которые дали бы отпор любому сброду ремесленников, которые разрушают замки и заставляют знатных вельмож жить в их вонючих городах. Что удивительно, но И в ту же ночь исчез и его личный рыжеволосый охранник, солдафонский вид которого так долго грел усталую душу епископа. Так, наверное, душу пьяницы греет развалившаяся в луже свинья, потому что даже он, жалкий пропойца, чувствует над ней свое превосходство.

Когда они исчезли из замка, стало невыносимо жутко. И именно с этой минуты «Отец Небесный стал преображать его (Назаревское нутро) за гордыню и отнимать у него свет», ибо гордыня и презрение к ближнему и есть самый смертный грех, потому что перед Богом равны все. Для Него нет ни высших, ни низших рас, ни правоверных, ни иноверцев, ни великих, ни презренных — перед Ним все одинаковы. «Так вот за что Отец Небесный сделал лик мой как железо, — грустно покачал головой Назарев, — вот почему я вожусь с железными болванками, а не продолжаю познавать тонкости Божественного Духа...»

Итак, в ту ночь в предчувствии конца епископ Назарий одиноко бродил по залам громадного замка, держа наготове чертов палец. А на рассвете ворвались они...

В это время чайник на плите забулькал, и девушка, прыгнув с подоконника, понеслась с ним по длинному общежитскому коридору.

45

После того, как Люся выплакалась в хрупкое плечико своей институтской подруги, принявшей ее несчастье как свое, она, наконец, заметила, что гостья одета не совсем по сезону.

— Лильк, ты что, ходишь в одном платье?

— На улице не холодно.

— Все равно не май месяц. Бог ты мой! Ты даже без колготок.

Хозяйка внимательно осмотрела гостью с ног до головы и увидела, что ее руки в ссадинах, ноги в синяках. Лицо же измождено, под глазами чернота, а в глазах собачья тоска.

— Лилька, где тебя носило? — вытаращила глаза подруга.

— Лучше не спрашивай! — устало махнула Лилия. — Какое сегодня число?

— Девятнадцатое октября.

— Роняет лес багряный свой убор, — задумчиво пробормотала она, затем встрепенулась. — Боже мой! Завтра вечером из Парижа прилетает муж. Мне нужно войти в норму и привести себя в порядок. Я прилягу. Ладно?

— Конечно. Идем, провожу в спальню. А что случилось? Ты что, загуляла что ли? — приглушила голос хозяйка.

— Вроде того, — вздохнула Лилия. — Потом расскажу.

Гостья упала на супружескую кровать Назаревых, и глаза ее тут же слиплись. Люся заботливо укрыла подругу двумя пледами, затем присела рядом и хотела завести разговор, но в гостиной зазвонил телефон. Хозяйка вышла из комнаты, плотно прикрыв дверь. Через минуту она снова влетела с пунцовым румянцем на щеках:

— Лилька, милиция нашла Валерку. Он ночует в общежитии Литературного института, в четыреста шестнадцатой комнате.

Гостья приподнялась на локте и грустно улыбнулась:

— Надо же какое совпадение. Когда я училась в Литературном институте, в четыреста шестнадцатой комнате жила моя первая любовь. Я там была неоднократно.

— Лилька, сходи! — простонала хозяйка. — Поговори с ним. Тебя он поверит. Тебе нельзя не поверить. Ты ангел.

— Да, конечно! — с готовностью отозвался ангел, соскользнув на пол. — Собирайся! Пойдем вместе. Ты постоишь за дверью, а я поговорю.

Хозяйка хотела кинуться в прихожую, но, взглядевшись в усталое лицо подруги, внезапно передумала.

— Нет, Лилька, сейчас тебе нужно поспать. Видок у тебя не располагает к разговору. Ложись, отдыхай. Пойдем завтра с утра.

Гостья снова нырнула в постель и в ту же минуту точно провалилась в черную яму. Хотя, конечно, не в яму, а гораздо глубже.

Сначала была жуткая темнота, а потом обозначились какие-то тусклые светильники на каменных стенах. Это были не стены замка Гата, ее учителя и второго приемного отца. Это было что-то другое, зловещее, жестокое и страшное. Девушка знала, что когда снится что-то страшное, нужно посмотреть на руки. Она кинула взгляд на свои прозрачные кулачки и ужаснулась еще больше. Они сжимали железные прутья. Это уже потом пленница сообразила, что она сидит в железной клетке какого-то подвала, а под ногами ползают крысы.

Но как она сюда попала? Пленница напрягла память и вспомнила четырех знатных вельможей в пышных кружевах. Трех из них она знала. Первый был тот самый спонсор, согласившийся выпустить альбом картин ее мужа, второй — лысый, которого убили, третий — седой мужчина со шра-

мом на щеке, и только четвертый, говорящий с кавказским акцентом, ей был незнаком.

Что-то они от нее требовали. Ах да! Пройти по воде и от имени Христа призвать толпу на борьбу с иноверцами. Но она не могла этого сделать, потому что Христос никогда не призывал к борьбе, а призывал к смирению. Он учил, что перед Богом все равны, и поднимающиеся над людьми возвышающиеся среди людей — наоборот падает в глазах Господних.

Они пришли в ярость, эти изысканные вельможи в павлиньих одеждах, и приказали заточить ее в темницу. Господа пригрозили, что если к утру она не передумает, то ее, благородную графиню, отдадут солдатам, и тогда она на собственной шкуре испытает, что значит, быть равной в грубой толпе.

Внезапно дверь наверху заскрежетала, и пустоту подвала осветила два факела. Пленница поняла, что ночь миновала. По ступеням спускались двое: тот самый вельможа, похожий на кавказца, и стражник. Они подошли к ее клетке, и вельможа спросил:

— Ну, так как?

Пленница отрицательно покачала головой.

— Ты хорошо подумала? — спросил он, нахмурившись.

— Я не собираюсь предавать Отца Небесного ради ваших низменных желаний целей, — бесстрашно ответила девушка.

Глаза вельможи налились кровью.

— Эта ведьма! Ее надо съжечь. Но сначала пуст с ней пазабавятся маи воины.

Стражник отпер решетку и грубо вытащил ее из клетки. По каменным ступеням они поднялись наверх и вышли на крепостную стену. Внизу простиралось река. Можно было вырваться и кинуться вниз головой, но пленница прекрасно знала, что смертному следует до конца испытать свою земную чашу.

Навстречу вышли четыре стражника с копьями. Девушка взгляделась в их лица и вздрогнула. Это были те самые бандиты из Нижнего Новгорода.

Вельможа что-то тихо шепнул и мгновенно исчез со своим немым телохранителем. Стражники окружили пленницу, нечисто облапили взглядами и, тронув ее тупыми концами копий, приказали спускаться вниз. Они вывели узницу за крепостные ворота и грубо погнали вдоль берега к солдатским шатрам. По мере их приближения, снующие между костров,

воины оживали. В солдатских рядах рождался гогот, а у пленницы от ужаса холодело в груди. Девушка трижды раскаялась, что не бросилась вниз головой со стены.

Внезапно навстречу вышел светловолосый человек с золотой бородкой. Он взглянул в глаза пленницы, и девушка вздрогнула. Это был муж. «Но меня он уже не спасет», — тоскливо мелькнуло в голове.

Человек преградил им дорогу и спросил:

— Кто приказал привести ее сюда?

— Поди прочь! — ответил один из конвоиров, отталкивая его копьем. — Не твоего ума дела!

Светловолосый воин улыбнулся, затем неожиданно выхватил из рук стражника копье и ткнул тупым концом ему в горло. Трое других опешили. Однако их недоумение длилось недолго. Они с воплем кинулись на солдата, на тот ловко отбил все три копья.

— Беги! — крикнул он пленнице и ринулся в атаку. После короткой схватки, он поразил копьем одного, затем другого, а третий — раздробил ему ногу.

— Беги! — снова крикнул воин, падая на одно колено и продолжая отбивать выпады разъяренного конвоира.

Но пленницу точно парализовало. Она, временно оставленная без внимания, она растерянно попятилась назад, но бежать не могла. А тем временем, со стороны солдатского бивака уже мчалась к месту драки разнузданная орда.

— Да беги же, наконец! — в третий раз крикнул муж, и в тот же миг копье конвоира вонзилось ему в живот. Он покачнулся, захрипел, но удержался на ногах. В это время пришел в себя первый стражник, получивший дровком по горлу. Он подкрался сзади и вонзил в спину раненому меч. Стоящий на одном колене муж издал короткий стон и рухнул лицом в песок. Пленница вскрикнула. Она обернулась: бежать было поздно. Со стороны крепости тоже приближалась ощерившаяся копыями свора. Не сводя глаз с убитого воина, девушка медленно попятилась к реке.

— Держи ее! Утонет! — услышала она озабоченные крики.

В ту минуту, когда она дошла до воды, угрюмое полукольцо воинов сомкнулось. В их глазах сверкала что-то звериное. «Точно так же, наверное, на загнанную лань смотрят волки, — подумала она. — А ведь это люди, которые с именем Христа идут отвоевывать гроб Господня».

— Прости им, Господи, — прошептала девушка. — Ибо они сами не ведают, что творят.

Она шагнула в воду, и воду ее удержала. Девушка сделала второй шаг, и грубая солдатня в ужасе попятилась назад.

— Мать Божия! — пронеслось в толпе. Кто-то принялся поспешно креститься, кто-то испуганно упал на колени, а у лучников попадали на землю уже вложенные в тетиву стрелы.

От невероятной тишины, воцарившейся в то утро под стенами крепости, проснулся вельможа с лицом спонсора. Он вышел на крепостную стену и, увидев идущую по воде женщину Эсклармонду, счастливо улыбнулся:

— Она все-таки пошла по воде. Теперь это надо представить толпе, как благословение Господа восьмого крестового похода на Иерусалим похода на Альбу. Это сможет сделать только Рейнерио Сакони...

46

Продрав наутро глаза, Валера не вспомнил ни единого фрагмента из своих ночных блужданий по этажам. Костя уже встал, умылся и соображал насчет завтрака, орудуя ножом на обшарпанном столе. В комнату деликатно постучали.

— Открыто, — подал голос Костя.

Дверь отворилась, и в комнату вошли двое стриженных парней. Они мельком осмотрели помещение, задержав взгляд на Назареве, и безошибочно обратились к хозяину:

— Константин Леонидович, нам нужно с вами поговорить.

Костя помрачнел. Было видно, что этих людей он не знал, но предполагал, кто они и зачем явились. Хозяин комнаты вышел в коридор и пробыл там около пяти минут. Вернулся злым, раздраженным, с сотовым телефоном последней модели. Швырнув его на кровать, снова взялся за нож.

— Кто это? — поинтересовался Назарев, приподнявшись на локте.

— Братишки из Солневской группировки.

— Серьезно? А чего им от тебя надо?

— Уговаривают баллотироваться в городскую думу.

— От их округа? — изумился Назарев.

Костя рассмеялся.

— На их деньги, чудак! Были бы деньги, а округ найдется. Потом можно выбрать любой. Хоть Колумбия.

— Ну и как ты? — подмигнул Валера.

— Отказался.

— А они тебя не грохнут? — перешел на полупшепот Назарев.

— Сейчас не грохают. Это тебе не девяностые. Сейчас все можно решить административными методами. У них давно свои люди во власти.

— И в органах? — изумился спросил Назарев.

— А то! По-твоему, от кого они узнали, что я здесь.

— А телефон зачем дали?

— Чтобы я позвонил, если надумаю. Но я не надумаю. Так что если тебе нужен телефон, то можешь взять. Дарю!

Назарев вылез из постели, взял в руки мобильник и поцокнул языком.

— Недешевая труба. Пожалуй, нет! Не откажусь.

Костя разлил по стаканам кефир и сделал приглашающий жест. Товарища не пришлось долго упрашивать. Он двинул к столу тумбочку и сразу навалился на бутерброды. Но в ту минуту в дверь снова постучали.

— Открыто! — крикнул Костя с полным ртом. — Дверь отворилась, и в комнату вошли два хорошо одетых кавказца. Они, как и предыдущие, зыркнули глазами по комнате, задержав взгляд на квартиранте, и безошибочно обратились к хозяину:

— Извыните, Канстантин Лыаныдович, что атвлекаэм вас от завтрака, но нам нада с вамы пагаварыть.

Костя взглянул на сотрапезника и тяжело вздохнул. Он вышел с ними в коридор и пробыл за дверью около семи минут. Вернулся пунцовым и еще более раздраженным, с сотовым телефоном в руках, который брезгливо швырнул на ту же кровать.

— А это кто? — удивился Назарев, покосившись на телефон.

— Азербайджанская диаспора.

— А им чего надо?

— То же самое. Просят, чтобы я занял место убитого Сальникова. Хрен им всем! — сделал выразительный жест Костя и жадно вгрызся в бутерброд.

— У них тоже свои люди во власти? — поинтересовался Назарев, беря в руки мобильник.

— Как видишь, если узнали, где я. Но эти просто так не отстанут. Будут пасти день и ночь до самых выборов. Кстати, их телефон тоже можешь забрать.

— Зачем мне два? — удивился Назарев и достал из кармана Солнцевский телефон. — Даже не знаю, какой лучше. Позвоню-ка я на Ярославский вокзал.

Пока он звонил, Костя допил кефир и сыто отвалился на кровать, раскрыв очередную книгу. Вскоре затих и Назарев, узнав, что поезд отправляется в половине седьмого вечера. Валера уставился в потолок и задумался. Что же такое случилось ему сегодня ночью? Явно что-то интересное. Но вспомнить не дали. В дверь снова постучали. На это раз стук был грубым и нетерпеливым. Мужики переглянулись.

— Открыто! — произнесли они одновременно, и в комнату ворвалась заплаканная женщина.

По виду постояльца Костя понял, что это его жена.

— Валера! — с плачем воскликнула женщина. — Сейчас только что похитили Лильку.

— Какую еще Лильку? — поморщился Назарев, не отрываясь от подушки.

— Ну, Лильку, мою однокурсницу, из Парижа! Неужели не помнишь? Лилька Пухова — кудрявая блондинка!

— Пухова! — воскликнул Костя. — Лилия Пухова? Она жива? О, боже мой!

Гостья наконец обратила взор на хозяина комнаты.

— А вы Костя? Она мне рассказывала, что вы вместе учились...

— Где, когда и кто ее похитил? — перебил Саканский, трясясь крупной дрожью.

— Только что, перед входом в общежитияе. Из иномарки выскочили какие-то кавказцы, спросили: «Ты Зульфия?» И потащили в машину.

— Иномарка — БМВ темно-синего цвета?

Женщина кивнула. Костя вырвал из рук Назарева один из телефонов и, дважды нажав на «ОК», произнес дрожащим голосом:

— Это я, Саканский. Нам нужно срочно встретиться.

47

ВА в этот же день и в эту же минуту неподалеку от входа в Лужники одному молодому азербайджанцу, перегородили дорогу двое его земляков. Они заговорили с ним по-азербайджански, но если перевести на русский, то разговор был приблизительно такой:

— Откуда, друг?

— Из Баку.

— Как звать?

— Джангиром меня звать. А что?

— Да просто интересуюсь, поскольку земляки. Давно в Москве?

— Только неделю. Дома работы нет. Приходится здесь выкаблучиваться.

— Товар подносишь? — поморщились земляки. — Ай-яй-яй! Не солидно. Сколько тебе платят за час?

— За час? — удивился Джангир. — В день самое большее пятьдесят рублей, и то если обувь идет. А сейчас все плохо идет.

Мужчины неодобрительно покачали головами.

— Не очень щедрые у тебя родственники. Такому орлу пятьдесят рублей платить. Или твои хозяева не родственники.

— Да нет! Какие родственники? Просто земляки.

Мужчины переглянулись, и один сказал другому:

— Надо помочь парню. Скоро холода, а он в тоненькой ветровке бегаёт. Не порядок.

— Ясное дело, что не порядок, — согласился второй.

— Вот что, — снизил голос первый. — Есть работа. Не пыльная, но денежная. Двести баксов в час.

— Двести? — Глаза парнишки вспыхнули. — Я согласен! А что нужно сделать? Я все сделаю, что скажете.

— Ничего особенного, — спокойно ответил мужчина. — Нужно посидеть в машине, постеречь товар. Где-то пару часиков. Нам надо съездить в одно место.

— А что за товар? — насторожился парнишка.

— Так, барахло, — скорчил гримасу второй. — Двести баксов плачу сейчас, двести после возвращения.

Мужчина лениво сунул руку в карман и вытащил две сто-долларовые банкноты. Юноша алчно вцепился в купюры и преданно заглянул в глаза:

— Ведите!

Его подвели к белой «шестерке», в которой сидел какой-то молодой чеченец. Он без любопытства взглянул на Джангира, после чего перевел взгляд на мужчин.

— Вот тебе, Ахмат, помощник, — подмигнули они. — Как договорились, ты за старшего. Через два часа мы будем.

Мужчины тут же исчезли, а Джангир, расположившись на переднем сиденье, спросил у своего нового товарища:

— Тебе тоже обещали двести долларов в час?

— Чиво? — поморщился чеченец. — У нас в селе за такие деньги никто не почешется. Нашли идиота! Я потребовал пятьсот.

Джангир откинулся на сиденье, не без досады подумав, что круто продешевил. «Эх! Вот... Как бы знать раньше! Шайтан вас за ногу!» Впрочем, молчание длилось недолго. В скором времени выяснилось, что Ахмат из-под Гудермеса. В Москве тоже около недели. Сюда приехал, чтобы не попасть под зачистку. И тоже работает на рынке у одного грузина. Однако поговорить как следует не дали. К автомобилю неожиданно подвалили четыре милиционера и потребовали документы.

Джангир сразу протянул в окошечко свой паспорт с регистрацией в Подмоскowie, а Ахмат замешкался. Порывшись в карманах, он произнес хмуро:

— Мой паспорт у хозяина.

Блюстителю переглянулись.

— Ваши водительские права!

Молодые люди посмотрели друг на друга и задумались.

— Это не наша машина, — признался Ахмат после короткого молчания. — Нас попросили посидеть здесь и постеречь товар. Мы их не знаем. Они скоро должны вернуться.

Внезапно один из милиционеров наклонился и поднял с земли какую-то бумажку.

— А это что? Тоже не ваше? — спросил он, подозрительно вглядываясь в мятый листок.

— Нет, — ответил Джангир.

— Да это же план Лужников, — удивился второй милиционер. — И на нем какие-то крестики.

Молодых людей попросили выйти из машины, и милиционеры принялись деловито обшаривать салон. Внезапно один из них вытащил из-под сиденья пистолет.

— Тоже не ваш? — нахмурился он.

— Нет, — сердито ответил чеченец и вдруг рванул с места.

Его тут же сбили с ног и заломили назад руки. Джангира тоже уткнули носом в землю и наставили на затылок автомат, хотя он не собирался убежать. Тут же, откуда не возьмись, появился отряд оперативников. Лежа на земле, Джангир услышал разговор о результатах обыска, которые, впрочем, и не пытались скрывать.

— Найден еще один пистолет в бардачке машины. В заднее сиденье вмонтировано взрывное устройство. В багажнике мешок с каким порошком белого цвета. Без экспертов не вскрывать!

— Это не наше! — отчаянно закричал чеченец и получил сапогом в скулу.

48

Ровно через полчаса после Костиного звонка неразлучная парочка стояла перед элегантным азербайджанцем в атласном костюме. Лицо Саканского было взволнованным, лицо Назарева разъяренным. Кулаки последнего были сжаты, лицо насуплено. Его воинственный вид вызывал беспокойство у телохранителей главы диаспоры.

— Где девушка? — спросил Костя, едва их ввели в просторный холл четырехэтажного дворца с бронированными окнами.

— Какая девушка? — поднял брови хозяин.

— Которую твои люди умыкнули с улицы Добролюбова.

— Вы имеете в виду Зульвию? — удивился азербайджанец.

— Я не знаю, почему вы ее называете Зульвией, но я требую, чтобы ее отпустили немедленно.

Глава диаспоры немного помолчал, затем покосился на сопящего сбоку Назарева.

— А причем здесь девушка? Я думал, у нас будет интересный разговор на серьезную тему.

— Пока я не увижу ее, ни о каком разговоре не может быть речи.

Азербайджанец снова подумал. Было видно, что требование гостя ему не понравилось, однако, изобразив улыбку, он дипломатично кивнул одному из своих людей:

— РЧто ж, раз так, то приведите ее.

Через минуту в холл ввели Лилию. Ее лицо было заплаканным, но при виде однокурсника оно тут же озарилось лучезарным светом. Бедняжка радостно кинулась к нему на шею:

— Костя! Ты за мной?

— За тобой, — выдохнул он и тревожено покосился по сторонам. От внимания Саканского не ушло, что в эту минуту в помещении произошла небольшая дислокация. Часть

азербайджанцев перекрыла выход, засунув руки в карманы. Двое спереди прикрыли плечами хозяина. Четверо со спины приблизились к Назареву. Лилия нетерпеливо потянула Костю к выходу, но он вырвал руку и подошел к главе.

— Вы должны отдать эту девушку мне.

— С какой стати я должен отдать тебе то, что является собственностью диаспоры, — усмехнулся хозяин.

— Живые люди не могут быть собственностью.

Глаза азербайджанца хитро сузились.

— Собственностью является то, за что заплачены деньги. Депутат за нее выложил десять кусков. Но поскольку его убили, она перешла по наследству к Баху. И перешла незаконно. Баха тоже убили за то, что он самовольно попытался завладеть собственностью диаспоры, предназначенной для депутата. В результате девушку, без всякого права захватили Солнцевские. Но сейчас она, наконец, приобрела законных владельцев, ибо, согласно договору, наследником собственности депутата до той минуты, пока он в должности, является диаспора. Поэтому, извините, но подарить ее вам мы не можем.

Азербайджанец развел руками и сделал шаг назад за плечо телохранителя.

— Во-первых, — произнес Костя. — Речь о продаже не шла. Речь шла о том, чтобы я на время свалил из ресторана. Чтобы Саликов от меня отвязался, я сказал, что мое исчезновение будет стоить десять кусков. Откуда я знал, что он сразу выложит такие бабки?

— Так вы приняли деньги? — сощурился азербайджанец. — Значит, продали!

— Что? — воскликнула Лилия. — Ты меня продал, Костя?

— Что? — вторил ей Назарев. — Да за это убивают...

Кулаки его снова сжались, но теперь они явно предназначались не для азербайджанцев.

— Тише, вы! — гаркнул Костя. — Положение серьезное. Я подонок. Признаю!

Он снова повернулся к главе и гневно сверкнул глазами: произнес:

— До вас в России людей не продавали. Это вы, азербайджанцы, учредили здесь рабство!

— Ты деньги взял, а значит продал ее, — упрямо повторил азербайджанец.

— Хорошо, — вздохнул Саканский. — Согласен с вами, что собственностью является то, за что уплачены деньги. Я выкупаю ее обратно. Через час я привезу десять тысяч баксов.

— Но она стоит двадцать, — улыбнулся азербайджанец.

— Почему? — нахмурился Костя.

— Потому что инфляция, — засмеялся хозяин, и все вокруг тоже загоготали.

Костя задумался.

— Хорошо, — произнес он тихо. — Через полтора часа я привезу двадцать тысяч. Мой друг останется с ней.

— Ты мне не друг, — отозвался Назарев...

— Хорошо! Ладно. Пусть не друг. Но ты же не откажешься остаться с Лилией?

Через полчаса Саканский уже звонил в собственную квартиру. Дверь открыла жена. Она радостно взвизгнула и бросилась на шею.

— Наконец-то! Я так соскучилась! Ты где пропадал?

Костя холодно отстранил ее и, молча, проследовал в свою комнату. Он выгреб из тайника в столе все до единого доллара (а было чуть более десяти тысяч), сунул в карман и также, молча, направился к двери.

— Поустой! Ты куда? Ты опять уходишь? — засемила за ним жена.

Костя остановился и, взглянув в ее испуганные глаза, произнес:

— Я больше не вернусь. Прости, я тебя никогда не любил.

Саканский сильно хлопнул дверью, и с плеч как будто свалилась гора, хотя он по-прежнему не знал, где искать остальные десять тысяч? Ничего не оставалось, как поехать на улицу Руставели.

Молодой человек вышел на углу Добролюбова и направился к дому номер восемь. Войдя во двор, он поднял глаза на окна покойного депутата и в нерешительности застрял у калитки. Затем махнул рукой и отважно проследовал к подъезду. Костя без труда набрал код и поднялся на второй этаж. Он не раз бывал у шефа, поэтому подъезд был ему знаком. Однако на этот раз секретарь позвонил в квартиру напротив. «Раз она вызвала милицию, значит, в тот вечер заходила к ним», — стучало в висках.

Когда пенсионерка Кондратьева открыла молодому человеку, то едва не лишилась чувств. Она испуганно попяти-

лась, проглотив язык, но уперлась лопатками в собственный трельяж:

— Узнали? — подмигнул он. — Вижу по глазам, что узнали. Только не говорите, что в тот вечер не подглядывали в глазок. Я все прекрасно видел. Ближе к делу: где деньги?

Пенсионерка отрицательно покачала головой и указала пальцем наверх. Она долго мычала, пытаясь что-то объяснить, но никак не могла совладать с языком. Наконец, выдавила из себя с большим трудом:

— К-качалова из д-двадцатой квартиры... Она з-заходила.

Молодой человек, не произнеся больше ни слова, развернулся и направился на третий этаж. Когда ему открыла рыжеволосая сучка с обволакивающим взглядом, он просто шагнул на нее и захлопнул за собой дверь:

— Деньги давай! — произнес он хрипло, протянув руку.

— Какие деньги? — вытаращила глаза хозяйка, еще не придя в себя от такого обхождения.

— Которые ты умыкнула у покойника.

— А вы кто? — испуганно прошептала она.

— Убийца, — прохрипел гость.

— Убийца? Ой! Мама...

— Тише! Мама не поможет. Деньги!

Когда через три минуты Качалова подглядывала из окна за этим типом, пересекавшим двор с ее деньгами, с которыми она уже сроднилась, то мысленно поблагодарила Бога, что отделалась так легко.

49

Несмотря на то, что нужная сумма нашлась, Саканский не был уверен в том, что ему удастся вытащить Лилию. Это просто чудо, что она жива. Ночную бабочку Нонну, которая узнала депутата, забили арматурой. Она умерла в больнице через две недели после нападения на нее на стройке. Костя узнал об этом слишком поздно и слишком поздно понял, что девушку убили по заказу Саликова.

Молодой человек покачивался на заднем сиденье такси, сжимал в кармане две пачки долларов и скрежетал зубами. А все из-за того, что он однажды поступился принципами. А ведь стоит только раз поступиться и дальше — как лавина...

Молодой человек со стоном зажмурил глаза, и водитель кинул тревожный взгляд в зеркальце.

А ведь стоит только раз отступить, и ты уже не принадлежишь себе — ты раб обстоятельств. Не следовало брать из его поганных рук эту грязную пачку долларов. Но при виде их, в мозгах прагматично сверкнуло, что если их приплюсовать к заглазнику, то можно купить квартиру и, наконец, освободиться от нелюбимой женщины. Игра стояла свеч. Свобода за то, чтобы оставить их наедине...

«Нет-нет, — затряс головой пассажир. — Не нужно себя обманывать». В глубине души он догадывался, чем это могло закончиться, тем более что он знал про Нонну, которая на другой день после сауны с Саликовым загремела в травматологию. Знал, но опять-таки не поинтересовался подробностями.

А ведь это он снял Нонну для Саликова у казино. Значит, кровь девушки на нем. И Пухову с Саликовым тоже свел он. Но свел из самых чистых побуждений, и для этого даже выбрался из своей уютной общаги. Да, факт — остается фактом. Это он, пресс-атташе, уговорил депутата профинансировать альбом Нижегородского художника из внебюджетного фонда. В конце концов, Саликов дал согласие, но при условии, что во время избирательной кампании художник напишет несколько его портретов. Кто же знал, что распустившийся законодатель потребует в придачу Лилию?

В тот день после их отъезда с Бронной Саканского охватила жуткая тревога. Дойдя до Тверского Бульвара, он остановился на углу и встал, как вкопанный. Нонна никак не выходила из головы. Костя достал из кармана телефон и принялся обзванивать больницы. Внезапно в нейрохирургии института Склифосовского подтвердили, что Нонна Лазуткина действительно лежала у них, но на днях умерла.

— Отчего? — испугался Саканский.

— От начавшегося менингита. После операции она пошла на поправку, но через две недели у нее неожиданно поднялась температура и девушка скончалась.

— А с чем она лежала?

— Девушка поступила к нам с травмой головы. После операции она неделю лежала со вскрытой черепной коробкой, чтобы упало внутреннее давление. Давление потом вошло в норму, и мы подумали, что теперь ее жизни ничто не угрожает. Но у больной начался менингит.

— Вы в курсе, что с ней произошло?

— Это, пожалуйста, к милиции. Милиционеры здесь ходили толпами. Короче говоря, ее ударили тяжелым предметом.

— Кто? — прохрипел Костя.

— Откуда же мы знаем! Милиция нам не докладывает.

— А сама она что-нибудь рассказывала?

— Говорила, что убежала от каких-то кавказцев.

Саканский со стоном впечатал обе ладони в лоб и опустился на корточки. В тот день прохожие на Тверском бульваре не могли не заметить странного молодого человека, который сидел посреди тротуара и с рыданиями бил себя по лбу телефоном.

— Это я ее убил! Я убил! — бормотал он, как в бреду. — Зачем я ее снял? Зачем она его узнала.

Молодой человек вскочил на ноги и принялся остервенело набирать все номера подряд. Мобильный Саликова был отключен. Где теперь его искать? Из думы сообщили, что в шестнадцать его ожидают по одному важному вопросу.

— Черта с два дождетесь! — прорычал молодой человек и посмотрел на часы.

Было только половина третьего. Саканский отчаянно понесся через шоссе и только чудом не угодив под машину. Он был свирепо обруган и возвращен обратно на тротуар бдительным постовым.

— Ваш документик! — потребовал мент.

Как назло и документа в кармане не оказалось. Пришлось сунуть ему сто долларов и снова рвануть на дорогу. К счастью подвернулось такси.

— Гони, шеф, что есть мочи!

— Куда?

— Вперед!

Словно в бреду ездил Костя по элитным борделям Москвы, в которых любил бывать Сальников. Но его нигде не было. «Никак повез в свою новую резиденцию, которую ему отвалила диаспора», — подумал Саканский. Но где она находится, Костя не знал.

— Куда теперь? — спросил взмыленный водитель.

Вместо ответа Саканский набрал телефон думы. И вдруг ему ответили, что Саликов был, но только что отбыл домой. Костя не поверил ушам. Он взглянул на часы: было половина шестого.

— На улицу Руставели, — приказал пассажир.

У дома № 8 восемь такси остановилось. Костя расплатился с водителем и совершенно больной вылез наружу. В эту минуту из двора в норковой шубе и домашних тапочках выбежала жена Сальникова. Она была явно не в себе. Это заметил даже Саканский, который тоже выглядел не лучшим образом. Первым порывом было — догнать Надежду Николаевну и осведомиться о муже. Но внезапно Саканский раздумал. Это даже лучше, что ее не будет дома. У помощника к патрону серьезный разговор.

Код подъезда Костя знал, поэтому вошел в дом незамеченным. Поднявшись на второй этаж, гость хотел позвонить, но заметил, что дверь не заперта. Он прошел в комнату и увидел его. Хозяин сидел в кресле спиной к двери и, как ни в чем не бывало, попивал коньячок. Костя бесшумно приблизился сзади и краем глаза зацепил на столике пистолет.

— Где она? — прохрипел он.

Сальников вздрогнул и повернул к нему голову.

— Фу ты, напугал! Я думал, жена подкрадывается.

— Жены дома нет. Где она? — переспросил гость.

— Кто? — прикинулся дураком Саликов, прикладываясь к рюмке. — Твоя протеже? Будет лучше, если ты про нее забудешь. Свои деньги ты получил, так что, как говорится, гуляй, Вася!

Саканский кинул на стол эту жгущую пачку долларов и сверкнул глазами. Сальников удивленно поднял голову.

— Поздно, брат! Товар уже уплыл.

— Что? — взревел Саканский. — Ты отдал ее архаровцам? Скотина! Они ее в живых не оставят!

Хозяин дома презрительно поднял бровь.

— Не забывайся! Держи себя в рамках.

Саканский схватил со стола пистолет и взвел курок.

— Это ты приказал забить Нонну?

— Положи оружие на место, — сдвинул брови Саликов.

— Говори, скотина! Ты приказал?

— Осторожно. Он заряженный.

— Отвечай, когда спрашивают.

— Ты же сам ее снял для меня. Я не виноват, что она меня узнала. А теперь положи «Вальтер» на место и вали отсюда. Ты уволен!

Саканский направил пистолет ему в лоб и нажал на курок.

Это произошло как во сне. Выстрел, мгновенно заложившие уши, дернувшийся Сальников, и образовавшаяся во лбу

дырочка, из которой, фонтанчиком брызнула вишневая струйка крови.

Костя попятился. «Неужели убил?» — была первая мысль. «Так ему и надо?» — была вторая. Упершись лопатками в дверь, убийца выронил пистолет и выбежал из комнаты. Он хотел тут же позвонить в милицию, но потом подумал, что она сама его найдет. И поплелся в пивной бар.

50

В тот вечер, бредя в пивной бар «Встреча», Саканский был уверен, что Лилии уже нет в живых. Ему ли не знать, что все попадающее в лапы азеров, остается у них навсегда. Вот почему он не верил, что глава диаспоры вернет Лилию даже за двойную цену.

Костя вошел в холл и сразу встретился глазами с Назаревым. Он со скрещенными руками стоял у кресла, в котором сидела Лилия, и его взгляд выражал решимость биться до последнего. У двери торчало четверо охранников. В глубине холла крутилось еще шестеро. Судя по обстановке, Лилию еще не пытались отбивать, но накал чувствовался. Навстречу вошедшему выскочил администратор. Он с дипломатичной улыбкой пригласил к хозяину.

Когда Костя вошел в кабинет главы, то первым делом бросил на стол обе пачки долларов.

— Здесь двадцать тысяч. Даже больше. Я могу забрать Лилию?

Сидящей за столом азербайджанец хитро улыбнулся.

— Константин Леонидович, вы же умный человек. Неужели вы не понимаете, что я не могу выпустить девушку за пределы диаспоры. Она была свидетельницей убийства Баха. Отпустить ее, значит сдать Свища.

— Вы думаете, она сразу побежит в прокуратуру?

— Зачем ей бежать? Прокуратура сама ее найдет. На пистолете, из которого застрелили Баха, ее отпечатки пальцев.

— Как это получилось? — удивился Костя.

Азербайджанец не ответил на вопрос. Он хитро прищурил глаза и, после короткой паузы, произнес:

— В принципе, я могу расстаться со Свищем, поскольку он ликвидировал Баха без санкции диаспоры, но это вам будет стоить четырех лет каторжной работы.

Костя сощурил глаза и с минуту молчал.

— Что ж, мне ничего не остается, как согласиться. Вы не оставляете выбора, — выдохнул Саканский.

— Вот и прекрасно! — оживился азербайджанец и быстро достал из стола лист бумаги. — Через три месяца мы начинаем предвыборную кампанию. Вот законы, которые вы должны протачить в течение своего срока.

Саканский взглянул на список и покачал головой.

— Это будет не просто!

— Ну, вы же профессионал, Константин Леонидович! К тому же ваш труд будет щедро оплачиваться. Кстати, ваши деньги значения не имеют, — кивнул хозяин на доллары. — Заберите их обратно...

После того, как Саканский вышел из кабинета, азербайджанец быстро набрал нужный номер и произнес с жутким акцентом:

— Ми падумали и решили видать вам Свища, штобы нэ обастрять взаимные атнащения. Надэюсь, што в дальнэйшэм, ми будэм рэшать наши разнагласия исключительно заканадатэльном путем.

Двое мужчин и женщина вышли на крыльцо шикарного особняка, и им сразу подали черный «Мерседес». Они втроем сели на заднее сиденье. Мужчины с краю, женщина посередине.

— Куда? — спросил водитель.

— Мне в аэропорт Домодедово, — произнесла женщина и озабоченно посмотрела на часы. — Через час из Парижа прилетает муж...

— Я тебя провожу, — буркнул Назарев и отвернулся к окну, чтобы не встречаться глазами с Саканским. — А потом и сам поеду на Ярославский.

— Не дури! Возвращайся домой, к жене и детям. Я же тебе все рассказала.

Минут двадцать ехали молча. На двадцать первой Лилия не выдержала:

— Ну, что вы такие скучные. Костя, хватит дуться! Это я должна обижаться на то, что ты подогнал мне такого спонсора.

На ее лице уже сияла улыбка, и сама она точно светилась изнутри. Костя взглянул в ее глаза, и на душе потеплело.

— Прости меня! Я не знал, что так получится. Кстати, я обещал тебе найти деньги на издание альбома, и я их нашел. Вот!

Костя достал из кармана две пачки долларов и сунул их Лилии!

— Что ты! — распахнула она глаза. — Я не могу взять такие деньги. Убери немедленно!

— Бери-бери! — подал голос Назарев. — У сутенеров денег немерено.

Лилия рассмеялась, и мир был восстановлен.

Через час девушка уже крепко обнимала мужа в здании аэровокзала Домодедова.

— Как в Париже?

— Прекрасно! А как в Москве?

— Еще прекрасней. Кстати, я не сидела, сложа руки. Я нашла деньги на издание альбома.

— Где?

— Это долгая история. Потом расскажу.

— Боже, как ты похудела. И бледная вся. А почему руки так ободраны?

Назарев с Саканским, наблюдавшие их встречу со второго этажа аэропорта, одновременно вздохнули и поплелись на стоянку такси.

— Куда? — спросил таксист.

— На Руставели. В общагу Литературного института.

51

Первое, что неприятно поразило Назарева, когда он переступил порог общежития, ударившая в ноздри вонь. Он едва не задохнулся в лифте, а в комнате его чуть не вырвало от продавленного панциря и полуразобранной тумбочки. Костя, ничего не заметив, сел за стол и принялся что-то торопливо набрасывать на бумагу.

— Решил начать роман? — поинтересовался Валера, вытаскивая из шкафа чемодан.

— Да! У меня еще три месяца до предвыборной кампании. Целых три месяца я могу принадлежать себе. По нашим временам, это роскошь.

— Ну-ну, — ответил Назарев и, вытащив из чемодана приемник, прилег на кровать. До поезда еще было два часа.

Назарев лениво пошуровал по диапазону и вдруг наткнулся на сенсационную новость, которую передавало «Эхо Москвы».

«Сегодня в Москве правоохрнительными органами столицы у стадиона Лужники предотвращен чудовищный теракт. Была обезврежена легковая машина, начиненная тротилом. Однако, как сообщает пресс-служба МВД, взрыв автомобиля — не основная цель террористов. В багажнике «жигулей» обнаружен мешок с бактериологическим веществом. Этим препаратом, по уверению экспертов, планировали заразить городскую фауну в окрестности пяти километров. В данный момент препарат изучается специалистами. По предварительным данным, это порошок Сибирской язвы. С подробностями старший следователь прокуратуры Москвы полковник милиции Ибрагим Крымов:

— На сегодняшний день исламская экстремистская группировка, к которой принадлежали задержанные уроженец Чечни Ахмад Мурадов и гражданин Азербайджана Джангир Гаязов, полностью обезврежена. Предотвращение крупномасштабного теракта в Москве стало возможно благодаря расследованию убийства депутата Мосгордумы Владимира Саликова. Это преступление — дело рук той же экстремистской группировки, возглавляемой известным исламским террористом Эльдаром Ганеевым, по кличке Свищ. На его счету два десятка заказных убийств, в том числе и убийство частного предпринимателя Ибрагима Бахтина, совершенного на днях. При задержании экстремист оказал сопротивление. Тем не менее, несмотря на ранение, Ганеев уже начал давать показания...»

— Вот это ни хрена! — воскликнул Назарев. — Уже и до нас добрались! А? Что ты по этому поводу думаешь, скажешь, господин депутат?

Саканский оторвался от стола и криво усмехнулся:

— По этому поводу можно сказать только одно: полковник Крымов получит генерала, а офицеры-оперативники — по звездочке. Словом, гражданин избиратель, мир по-прежнему не радуется разнообразием. Что касается бактерий сибирской язвы — это к американцам! У них все бактериологические лаборатории, а не у исламской экстремистской группы. Словом, гражданин избиратель, мир по-прежнему не радуется разнообразием.

Костя хмыкнул и снова углубился в писанину.

Фрезеровщик не ответил. Он выключил радио и скучно уставился в окно. За окном накрапывал дождь, от одного вида которого, да еще от замусоленного подоконника с желтыми газетами, хотелось повеситься.

Вместо того, чтобы ужаснуться, что эти проклятые исламисты уже добрались до сердца России, Назарев с досадой подумал, что давно не чистил зубы, не менял носки, не одевал свежей рубашки, не лежал в ванной, не обтирался махровым полотенцем, не пил хороший кофе, наконец, просто не питался нормально, как полагается русскому мужику, свекольным борщом и наваристыми щами.

В голове с тоской мелькнуло, что дурить, пожалуй, хватит и хватит, пожалуй, бродяжничать. Ведь он не привокзальный ханыга, не живой свидетель Иеговы и, наконец, не поэт. И что, пожалуй, этот свитальческий цикл следует завершать и (что поделать?) возвращаться домой.

Дома чисто, уютно, пахнет свежими простынями, мягкими подушками, теплой женщиной и любимыми детьми. Как они обрадуются, как бросятся к нему на шею, родному папке, ночевавшему в черт знает каких трущобах.

Что касается жены, ну что тут поделаешь? Ну, дура-баба! С этим надо мириться. Нельзя же из-за ее глупости разрушать жизнь собственным детям. Да и почему из-за ее глупости он должен страдать и он сам? А может, Лилия права, и Люська действительно не изменяла? Может, Жареный наплел, потому что сам на нее давно глаз косит. Да нет, супругу Валера знает: ничего подобного она себе не позволит. К тому же, Лилия врать не станет.

Назарева посмотрел на часы. До поезда оставалось более чем полтора часа. Тем не менее, он поднялся и начал складывать чемодан. Костя не обратил внимания на возню сзади, и это придало Валере решимости.

«Как здесь люди живут? — продолжала точить внутри. — На весь этаж один кран, две газовые горелки и полтора унитаза!»

Постоялец укладывал вещи и изредка поглядывал на затылок литератора. Что-то типа стыда сверлило нутро, и Назарев подумывал, а не рвануть ли сейчас вправду на Ярославский вокзал?

Он еще решит, куда рвануть, но в любом случае чемодан должен быть уложен. Конечно, ему сейчас нужно ехать на завод: либо получить расчет, либо отзывать заявление. Но в Ярославле он вряд ли уживется с родителями в однокомнатной квартире, или с сестрой и ее детьми в трехкомнатной. И волей-неволей опять придется перебираться в общежитие.

Валерий представил ржавый рукомойник, общий туалет, скользкий душ, заляпанную газовую плиту и его передерну-

ло. Пардон! Так жить могут только литераторы. Им по фигу! У них в запасе вечность, а у него — только вторая половина жизни.

Назарев свирепо щелкнул застёжками, и Костя, наконец, поднял голову.

— Решил ехать?

— Решил! — ответил Назарев, не уточняя куда.

— Ну, всего тебе, — улыбнулся Саканский, протягивая узкую ладонь. — От души желаю тебе поступить в театральное заведение, а потом по моему сценарию сыграть главную роль.

Назарев с чувством тряхнул протянутую руку и затравленно улыбнулся. Он вышел из комнаты с унылым предчувствием, что роль по Костиному сценарию сыграет кто-то другой.

И когда Валера спускался по выщербленной лестнице общежития, так и не дождавшись лифта, то на какую-то долю секунды в глазах снова померк свет, и он увидел под ногами каменные ступени и на них собственную тень с дрожащим факелом в руке.

— К черту! — воскликнул Назарев и сильно затряс головой.

«Видно, вчера сильно перебрал», — подумал он и еще крепче сжал ручку чемодана. Миновав вахту и выбежав на улицу, Назарев вдохнул полную грудь студеного октябрьского воздуха и, поймав губами дождевку, понесся что было духу за грязным облупленным троллейбусом.

Октябрь 2001 г.